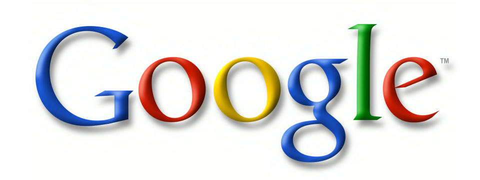
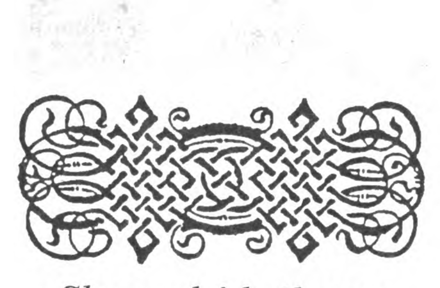

Sm 945
3

№ 24.

Грибоѣдовымъ

А. Мещанинову

Рига 11го Октября 1855 г.

Сверено

А. М. Мещанинъ

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

при

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Назданни на основаніи Апостолъ и Пророкъ сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

НА 1834 ГОДЪ

Часть третія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1834.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Сентября 4 дня 1834 года.

Цензоръ, *Академіи Инспекторъ*
Архимандритъ Платонъ.

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

ПРАВИЛА

ПРОСТРАННО ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО ВОПРОСАМЪ И ОТВѢТАМЪ.

Вопросъ XXXII. Какъ должно обращаться съ родными по плоти?

Отвѣтъ: Тѣмъ, кои приняты уже въ число братства, Настоятель не долженъ позволять чѣмъ либо развлекаться, такъ чтобы они, подъ предлогомъ посѣщенія домашнихъ, удалялись братій и вели жизнь безъ свидѣтелей, или, ради вспоможенія своимъ родственникамъ, предавались различнымъ заботамъ. Ибо Писаніе вообще запрещаетъ братіямъ говорить: это мое, а это твое. *Народу вѣровавшему*, говоритъ оно, *бѣ сердце и душа едина; и никтоже что отъ и-*

мнѣній своихъ глаголаше свое быти (Дѣян. 4, 32). Итакъ ежели чьи либо родители, или братія по плоти, ведутъ жизнь Богоугодную; то всѣ, принадлежащіе къ братству, должны услуживать имъ, какъ общимъ своимъ родителямъ или сродникамъ; ибо Господь сказалъ: *иже аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ, той братъ мой, и сестра и мати ми есть* (Мат. 12, 49). Впрочемъ мы полагаемъ, что попеченіе о нихъ лучше предоставить Настоятелю братій. Если же они преданы мірской жизни, то намъ, непрестанно старающимся провождать жизнь добродѣтельную, благообразную, и святую, не должно имѣть съ ними ничего общаго. Въ противномъ случаѣ мы не принесемъ имъ никакой пользы, а свою жизнь подвергнемъ огорченіямъ, безпокойствамъ и грѣховнымъ соблазнамъ. Что жъ касается до тѣхъ, которые презираютъ заповѣди Божіи, и ни во что вмѣняютъ дѣло благочестія, то, хотябъ они сами пришли къ намъ посѣтить прежнихъ своихъ родственниковъ, не должно принимать ихъ; по-

елику они не любятъ Господа, Который сказалъ: *не любяй Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ* (Іоан. 14, 24). *Кое причастіе правдѣ къ беззаконію? или кое общеніе свѣту ко тмѣ?* (2 Кор. 6, 14).

Въ особенности должно всемѣрно стараться удалять всякій поводъ ко грѣху отъ тѣхъ, кои еще не давно вступили въ подвигъ добродѣтели, и живо помнятъ о прежней своей жизни, дабы съ ними не случилось сказанное въ Писаніи: *возвратилисъ* сердцами своими *въ Египетъ* (Числ. 14, 4); а это весьма не рѣдко бываетъ, когда они часто бесѣдуютъ съ родными по плоти. Вообще не должно допускать, чтобы родственникъ, или другой какой посторонній человѣкъ разговаривалъ о чемъ нибудь съ братіями, если мы не увѣрены, что они бесѣдуютъ для назиданія и совершенства душъ своихъ. Но когда нужда требуетъ говорить съ людьми, въ первый разъ пришедшими: то пусть бесѣдуютъ съ ними тѣ, коимъ сообщенъ даръ слова, поелику они только имѣютъ способность благоразумно говорить и слушать

то, что относится къназиданію въ Вѣрѣ. Апостолъ ясно внушаетъ, что не всѣ обладаютъ способностію слова, но не многіе имѣютъ сіе дарованіе; ибо онъ говоритъ: *овому Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума* (1 Кор. 12, 8); и въ другомъ мѣстѣ: *да силенъ будетъ и утѣшати во здравомъ ученіи, и противящыяся обличати* (Тит. 1, 9).

Вопросъ XXXIII. Какъ должно бесѣдовать съ сестрами?

Отвѣтъ. Кто навсегда отказался отъ брака; тотъ, очевидно, еще болѣе долженъ отказываться отъ тѣхъ безпокойствъ, какія, по словамъ Апостола, имѣетъ человѣкъ женатый, заботящійся какъ бы *угодити женѣ своей* (1 Кор. 7, 32); а также всячески долженъ стараться предохранять себя отъ всякаго попеченія понравиться и угодить женщинѣ, страшась суда Того, Кто сказалъ: *Богъ разсыпа кости человѣкоугодниковъ* (Псал. 52, 6). Посему для снисканія благосклонности не должно разговаривать даже съ мущиною; но по открывшейся необхо-

димости преподать ему назиданіе, которое, согласно заповѣди Божіей, каждый изъ насъ обязанъ доставлять своему ближнему, позволительно только вступать съ нимъ въ разговоръ. Впрочемъ не безъ различія со всякимъ желающимъ должно бесѣдовать, равно какъ не всякое время, и не всякое мѣсто для сего удобно. Но если мы, исполняя заповѣдь Апостола, не хочемъ подать соблазна ни Іудеямъ, ни Еллинамъ, ни Церкви Божіей, а желаемъ поступать во всемъ благообразно, по чину и назидательно; то должны тщательно соблюдать приличіе въ выборѣ и лица, и времени, и мѣста, и предмета бесѣды. Ибо чрезъ это мы удалимъ отъ себя даже всякую тѣнь къ зазрѣнію насъ, и вмѣстѣ представимъ доказательство совершенной чистоты и цѣломудрія нашего относительно тѣхъ, которымъ позволено съ нами видѣться, и бесѣдовать о богоугодныхъ дѣлахъ, касающихся тѣлесныхъ ихъ нуждъ, или душевнаго спасенія. Но при таковомъ собесѣдованіи не должно быть менѣе двухъ человѣкъ съ той и другой сто-

роны; ибо одно лице легко подвергается подозрѣнію (если только не случится чего худшаго), и не имѣетъ достаточной силы и важности къ утвержденію словъ своихъ: *при двою или тріехъ*, говоритъ Писаніе, *станетъ всякъ глаголъ* (Матѳ. 18, 16). Однакожъ не должно быть и болѣе трехъ человѣкъ, дабы не воспрепятствовать охотной бесѣдѣ о заповѣдяхъ Господа нашего Іисуса Христа.

Если же какіе либо братія, принадлежащіе различнымъ братствамъ, имѣютъ нужду сказать одинъ другому, или услышать одинъ отъ другаго что нибудь такое, что собственно касается одного изъ нихъ; то они не должны сами сходиться для разговора, но пусть это сдѣлаютъ, вмѣсто нихъ, избранные старцы съ избранными старицами, чрезъ посредство коихъ и должно имъ переговорить между собою о томъ, о чемъ нужно. Такое правило должно соблюдать не только женщинѣ въ отношеніи къ мущинѣ, или мущинѣ въ отношеніи къ женщинѣ, но и лицамъ одного пола. По-

мянутые же старцы и старицы, кромѣ благочестія и достоуважаемой во всемъ честности, должны еще быть благоразумны въ вопросахъ и отвѣтахъ, точны въ словахъ и внимательны къ разговору, *устроя*, по Писанію, *словеса своя на судъ* (Псал. 111, 5), такъ чтобъ они могли и исполнить порученіе довѣрившихъ имъ свое дѣло, и не имѣть никакого недоумѣнія касательно того, о чемъ разговаривали. А иные, впрочемъ съ предварительнаго дозволенія, могутъ услуживать и въ тѣлесныхъ нуждахъ; но это позволяется дѣлать тѣмъ, кои достигли уже престарѣлаго возраста, и по своему виду и нраву заслуживаютъ такое отъ всѣхъ уваженіе, что ни въ чьей совѣсти не можетъ родиться на нихъ худое подозрѣніе. *Вскую бо свобода моя судится отъ иныя совѣсти?* (1 Кор. 10, 29).

Вопросъ XXXIV. Каковы должны быть экономы въ братскомъ обществѣ?

Отвѣтъ. Завѣдывающіе въ братскихъ обществахъ необходимыми вещами непремѣнно должны быть люди достой-

ные, могущіе подражать тѣмъ, которые, какъ сказано въ Дѣяніяхъ: *каждому давали то, въ чемъ кто имѣлъ нужду* (Дѣян. 4, 35). Они обязаны о всѣхъ имѣть великую попечительность, всѣмъ оказывать кротость, и не подавать ни малѣйшаго повода къ тому, чтобъ ихъ кто либо подозрѣвалъ или въ пристрастіи и особенной расположенности къ нѣкоторымъ братіямъ: *ничего не дѣлай по пристрастію*, говоритъ Апостолъ (1 Тим. 5, 21),—или въ распри, которую тотъ же Апостолъ запрещаетъ, какъ вовсе не приличную Христіанамъ: *ежели бы кто захотѣлъ спорить*, говоритъ онъ; *то мы не имѣемъ такого обычая, ни Церкви Божіи* (1 Кор. 11, 16). Ибо въ противномъ случаѣ тѣ, съ коими они поступаютъ непріязненно, лишились бы необходимаго, а слишкомъ ими любимые получили бы излишнее: первое происходитъ отъ братоненавидѣнія, а второе отъ лицепріятія,—такихъ пороковъ, которыхъ мы должны всячески избѣгать; поелику они истребляютъ въ братствѣ раждающееся отъ любви со-

гласіе, и производяшъ подозрѣніе, зависть, ссоры и нерадѣніе объ исполненіи обязанностей.

Ишакъ по вышеизложеннымъ, а равно и по многимъ другимъ причинамъ, раздающіе брашіи необходимыя вещи, непремѣнно должны быть въ высочайшей степени чужды пристрастія и непріязни. Они, равно какъ и всѣ тѣ, на коихъ возложенъ какой либо другой родъ служенія братіямъ, должны имѣть такое расположеніе, и показывать такое тщаніе въ исполненіи своей обязанности, какъ бы служили не человѣкамъ, а самому Господу, Который, по великой своей благости, вмѣняетъ себѣ самому уваженіе и усердіе, которое мы оказываемъ тѣмъ, которые себя посвятили Ему, и обѣщаетъ за то наслѣдіе небеснаго царствія: *пріидите благословенніи Отца Моего*, говоритъ Онъ, *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 34. 40). Съ другой стороны они должны пред-

ставлять себѣ ту великую опасность, которая угрожаетъ нерадивымъ, и помнить слова Пророка: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Іер. 48, 10). Нерадивые не только лишатся царствія Божія, но еще услышатъ, изреченный на нихъ, сей грозный и страшный приговоръ Господа: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. 25, 41). Если же тѣ, на коихъ возложены обязанности и попеченіе о другихъ, за свое усердіе получаютъ столь великую награду, а за нерадѣніе подвергаются столь страшному осужденію: то какъ ревностно должны они трудиться, дабы заслужить имя братій Господа? Онъ Самъ внушаетъ это, говоря: *иже аще сотворитъ волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ; той братъ мой и сестра, и мати Ми есть* (Матѳ. 12, 49).

Кто не поставляетъ воли Божіей за цѣль всей своей жизни, такъ чтобъ и при здравіи онъ могъ являть трудъ любви посредствомъ ревностнаго исполненія дѣлъ Господнихъ, и во время бо-

лѣзни съ радостію показывать терпѣніе и великодушіе: тотъ находится въ опасномъ положеніи. Первая и величайшая опасность есть та, что онъ отлучается отъ Господа и лишается сообщества Его братій; ибо, не исполняя воли Божіей, онъ самъ себя отдѣляетъ отъ нихъ: а вторая состоитъ въ томъ, что онъ дерзаетъ не достойно участвовать въ тѣхъ благахъ, кои уготованы достойнымъ. Въ семъ случаѣ необходимо еще помнить слѣдующія слова Апостола: *мы, какъ сотрудники, убѣждаемъ васъ, чтобы благодать Божія была принята вами не напрасно* (2 Кор. 6, 1); необходимо помнить, что призванные въ число братій Господа не должны оскорблять благодать Божію, и также достоинство свое терять нерадѣніемъ о волѣ Божіей; но паче должны слѣдовать внушенію того же Апостола, который говоритъ: *я, узникъ о Господѣ, умоляю васъ поступать сообразно званію, въ которое вы призваны* (Ефес. 4, 1).

Вопросъ XXXV. Должно ли въ од-

номъ и томъ же селеніи учреждать многія братства?

Отвѣтъ. Предложенный вопросъ легко можно разрѣшить, взявъ въ примѣръ устройство тѣлесныхъ членовъ, часто приводимое нами для объясненія различныхъ предметовъ. Поелику выше сказано, что тѣло, дабы хорошо и точно приспособлено было къ совершенію всѣхъ дѣйствій, должно имѣть глаза, языкъ и прочіе необходимые и важнѣйшіе члены; то надлежитъ заключить, что трудно, и едва ли возможно найти такую душу, которая бы одна могла быть окомъ многихъ. Правила требуютъ, чтобы Настоятель братскаго общества былъ и предусмотрителенъ, и въ словѣ искусенъ, и трезвенъ, и милосердъ, и всемъ сердцемъ расположенъ къ снисканію правды Божіей: но можно ли въ одномъ селеніи найти много такихъ людей? Положимъ впрочемъ, что иногда и нашлось бы ихъ человѣка два или три (хотя это не легко, и мы не знаемъ подобнаго примѣра); то не гораздо ли лучше, если они будутъ раздѣлять между собою по-

печеніе о братіяхъ и облегчать другъ для друга тяжесть онаго? На примѣръ, когда одинъ находится въ отсутствіи, или занятъ дѣломъ, или озабоченъ иными какими либо обстоятельствами (ибо одному Настоятелю не рѣдко случается отлучаться изъ братскаго общества); то пусть другой утѣшаетъ братію въ его отсутствіи, или если не будетъ въ семъ нужды, пусть посѣщаетъ другое братство, которому нуженъ руководитель. Сверхъ сего, и наблюденіе надъ житейскими дѣлами хорошо можетъ служить къ объясненію предложеннаго вопроса. Извѣстно, что искусные въ мірскихъ художествахъ съ завистію взираютъ на своихъ соперниковъ; поелику занятіе однимъ и тѣмъ же искусствомъ возбуждаетъ въ нихъ тайное соревнованіе: тоже весьма часто случается и въ жизни отшельнической. Братскія общества, сначала состязуясь между собою въ добродѣтели, и ревнуя превзойти одно другое или въ странноприимствѣ, или въ умноженіи сподвижниковъ, или въ другихъ какихъ либо подобныхъ дѣ-

лахъ, потомъ мало по малу заводятъ между собою распри. Отсюда происходитъ то, что со стороны приходящіе братія бываютъ въ великомъ сомнѣніи, и, вмѣсто успокоенія, тревожатся недоумѣніемъ, къ кому имъ лучше присоединиться? Ибо отдавъ предпочтеніе одному обществу, оскорбишь другое, а удовлетворить обоимъ не возможно, особенно когда желаютъ ускорить своимъ отбытіемъ. Что же касается до тѣхъ, которые съ самаго начала вступили въ общежитіе, они также не мало должны безпокоиться, кого изъ Настоятелей избрать имъ въ руководители своей жизни; ибо избравъ одного, они по необходимости унизили бы другихъ. Слѣдствіемъ сего бываетъ и то, что вступившіе въ братское общество на первомъ шагу заражаются высокомѣріемъ; поелику должны бываютъ дѣлаться судіями и цѣнителями братій, а не тотчасъ пріучать самихъ себя къ образу подвижнической жизни.

Итакъ если отъ раздѣльности братскихъ помѣщеній не можетъ быть ни-

какого истиннаго и очевиднаго блага, а напротивъ происходитъ изъ сего столь много важныхъ невыгодъ; то вовсе безполезно отдѣлять ихъ одно отъ другаго. И еслибъ случилось, что какое либо жилище прежде было такъ устроено; то немедленно надобно перестроить оное, особенно, если замѣчена будетъ его ветхость. Упорно не соглашаться на это, значитъ показывать явное любопреніе: *но ежели бы кто захотѣлъ спорить*, говоритъ Апостолъ, *то мы не имѣемъ такого обычая, ни Церкви Божіи* (1 Кор. 11, 16). Да и какую братія могутъ представить причину, которая бы препятствовала совокупному ихъ жительству? Не пріобрѣтеніе ли необходимыхъ домашнихъ вещей? Но въ общежитіи гораздо легче имѣть ихъ; поелику въ семъ случаѣ одинъ свѣтильникъ, одинъ очагъ и другія подобныя вещи могутъ служить для многихъ. Ибо, между прочимъ, и въ семъ отношеніи должно облегчать себя, всячески стараясь, какъ можно болѣе сокращать число необходимыхъ для насъ

потребностей. Притомъ, когда братія обитаютъ въ отдѣльныхъ жилищахъ, то много потребно такихъ людей, которые бы отвнѣ доставляли имъ нужныя вещи; если же они живутъ всѣ вмѣстѣ, то довольно бываетъ и половины сихъ людей. А сколь трудно найти человѣка, который не безчестилъ бы имени Христова, но во время отлучекъ изъ Монастыря велъ себя въ сношеніяхъ съ мірянами достойно своего званія,—это вамъ извѣстно и безъ меня. Далѣе, какъ могутъ братія, живущіе отдѣльно, назидать тѣхъ, кои обитаютъ въ общежитіи? Могутъ ли они, въ случаѣ нужды, склонять ихъ къ миру, или убѣждать къ исполненію другихъ заповѣдей, ежели сами, избѣгая совокупнаго жительства, навлекаютъ на себя дурное подозрѣніе? Сверхъ сего мы слышимъ, что говоритъ Апостолъ въ посланіи къ Филиппійцамъ: *исполните мою радость, да тожде мудрствуете, туже любовь имуще, единодушни, единомудренни: ничтоже по рвенію, или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга че-*

стію больша себе творяще. Не своихъ си кійждо, но и другжнихъ кійждо смотряйте (Фил. 2, 2—4).

Но чѣмъ можно болѣе доказать смиренномудріе, какъ не тѣмъ подчиненіемъ, которое Настоятели братства оказываютъ другъ другу? Если они равны по духовнымъ дарамъ; то для нихъ лучше вмѣстѣ подвизаться. Это показалъ намъ Самъ Господь, пославъ Апостоловъ на проповѣдь по два, изъ коихъ конечно всякой, помня слово Господа: *смиряяй себе вознесется* (Лук. 18, 14), готовъ былъ съ радостію подчинить себя другому. Если же случится, что одинъ имѣетъ духовныхъ даровъ менѣе, а другой болѣе: то гораздо полезнѣе будетъ, если сильнѣйшій присоединитъ къ себѣ слабѣйшаго. И не явно ли чрезъ отдѣльное жительство братій нарушается заповѣдь Апостола, который говоритъ: *не своихъ си кійждо, но и другжнихъ кійждо смотряйте* (Фил. 2, 4)? Когда братія живутъ отдѣльно, то сего, по моему мнѣнію, не возможно исполнять: потому что каждое общество почи-

таетъ своею обязанностію пещись только о тѣхъ братіяхъ, которые принадлежатъ къ нему, о другихъ же ни мало не заботится; а это, какъ мы сказали, очевидно противорѣчитъ Апостольской заповѣди. Тоже подтверждаетъ и примѣръ Святыхъ, которые часто упоминаются въ Дѣяніяхъ, и о коихъ тамъ говорится иногда такъ: *народу вѣровавшему бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. 4, 32); а иногда такъ: *вси вѣровавшіи бяху вкупѣ, и имѣяху вся обща* (Дѣян. 2, 44). Очевидно, что между ими не было никакого раздѣленія и никто не жилъ по своему произволу, но всѣ управляемы были одною попечительною волею, не смотря на то, что число ихъ простиралось до пяти тысячь, и вѣроятно, имъ представлялось многое, что, по сужденію человѣческому, казалось препятствіемъ соединенному пребыванію. Если же братскія общества въ каждомъ селеніи бываютъ гораздо сего малочисленнѣе, то по какой причинѣ можно позволить имъ раздѣляться? О, мы желали бъ, чтобы не только собравшіеся

въ одномъ селеніи для общежитія навсегда въ немъ оставались; но чтобъ и многія братскія общества, находящіяся въ различныхъ мѣстахъ, управляемы были, въ единствѣ духа и союзѣ мира, единою заботливостію тѣхъ, которые могутъ не лицепріятно и мудро пещись о благоустройствѣ всѣхъ ихъ!

Вопросъ XXXVI. Объ удаляющихся изъ братскаго общества.

Отвѣтъ. Тотъ, кто однажды далъ обѣтъ вести вмѣстѣ съ другими одинаковую жизнь, не можетъ безъ всякой причины отдѣляться отъ нихъ, и ежели онъ оставляетъ прежнее свое намѣреніе, то по двумъ побужденіямъ: или потому, что чувствуетъ для себя вредъ отъ общежитія; или по непостоянству своихъ мыслей. Кто отдѣляется отъ братій по причинѣ вреда, тотъ не долженъ скрывать сей причины, но обязанъ обьявить о вредѣ такимъ образомъ, какъ заповѣдалъ Господь, говоря: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* и пр. (Мат. 18, 15). Если то, на

что онъ жалуется, будетъ исправлено, то онъ пріобрѣлъ братій, и не долженъ безчестить ихъ общества; а ежели увидитъ, что они упорствуютъ въ своемъ злѣ и не хотятъ исправиться, то пусть объявитъ тѣмъ, кои могутъ судить объ этомъ, и послѣ сего, при многихъ свидѣтеляхъ, оставитъ общество. Въ такомъ случаѣ онъ отдѣлится не отъ братій, но отъ чуждыхъ, ибо упорствующаго во злѣ Господь сравниваетъ съ язычникомъ и мытаремъ: *буди тебѣ* таковый, говоритъ Онъ, *якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17). Напротивъ кто отрекается отъ общежитія съ братіями, по собственному своему легкомыслію, тотъ долженъ стараться исцѣлить свою болѣзнь; если же онъ не хочетъ сего сдѣлать, то не долженъ быть пріемлемъ ни въ какія братскія общества. Впрочемъ, кто имѣетъ влеченіе перейти въ другое мѣсто по повелѣнію Господа, тотъ не отдѣляется отъ общества, но исполняетъ Божіе распоряженіе. Всякую же другую причину, по которой братія раздѣляются

между собою, здравомыслящій не можетъ оправдать. Поелику чрезъ это раздѣленіе во первыхъ безчествуется Господь нашъ Іисусъ Христосъ, во имя Коего братія совокупились; а во вторыхъ—совѣсть каждаго изъ нихъ не можетъ быть чиста въ отношеніи къ другому, но они взаимно будутъ подозрѣвать другъ друга, что явно противорѣчитъ заповѣди Господа, Который сказалъ: *аще принесеши даръ твой къ олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде примирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мат. 5, 23).

II.

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

БЕСѢДА

На слова: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый* (Псал. 38, 6. 7).

Въ рыболовѣ раждается нѣкое стремленіе къ морской глубинѣ, когда онъ, бросивъ сѣть и захвативъ множество рыбы, извлечетъ наполненный добычею неводъ; въ звѣроловѣ возбуждается влеченіе къ дубравѣ, въ коей водятся звѣри, когда онъ, исходивъ горы до ихъ лѣсистыхъ вершинъ, возвратится съ знатнымъ и богатымъ ловомъ. Еслижъ занимающимся рыбнымъ промысломъ и звѣроловствомъ пріятно трудиться для пріобрѣтенія временныхъ выгодъ: то не болѣе ли пріятенъ трудъ для тѣхъ, которые закидываютъ мрежи въ водахъ Церковныхъ, и которыхъ ожидаетъ на-

града не временная, не земная, но самое царство небесное?

Итакъ, возлюбленный, повторимъ Псаломскую игру гуслей Давидовыхъ; обличимъ скудость человѣческую сими словами: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый!*

Человѣкъ мятется, и наконецъ погибаетъ; мятется, и не успѣвъ ни на чѣмъ утвердить себя, уже попирается; вспыхиваетъ подобно огню, и превращается въ пепелъ подобно стеблію; воздымается подобно бурѣ, и разсыпается по землѣ подобно праху; устремляется вверхъ подобно пламени, и изчезаетъ подобно дыму; красуется подобно цвѣтку, и засыхаетъ подобно сѣну; расширяется какъ облако, и умаляется какъ капля; надувается какъ водяной пузырь, и потухаетъ какъ искра; — мятется, и своею ненасытностью пріобрѣтаетъ смрадъ! — мятется, и отходитъ изъ сей жизни, не взявъ съ собой ничего, о чемъ такъ много суетился въ оной! Онъ безпокоился, а другіе роскошествуютъ; онъ трудился, а другіе обладаютъ сокровищами;

онъ заботился, а другіе веселятся; онъ терпѣлъ нужду, а другіе наслаждаются; его проклинали, а другихъ ублажаютъ; онъ похищалъ, а другіе живутъ въ довольствѣ; онъ воздыхалъ, а у другихъ во всемъ изобиліе; у него текли слезы, а другіе богатѣютъ; онъ мучится во адѣ, а другіе ликуютъ, иждивая его стяжаніе. *Обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый!*

Человѣкъ—эта временная ссуда жизнію, этотъ долгъ смерти, уплату коего нельзя отсрочить, это животное добровольно неукротимое, лукавство самородное, ухищреніе самообразованное, искусное на злодѣянія, изобрѣтательное на неправды, преклонное къ любостяжанію, алчное до ненасытимости, поползновенное къ невѣрію;—духъ надменной, кичливая дерзость, скорогиблющая гордость, удобонизвергающееся возношеніе, легко смиряемая отважность; бреніе высящееся, пыль мятежная, прахъ высокомечтательный, персть надменная, искра потухающая, пламень гаснущій, тусклый свѣтильникъ, древо обреченное гніенію,

скороизсыхающій злакъ, быліе тотчасъ увядающее, существо скудельное. Онъ — сего дня грозенъ, а завтра мертвъ; сего дня отягченъ богатствомъ, а завтра простертъ на смертномъ одрѣ; сего дня въ коронѣ, а завтра во гробѣ; сего дня въ порфирѣ, а завтра въ могилѣ; сего дня въ сокровищницѣ, а завтра въ гробницѣ; сего дня съ ласкателями, а завтра съ червями; сего дня существуетъ, а завтра не существуетъ; его нынѣ величаютъ, а чрезъ нѣсколько минутъ оплакиваютъ; въ счастіи онъ несносенъ, а въ несчастіи безутѣшенъ; онъ не знаетъ самаго себя, а любопытствуетъ о томъ, что выше его; не знаетъ настоящаго, а мечтаетъ о будущемъ; по природѣ онъ смертенъ, а по надменности считаетъ себя вѣчнымъ. Онъ — легкая пища для всякой немощи, доступное жилище для всякой страсти, ежедневное игралище всякихъ болѣзней, открытая гостинница для всякой печали. О, какъ жалка наша скудость! О, сколь поразительное зрѣлище представляетъ собою человѣческое ничтожество! Но хотя мно-

гое сказано мною, однако для изображенія нашей суетности я не нашелъ выраженія лучше Пророческаго: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый!*

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ жизнь человѣческая не подобна морю? развѣ въ ней не такое жъ волненіе и мятежъ?— буря на сушѣ развѣ еще не сильнѣе бури на морѣ? развѣ мы не быстрѣе вѣтровъ устремляемся другъ на друга? развѣ прибытокъ, подобно вихрю, не несетъ насъ другъ противъ друга? развѣ мы не блуждаемъ туда и сюда, какъ будто въ морскомъ туманѣ? Одинъ окрадываетъ поля, другой похищаетъ чужихъ рабовъ; одинъ судится съ сосѣдомъ о водѣ, другой ссорится о воздухѣ съ живущимъ съ нимъ въ одномъ домѣ; одни спорятъ о границахъ помѣстій, другіе заводятъ тяжбу о строеніяхъ; одинъ силится получить то, чего не давалъ, другой не хочетъ отдать того, что взялъ; одинъ не удовлетворяется лихвою, другой старается отнять даже самый капиталъ; одинъ стенаетъ отъ бѣдности, другой не знаетъ себѣ покоя отъ богатства; не-

имущаго презираютъ, на зажиточнаго злоумышляютъ; начальствующимъ завидуютъ, облеченныхъ властію ненавидятъ; сильные всегда съ оружіемъ, войны непрестанныя, вражды непрерывныя; сластолюбіе властвуетъ, любостяжаніе господствуетъ, ложь превозносится; изчезла взаимная довѣренность, правда покинула землю, съ окончаніемъ стола оканчивается дружба. Все доброе потеряло свою силу; земля почти не въ состояніи держать на себѣ пороковъ; воздухъ оскверненъ до самаго неба. Деньги сдѣлали и жизнь безжизненною; за деньги мы продаемъ даже свободныя стихіи; дороги отданы на откупъ, земля раздѣлена на участки, воды принадлежатъ владѣльцамъ, назначена цѣна и воздуху. Города наполнены собирателями десятинъ, оброковъ и податей. Богатые чахнутъ отъ хлопотъ; ростовщики сохнутъ отъ заботъ; хищники всюду производятъ смятенія; сребролюбцы толпятся въ судебныхъ мѣстахъ; купцы стараются нажиться бѣдою другихъ; клеветники торгуютъ ложью. На обма-

ны мы истратили всѣ клятвы; о Богѣ вспоминаемъ только въ божбѣ! Пророкъ, видя такое развращеніе людей и такую суету нашей жизни, сказалъ: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый!*

Пророче! одинъ ли человѣкъ мятется? одно ли разумное созданіе ты осуждаешь? Я не замѣтилъ, говоритъ онъ, ни въ животныхъ, ни въ стихіяхъ, подобнаго смятенія. Мятутся воды, но опять укрощаются; колеблется земля, но опять дѣлается неподвижною; возстаютъ вѣтры, но скоро стихаютъ; свирѣпствуютъ звѣри, но, насытясь, усмиряются; усиливается пламень, но, испепеливъ древо, угасаетъ. А человѣкъ, обладаемый любостяжаніемъ, никогда не успокоивается: получилъ одно, и желаетъ уже другаго; достигъ одного, и уже плѣнился чѣмъ нибудь другимъ; хочетъ удвоить сотню, удвоивъ ее, старается нажить столько же, и никогда не перестаетъ наживать, пока не доживетъ до смерти. Снѣдаемый жаждою златолюбія, самъ становится желтѣе золота, — и это ради вожделѣннаго богатства, сего коварнаго

друга, сего опаснаго предмета любви, сего раба, посмѣвающагося своимъ владыкамъ, сего любезнаго ругателя, крылатаго узника, враждебнаго мертвеца, вѣтра вѣющаго въ мірѣ; — ради богатства, сего виновника всякой нелѣпости, изобрѣтателя всякаго зла, споспѣшника душепагубной роскоши, врага воздержанію, ненавистника цѣломудрія, татя всякой добродѣтели!

Но для чего я порицаю богатство, а не порицаю обладающихъ имъ? Они обижаютъ самое богатство; ибо дѣлаютъ его узникомъ и заключаютъ въ цѣпи. Мнѣ кажется, что само богатство вопіетъ къ нимъ: „сребролюбцы, за что меня вы связываете? за что меня, какъ бѣглеца, заключаете въ цѣпи? Для чего меня, какъ друга обнимаете, и какъ злодѣя заковываете, когда я изъ рудниковъ перехожу въ ваши руки? Если желаете дать мнѣ хоть минутный покой: то передайте меня нищимъ.“ Но вотъ, иной говоритъ: „я собираю богатство для дѣтей, дабы не оставить имъ въ наслѣдство одну нищету.“ Изрядно же

разсуждаетъ богачь—мечтатель! онъ не знаетъ настоящаго, а заботится о будущемъ; не знаетъ своей судьбы, а хлопочетъ о дѣтяхъ; не знаетъ, удостоится ли даже погребенія, а толкуетъ о наслѣдникахъ. Безумецъ! скажи мнѣ сперва о своей кончинѣ, и потомъ уже устроивай участь дѣтей; скажи мнѣ, что случится сего дня, тогда я повѣрю и тому, что ты скажешь о завтрашнемъ днѣ. Что тебѣ хочется быть въ заблужденіи и по смерти? Что тебѣ хочется, сдѣлавшись мертвымъ, въ тоже время быть посмѣшищемъ? За чѣмъ назначаешь занятіе Богу? За чѣмъ Промыслу Божію предписываешь законы, по которымъ онъ долженъ распорядиться твоимъ имуществомъ? Не твое дѣло заботиться о томъ, что случится послѣ тебя. Тебѣ не льзя и мертвымъ быть и живыми править; ты не Владыка живыхъ и не Судія мертвыхъ. За чѣмъ же ты, богачь, напрасный предпріемлешь трудъ, когда запираешь въ свои сокровищницы то, что принадлежитъ нищимъ, не зная, для кого собираешь. Для

чего удерживаешь у себя то, что составляетъ достояніе сиротъ? За чѣмъ досадуешь, когда они просятъ у тебя своего? за чѣмъ не охотно даешь имъ, какъ будто изъ своей собственности? Они требуютъ своего, а не твоего; они требуютъ того, что ввѣрено тебѣ для нихъ, и что не родилось съ тобою. Отдай взятое; удовольствуйся тою выгодой, что тебѣ суждено давать, а не принимать. Съ тебя довольно, что въ лицѣ нищаго Богъ простираетъ къ тебѣ десницу. Ниспосылающій дожди съ неба проситъ у тебя одну деньгу; производящій громы и молніи говоритъ тебѣ: умилосердись! одѣвающій небо облаками желаетъ принять отъ тебя рубище. Довольно съ тебя, что нищіе умоляютъ тебя, какъ Бога: „подай, сжалься, будь „милостивъ, чтобъ и тебя Богъ помиловалъ!" а ты не хочешь пошевелить бровьми, дабы взглянуть на нихъ, и, сколько они ни умоляютъ тебя, отказываешь имъ въ милостынѣ. Отдай имъ собственность ихъ, пока не потребовали отъ тебя отчета. Отдай имъ соб-

ственность ихъ; и ты вскорѣ обратно получишь данное. Отецъ ихъ Царь: отдай имъ собственность ихъ, и отъ сего Отца ихъ получишь вознагражденіе. Какое? *Понеже*, говоритъ Христосъ, *сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 4). Ибо *разумѣваяй на нища и убога* не только уничтожаетъ рукописаніе своихъ грѣховъ, но и получаетъ увѣреніе, что *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17). Дадимъ взаимъ Богу милостыню, чтобы Онъ заплатилъ намъ человѣколюбіемъ.

И какъ премудро сказано: *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови!* Почему не сказано просто: „милуяй нищаго, даетъ Богу;“ но сказано: „взаимъ (въ ростъ) даетъ Богу?“ Писаніе конечно знало нашу скупость; оно разумѣло, что наша любостяжательность вездѣ ищетъ прибытка, и потому не сказало: „милуяй нищаго даетъ Богу,“ чтобы ты не подумалъ, что рѣчь идетъ о простомъ даяніи и воздаяніи, но изрѣкло: „милуяй нищаго, въ ростъ даетъ Богу,“ дабы

скупецъ, услышавъ о ростѣ, охотнѣе подавалъ милостыню. *Милуяй нища, взаимъ даетъ Богови.* Итакъ если Богъ беретъ у насъ взаимъ, то Онъ нашъ должникъ. Что же лучше для тебя, чтобы Онъ былъ твоимъ Судьею, или твоимъ должникомъ? Должникъ уважаетъ заимодавца; а Судія безъ почтительнаго страха обращается съ подсудимымъ.

Есть и другая причина, почему Богъ сказалъ: дающій нищему, взаимъ даетъ Мнѣ. Поелику Богъ видѣлъ нашу скупость и страсть къ прибыткамъ; зналъ, что человѣкъ, имѣющій деньги, не даетъ ихъ взаймы безъ обезпеченія (ибо заимодавецъ требуетъ или залога, или поручителя, и только тогда ввѣряетъ другому свои деньги, когда онѣ обезпечиваются которымъ нибудь изъ сихъ условій, т. е. поручительствомъ, или залогомъ); поелику, говорю, Богъ зналъ, что безъ таковыхъ обезпеченій ни одинъ человѣкъ не даетъ взаймы, ни одинъ не руководствуется человѣколюбіемъ, а всякъ имѣетъ въ виду одну корысть; между тѣмъ какъ нищій не можетъ

ничего представить въ обезпеченіе (нечего ему заложить изъ недвижимости, потому что ее нѣтъ у него; не можетъ онъ дать въ залогъ и вещи движимой, потому что нагъ; не можетъ представить и поручителя, потому что за бѣдняка никто не поручится): то Богъ, видя бѣднаго въ опасности отъ нищеты, а богатаго отъ безчеловѣчія, принялъ на себя посредничество между тѣмъ и другимъ, сдѣлался порукою бѣдному, залогомъ заимодавцу. „Ты, говоритъ Онъ, не вѣришь нищему, потому что сей бѣденъ? повѣрь же Мнѣ, ибо я всѣмъ богатъ.“ Богъ знаетъ нищаго, и милосердуетъ о немъ; Онъ знаетъ нищаго, и не презираетъ его; Онъ даетъ себя самаго порукою заимодавцу за человѣка, не имѣющаго никакой собственности; самъ дѣлается, по великой своей милости, заступникомъ нищаго: *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови.* Не бойся, говоритъ Онъ заимодавцу, взаимъ даешь Мнѣ. „Но какая мнѣ выгода отъ того, что взаимъ даю Тебѣ?“ Во сто кратъ болѣе отдамъ тебѣ, и сверхъ того получишь

отъ Меня вѣчную жизнь. „Но чтобы мнѣ быть увѣрену, что Ты точно отдашь, я хочу знать условія нашего договора;--назначь время уплаты, опредѣли день воздаянія." Слушай внимательно, когда и гдѣ отдастъ тебѣ долгъ взявшій у тебя взаимъ въ лицѣ нищихъ: *Когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы своей, и поставитъ овецъ по правую свою руку, а козловъ по лѣвую; тогда скажетъ стоящимъ по правую руку Его: придите благословенные Отца моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ сложенія міра* (Мат. 24, 31—34). За что? *Взалкахся бо, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; страненъ бѣхъ, и введосте Мене; нагъ, и одѣясте Мя; болѣнъ, и посѣтисте Мене; въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ* (ст. 35, 36). Тогда праведники, сознавая свою немощь, и взирая на высокое достоинство взаимъ взявшаго, отвѣщаютъ Ему: *Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ, или жаждуща, и напоихомъ* (ст. 37)? Не на Тебя ли очи всѣхъ уповаютъ?

Когда же мы видѣли Тебя въ такой нуждѣ? Когда мы сдѣлали сіе? *Понеже*, вѣщаетъ Онъ, *сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (ст. 40). Не правда ли, что *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови*? Но какъ Господь стоящимъ по правую руку, за человѣколюбіе ихъ, даруетъ царство: такъ стоящимъ по лѣвую руку, за жестокосердіе ихъ, угрожаетъ наказаніемъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (ст. 41). Почему? За что? *Взалкахся бо, и не дасте ми ясти* (ст. 42). Не сказалъ: „за то, что вы любодѣйствовали, прелюбодѣйствовали, похищали, лжесвидѣтельствовали, преступали клятвы." Безспорно, и это важные пороки; однако маловажнѣе безчеловѣчія и немилосердія. Господи! почему же не упоминаешь о другихъ порокахъ? „Я осуждаю, отвѣтствуетъ Онъ, не прегрѣшеніе, но безчеловѣчіе; осуждаю не грѣшниковъ, но не раскаевающихся. За безчеловѣчіе осуждаю васъ; ибо вы, имѣя такое важное средство ко спасенію—

милостыню, пренебрегаете ею. Итакъ Я порицаю безчеловѣчіе, какъ корень всякаго зла и всякаго нечестія, и похваляю человѣколюбіе, какъ корень всѣхъ благъ; безчеловѣчнымъ Я угрожаю вѣчнымъ огнемъ, а человѣколюбивымъ обѣщаю царство небесное.

Христу Іисусу, Господу нашему, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

СВЯТАГО ИСИДОРА ПЕЛУСІОТА

ПИСЬМА.

Оріону монаху.

Для преспѣянія въ добродѣтели, не довольно вести жизнь подвижническую, но съ подвижничествомъ должно соединять смиренномудріе. Ибо, если мы, совершая подвигъ послушанія, будемъ прерывать оный надменными помыслами; то это значитъ, что мы, желая достигнуть спасенія, не хотимъ дѣлать того, что ведетъ къ оному.

Исидору Діакону.

И живописцы и ткачи, выдѣлывающіе шелковыя матеріи, испещряютъ различными цвѣтами и нитями свои работы, дабы дать прекрасный видъ картинѣ, или ткани: такъ и жизнь Бого-

угодная не должна быть однообразною; для совершенства ея нужны всѣ добродѣтели. Посему воздержаніе отъ пищи безполезно для того, кто не всѣми своими чувствами постится. Подвижникъ воздерживается отъ всего.

Петру.

Кто не назоветъ тебя безразсуднымъ за то, что ты, сдѣлавъ уже отрѣченіе отъ богатства, отъ своего рода и суетныхъ почестей вѣка сего, и указавъ собою многимъ путь къ смиренію, нынѣ поработился гордости, забывъ Божественный законъ, повелѣвающій унизить себя тому, кто желаетъ возвыситься (Лук. 14, 11)? — Итакъ, если ты не весь погрузился въ волнахъ высокоумія; то воспряни, дабы исполнить свои обѣты. Тебѣ должно быть извѣстно, что смиреніе, возрастая вмѣстѣ съ другими добродѣтелями, уподобляетъ Богу тѣхъ, которые хранятъ оное. Напротивъ высокомѣріе не только уничтожаетъ плоды совершенныхъ уже подвиговъ, но съ са-

маго неба низвергаетъ горделиваго, какъ это случилось *съ денницою, восходящею заутра* (Иса. 14, 12).

Лампецію монаху.

Когда ты приступалъ къ горѣ высокой жизни, и очистивъ одежду и чувства, пріуготовлялъ сердце свое къ слышанію Божественнаго ученія; тогда ты рѣшился забыть все дольнее, дабы достигнуть высоты добродѣтелей, услышать гласъ вѣщающаго Бога, и не смотря на то, что Онъ начерталъ древній законъ на скрыжаляхъ плотскихъ, самому тебѣ сдѣлаться скрижалію, Богомъ устроенною. Нынѣ же всѣ говорятъ, что ты, хотя въ началѣ съ ревностію взялся за рало спасенія, но потомъ, предавшись безпечности, опять обратился назадъ. — Итакъ, если не устрашаетъ тебя примѣръ Симона, который послѣ того, какъ уже былъ крещенъ и сдѣлался послѣдователемъ служителей Христовыхъ, опять обратился къ тлѣнному, за что несчастный низвергся въ

страшную погибель, дабы паденіе его одного показало всѣмъ, какая участь ожидаетъ уклоняющихся отъ пути небеснаго:—въ такомъ случаѣ иди по слѣдамъ Симона. Но ежели всякой разумный и благомыслящій человѣкъ не желаетъ и врагамъ такого наказанія: то исполни обѣты, данные тобою Господу, и прилѣжно воздѣлывай виноградъ Его. Въ рукѣ Его мзда, которую каждый получитъ по мѣрѣ труда своего.

Кириллу.

Что тебѣ пользы отъ Іоаннова удаленія въ пустыню, которое прежде было для тебя столь вожделѣнно; если нынѣ ты уже не подражаешь Іоанну, но опять предаешься влеченію собственныхъ своихъ помысловъ; если живешь въ пустынѣ, какъ среди мірскаго шума, и въ уединеніи, какъ среди толпы народной? Ибо когда душа, при внѣшней тишинѣ, возмущается мятежными помыслами и вожделѣніями; то такое состояніе и въ чувствахъ производитъ омраченіе, и совершенные

уже подвиги покрываетъ безславіемъ, и страстямъ облегчаетъ побѣду надъ духомъ, и вооруженнаго на битву ратника дѣлаетъ робкимъ бѣглецомъ. При томъ никакой воинъ, желающій угодить военачальнику, не вмѣшивается въ дѣла житейскія (2 Тим. 2, 4); но непрестанно находится въ полномъ вооруженіи, дабы всегда быть готовымъ, по мановенію вождя, выпти на сраженіе.

Нилу монаху.

Одежды изъ овечьихъ кожъ, какъ знаки умерщвленія, весьма приличествуютъ тѣмъ, которые умертвили плоть свою. А кто угождаетъ страстямъ, и между тѣмъ является въ оружіи, которое носитъ умерщвляющій страсти; тотъ подобенъ комедіантамъ, кои представляютъ на театрѣ чужія лица; зрители смѣются надъ ними, какъ надъ такими людьми, которые на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не то, чѣмъ кажутся по виду.

Евсевію Епископу.

Я поставилъ тебя стражемъ, говоритъ Господь въ Писаніи (Іез. 33, 2),

и ты, когда увидишь мечь грядущій, долженъ возвѣстить о томъ людямъ. Если уснувшіе пробудятся отъ безпечности и съ готовностію воспрянутъ къ подвигамъ добродѣтели; то сіе послужитъ и тебѣ и имъ во спасеніе. Если же они заткнутъ уши свои, подобно аспидамъ; то по крайней мѣрѣ ты исполнишь свое дѣло. Итакъ смотри, чтобы тебѣ, поучающему однимъ только словомъ, не оказаться неключимымъ по дѣламъ твоимъ,—тебѣ, который вручилъ бразды правленія своимъ приближеннымъ, и нечестиво продаешь благодать! Беззаконно совершать за золото рукоположеніе, не зная жизни посвящаемыхъ. На неподкупномъ и страшномъ судѣ нельзя будетъ сложить на другихъ вину свою во грѣхѣ. Ибо Адама не избавило отъ осужденія и наказанія то извиненіе, что онъ, по убѣжденію жены своей, вкусилъ отъ запрещеннаго плода.

Лукію Архидіакону Пелусіи.

Если Діаконы священнаго олтаря суть очи Епископа; а ты, по волѣ Божіей,

ихъ начальникъ: то весь ты долженъ быть окомъ, какъ тѣ многоочитыя животныя, которымъ ты уподобляешься близостію къ Богу, не по жизни впрочемъ, какъ слышу, но только по своему званію; а не посрамлять своими худыми дѣлами и почтенный соборъ Діаконовъ, и Епископа, безразсудно тебѣ довѣряющаго, не осквернять Божественное Святилище своимъ любостяжаніемъ, и не собирать себѣ богатства, принимая мзду за рукоположеніе. Господь бичемъ изгналъ изъ храма людей, которые продавали въ ономъ голубей. Итакъ дабы и тебѣ не быть изгнану, подобно имъ, перестань обогащаться, и готовить вещество для будущаго огня.

Досиѳею.

Богъ возжигаетъ Священника, какъ нѣкій свѣтильникъ, и поставляетъ его на свѣщникѣ Своей свѣтоносной каѳедры, дабы онъ въ Церкви изливалъ сіяніе ученія и дѣлъ, чуждыхъ мрака, и дабы народъ, видя лучи животворнаго свѣта,

руководствовался ими и прославлялъ Отца свѣтовъ. Вотъ тебѣ краткое разрѣшеніе того, о чемъ ты спрашивалъ!

Серену Трибуну.

Справедливо ты говоришь, что виновны предъ Богомъ тѣ Священники, которые во зло употребляютъ святыню; но ты не долженъ обращать на это вниманія, дабы не унизить цѣны расположенія, съ какимъ ты приносить дары олтарю, при точномъ изслѣдываніи, на что они употребляются (будто ты приносить дары для того, чтобы послѣ самому тебѣ требовать отчета въ ихъ употребленіи!), и вмѣстѣ дабы не изъять виновныхъ отъ строгости будущаго суда. Ибо какъ дѣлающіе добро изъ тщеславія, потому самому, что въ сей жизни пользуются славою, теряютъ воздаяніе за дѣла свои въ будущей: такъ и истязующіе здѣсь тѣхъ, кои въ вѣчности должны дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, симъ самымъ освобождаютъ ихъ отъ строгости будущаго суда и наказанія.

Агаѳодемону.

Ты слишкомъ уже строгъ въ сужденіи о жизни Монаховъ и Священниковъ, когда требуешь, чтобъ она не причастна была никакому грѣху: безгрѣшность свойственна одному только Богу, а изъ людей ни одинъ не можетъ достигнуть оной. Если ты хочешь знать, что сообразно съ силами нашей природы; то,—скажу тебѣ,—это состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего преступнаго намѣренно (сіе совершенно прилично человѣку благочестивому); чтобы какъ можно рѣже впадать въ грѣхи не произвольные (это свойственно людямъ, желающимъ приближиться къ Богу); и наконецъ, чтобы не коснѣть долго въ прегрѣшеніяхъ (это состояніе хотя несравненно ниже двухъ первыхъ, за то доступно для многихъ).

Цельсу.

Земледѣльцы съ корнемъ исторгаютъ плевелы, растущіе вмѣстѣ съ пшеницею, дабы приготовить чистый плодъ къ

жатвѣ: такъ и ты долженъ истребить зло, заражающее душу, дабы совѣсть твоя, здравая и свободная отъ всѣхъ страстей, уготовила тебѣ плодъ на всю вѣчность.

Схоластику.

Молитва получаетъ силу и дѣйственность не отъ однихъ словъ, но наипаче отъ добрыхъ дѣлъ. Внимай: Божественный Давидъ молитъ Господа, чтобы Онъ судилъ его по незлобію его; благочестивый Езекія умоляетъ Бога своимъ благочестіемъ; вдовицы Іоппійскія, въ молитвѣ своей за умершую жену, изчисляютъ ея благотворенія. Если и ты такимъ же образомъ будешь совершать свою молитву: то она достигнетъ Бога, *и изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Пс. 36, 6).

Сирину.

Хорошо оказывать почтеніе исповѣдникамъ благочестія приношеніемъ въ

храмъ ихъ украшеній, какъ ты это сдѣлалъ: но гораздо лучшее воздается имъ почтеніе исполненіемъ тѣхъ добродѣтелей, какія они творили. Итакъ принеси въ даръ плоды жизни своей тѣмъ, которымъ ты принесъ украшенія.

Доместію врачу.

Ты преподаешь другимъ науку мудрую, а самъ имѣешь душу злохудожную; изцѣляешь у другихъ не большія раны, а самъ страждешь опасными болѣзнями. Итакъ, если хочешь быть истиннымъ врачемъ, то сперва уврачуй душу свою, Ибо глупо, смѣшно и преступно, заботясь объ уврачеваніи другихъ, оставлять въ небреженіи свою собственную болѣзнь.

Асклепію.

Если небо совьется, какъ свитокъ, и звѣзды спадутъ, оріонъ и земля, и все, что на ней сгоритъ, и всѣ твари явятся обнаженными и открытыми въ вели-

кій день пришествія Господня: то для чего ты предаешься толикой безпечности и не готовишься къ отвѣту, но откладываешь покаяніе, какъ будто такой человѣкъ, который не повиненъ грѣху? Смотри, чтобы покаяніе не пришло тебѣ на мысль уже тогда, когда одному только отчаянію будетъ время и мѣсто!

Евстафію Пресвитеру.

Природа человѣческая и прежде имѣла въ себѣ сѣмена добродѣтели; а посему тѣ, которые возрастили оныя, получили достославную награду; напротивъ тѣ, кои подавили оныя, подверглись наказанію. Но нынѣ, когда она украшена и обогащена превосходнѣйшими и безчисленными дарами, и чрезъ сіе сдѣлалась наиспособнѣйшею къ преспѣянію въ добродѣтели, ужели ты думаешь, что тѣ сѣмена уже погибли въ ней невозвратно? Нѣтъ, нужна только рука, которая бы воздѣлывала оную. Потому не должно думать, будто бы природа наша, получивъ новыя, превосходнѣйшія

дарованія, вмѣстѣ съ симъ лишилась уже прежнихъ своихъ способностей къ добру. Напротивъ лучше полагать, что настоящая благодать сообщила ей и такія способности, коихъ прежде она не имѣла, а не то, чтобы отняла у нее прежде дарованныя ей силы. По моему мнѣнію, со многими случается тоже, что съ безпечными мореплавателями, которые въ то время, когда надлежало бы воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ, сидятъ въ пристани, и пируя въ гостинницахъ, жалуются на судьбу, что она не въ пору послала имъ вѣтеръ. Такимъ людямъ, по всей справедливости, можно сказать: „нерадивые плаватели! судьба вѣрно исполнила свой законъ; вы только не умѣли воспользоваться благопріятнымъ случаемъ.“—Конечно, Божественный Промыслъ печется о плавающихъ; но чтобы благоуспѣшно было плаваніе ихъ, для сего каждый изъ нихъ долженъ знать свое дѣло. Такъ и мы, зная, что десница Божія содѣйствуетъ природѣ нашей въ стремленіи къ добродѣтели, должны и съ своей стороны

прилагать къ сему посильные труды. Только такимъ образомъ достигнемъ счастливаго конца.

Домецію.

Почтенный! не всѣмъ быть учителями Вѣры, такъ какъ не всѣ облекаются въ багряницу. Итакъ, если не всѣмъ свойственно носить сію одежду, и особенно бѣднымъ, которые въ противномъ случаѣ оскорбили бы Царское величіе и унизили бы столь высокое одѣяніе: то удержись и ты отъ такихъ разсужденій, которыя и съ духомъ Церкви не сообразны, и слушателямъ не приносятъ никакой пользы, а только ослабляютъ въ сердцахъ ихъ уваженіе къ постановленіямъ нашей Религіи, и противомысленныхъ намъ еретиковъ возбуждаютъ не къ осужденію тебя, но къ поношенію благочестія. Ибо они, какъ бы не замѣчая твоего невѣжества, хотятъ обличить въ нелѣпости и подвергнуть осмѣянію самое ученіе Вѣры.

Θеогносту Пресвитеру.

Наставники, желающіе провождать жизнь соотвѣтственную ихъ званію, не только должны быть превыше всякаго нареканія, но и преизбыточествовать Божественными сокровищами святости. Первое свойственно и обыкновеннымъ людямъ; а второе только тѣмъ, которые усовершились въ добродѣтели. Таковые люди хотя бы и ничего не говорили, но самымъ молчаніемъ своимъ убѣдительнѣе всякаго слова поучаютъ учениковъ, не лаская слуху ихъ, но просвѣщая души. Напротивъ тѣ, которые думаютъ, будто для учителя ничего болѣе не нужно, кромѣ дара слова, возмущаютъ только слухъ своихъ учениковъ, и возбуждаютъ въ нихъ смѣхъ. Сіяющіе добрыми дѣлами и тогда, какъ хранятъ молчаніе, научаютъ души тѣхъ, которые взираютъ на нихъ. Вотъ что значатъ слова, изъясненія коихъ ты требовалъ отъ меня: *Священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму* (Иса. 40, 2)! Подлинно, много такихъ людей, которые только обременяютъ вниманіе слу-

шателей своими словами; но мало такихъ, которые учатъ самыми дѣлами, и симъ-то послѣднимъ особенно приличенъ санъ Священства!

Исидору Діакону.

Какъ дѣти, начинающіе только писать, внимательно смотрятъ на своего учителя, и безъ прекословія, съ совершенною покорностію начертываютъ буквы такъ, какъ онъ водитъ перомъ ихъ: подобно сему и тѣ, которые приступаютъ къ уразумѣнію Божественныхъ таинъ, должны съ дѣтскою простотою и довѣренностію сердца совершенно предаться руководству своихъ наставниковъ. Ибо Господь, какъ говоритъ Писаніе, *сокрылъ* сіи тайны *отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ ихъ младенцамъ* (Мат. 11, 25).

Ему же.

Хотя Божественный законъ и повелѣваетъ намъ быть совершенными: но поелику мы постепенно и мало по малу

восходимъ къ совершенству, то намъ нужно сперва, подобно новорожденнымъ младенцамъ, питаться млекомъ, и укрѣпляясь имъ возрастать во спасеніе.

Ему же.

И твои слова, по моему мнѣнію, подтверждаютъ то, о чемъ я прежде писалъ къ тебѣ касательно сего изрѣченія мудраго Павла: *не дѣти бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. 14, 20). То есть, мы не можемъ быть совершенными по уму, или притти въ зрѣлость мужа и поступать во всемъ неукоризненно, ежели прежде не отложимъ злобу, и не будемъ невинны, подобно младенцамъ.

Евстафію Пресвитеру.

Кто хочетъ одержать блистательную побѣду, тотъ долженъ не только великодушно переносить отъ врага обиды и оскорбленія, но еще уступать притѣснителю своему болѣе, нежели сколько онъ хочетъ получить отъ него, и избыт-

комъ своего благодушія преисполнять мѣру злыхъ его пожеланій. Если же тебѣ кажется это страннымъ, то мы съ неба низведемъ судъ, и имъ утвердимъ сей законъ о врагахъ. Спаситель не сказалъ: если кто ударитъ тебя въ правую щеку, перенеси это великодушно, и будь спокоенъ (такъ поступали и нѣкоторые изъ Философовъ, не имѣя о томъ Божественнаго повелѣнія): но заповѣдалъ подставлять біющему и другую еще щеку для новаго удара (Мат. 5, 39). Вотъ истинно блестательная побѣда! Ибо первое доступно и Философіи; а второе превыше человѣческой мудрости, и есть даръ неба!

IV.

ОБРАЩЕНІЕ ЕВНУХА

(Дѣян. гл. 8, ст. 26—40).

Ученіе объ Іисусѣ Христѣ едва успѣло распространиться отъ Іудеи до Самаріи, какъ Промыслъ Божій благоволилъ преносьлать лучь небеснаго свѣта, если не до послѣдняго, то до весьма отдаленнаго края земли. Исполнителемъ воли Его былъ тотъже *Благовѣстникъ*, *) который принесъ проповѣдь о крестѣ въ землю Самарійскую.

Когда Петръ и Іоаннъ, засвидѣтельствовавъ въ Самаріи Слово Божіе, обратно пошли въ Іерусалимъ, Ангелъ Господень сказалъ Филиппу: „встань и поди на полдень, на пустынную дорогу,

*) Проименованіе *Благовѣстника* дано было Филиппу за обращеніе Самарянъ, и въ отличіе отъ Филиппа *Апостола* [Дѣян. 21, 8].

ведущую изъ Іерусалима въ Газу." Филиппъ повинуется гласу Небожителя, и проходя указаннымъ путемъ, видитъ ѣдущаго путника. То былъ одинъ изъ вельможъ Еѳіопской Царицы Кандакіи *), Евнухъ, хранитель всѣхъ ея сокровищъ, пріѣзжавшій для поклоненія въ Іерусалимъ изъ отдаленнаго *Мерое*, куда, какъ и въ другія страны, давно достигъ слухъ о величіи Бога Израилева **).

Временемъ пребыванія сего Евнуха въ столицѣ Іудейской были дни гоненія, воздвигнутаго на почитателей распята-

*) О Царицѣ *Кандакіи* упоминаютъ и языческіе писатели, напр. *Плиній*, который присовокупляетъ, что сіе названіе носятъ издавна Царицы Еѳіопскія [Regnare foeminam Candacem, quod nomen multis jam annis ad reginas transiit. Plin. de Meroe Hist. nat. lib. 6, cap. 29]; *Діонъ* [lib 54] и *Страбонъ* (Geogr. 1. 17), по сказанію коихъ извѣстная подъ симъ именемъ Царица вела войну съ Римлянами въ 33 году по смерти Юлія Цезаря.

**] По мнѣнію нѣкоторыхъ, сей Еѳіопскій Евнухъ принадлежалъ къ числу Прозелитовъ (Saarin's Betrachtungen über die wichtigsten Begeb. des A. u. N. T. 27 Betr).

го Іисуса. Въ продолженіе сего бѣдствія Іерусалимъ не оглашался всенародною проповѣдію Апостоловъ, и потому Еѳіопскій вельможа не имѣлъ благопріятнаго случая услышать наставленія въ спасительномъ ученіи изъ устъ первыхъ самовидцевъ и служителей Слова. Но какъ наблюдательный путешественникъ, онъ не преминулъ, конечно, собрать свѣденія о недавныхъ событіяхъ Іерусалимскихъ, особенно, когда замѣтилъ волненіе умовъ, произведенное проповѣдниками новаго ученія, и усмотрѣлъ мѣры, принятыя правительствомъ противъ его распространителей. Естественно, ему хотѣлось бы подробнѣе узнать сущность сего ученія, но продолжавшееся гоненіе заставило его отправиться въ отечество съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ. Предъ отъѣздомъ своимъ онъ досталъ себѣ списокъ съ пророческой книги, составлявшей важную часть Ветхозаветнаго Писанія, надѣясь, вѣроятно, найти въ ней вразумленіе касательно современныхъ произшествій въ царствѣ истинной Религіи, котораго, мо-

жетъ быть, тщетно онъ искалъ у Іудейскихъ книжниковъ. Итакъ, проѣзжая теперь пустыннымъ мѣстомъ, онъ беретъ сей списокъ, и читаетъ его со вниманіемъ.

Филиппъ, который уже стоялъ на дорогѣ, видитъ приближающуюся колесницу, и въ ней иностранца со свиткомъ въ рукахъ. По внушенію Духа Божія, онъ немедленно подходитъ къ колесницѣ, вслушивается въ произносимыя путешественникомъ слова, и узнаетъ, что читаемый имъ свитокъ есть книга Пророка Исаіи. Еѳіоплянинъ, замѣтивъ приближеніе Филиппа, прерываетъ свое чтеніе, и тогда сей послѣдній обращается къ нему съ вопросомъ: „разумѣетъ ли онъ, что читаетъ?"

Наблюдатель дивныхъ путей Промысла не можетъ довольно надивиться, какія благопріятныя минуты избираетъ верховный Податель мудрости и Отецъ свѣтовъ, когда благоволитъ просвѣтить кого-либо ученіемъ своей истины. Если человѣкъ не отвыкъ еще отъ размышленія и не совершенно пристрастился къ

мірской суетѣ; то уединеніе наиболѣе располагаетъ его къ бесѣдѣ съ Богомъ и своею совѣстію. Подъ открытымъ небомъ, среди окружающаго насъ безмолвія, вдалекѣ отъ городскаго шума, который мы оставляемъ за собою, душа наша имѣетъ болѣе готовности къ принятію небесныхъ впечатлѣній, столь рѣдко посѣщающихъ ее въ другое время. И сими-то минутами пользуется Сердцевѣдецъ, чтобы сообщить познаніе истины Еѳіопскому царедворцу!—

На предложенный Филиппомъ вопросъ касательно разумѣнія Пророческихъ словъ, царедворецъ отвѣчалъ: „какъ мнѣ разумѣть безъ наставника?" и вѣроятно, почтя Филиппа Іудейскимъ Равиномъ, какихъ онъ много видѣлъ въ Іерусалимѣ, тотчасъ пригласилъ его сѣсть подлѣ себя въ колесницѣ. Надменный Фарисей, конечно, не скоро рѣшился бы сопутствовать необрѣзанному иноплеменнику; напротивъ того Филиппъ, который предъ симъ только оставилъ Самарію, ни мало не колеблясь, исполняетъ желаніе Еѳіоплянина, и проситъ его пока-

зать мѣсто изъ Пророка, которое онъ читалъ. То были слѣдующія слова Исаіи: *какъ овца веденъ онъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ своихъ. Въ уничиженіи Его совершился судъ Его. Но родъ Его кто изъяснитъ? хотя вземлется съ земли жизнь Его* (Ис. 53, 7. 8).

„Къ кому это относится?“ спрашиваетъ Филиппа Евнухъ, ищущій разумѣнія пророческаго слова, „о себѣ, или о комъ либо другомъ говоритъ сіе Пророкъ?“ —

Мѣсто изъ Пророка ясно сказывало Филиппу, какъ и что онъ долженъ говорить своему спутнику. Онъ имѣлъ намѣреніе благовѣствовать ему объ Іисусѣ Христѣ: и вотъ не только представляется удобность завесть разговоръ о всемірномъ Искупителѣ, но и самыя слова Пророка прямо открываютъ предметъ преднамѣренной бесѣды! Филиппъ съ радостію поспѣшаетъ ознакомить иностранца съ ученіемъ Евангельскимъ: разсказываетъ ему о пострадавшемъ въ

Іерусалимѣ великомъ Праведникѣ; объясняетъ, какимъ образомъ въ лицѣ недавно воскресшаго Іисуса (Еѳіоплянинъ, безъ сомнѣнія, слышалъ это имя еще въ Іерусалимѣ) совмѣщаются то уничиженіе и та слава, о которыхъ говоритъ Пророкъ; показываетъ ему плоды смерти Богочеловѣка, и живо изображаетъ предъ нимъ величіе Его, яко Царя и Судіи всѣхъ человѣковъ.

Царедворецъ отверстымъ слухомъ внемлетъ слову Благовѣстника. Свѣтъ небесной истины осіяваетъ умъ его; и сила вѣры полагаетъ въ тоже время зерно благодатной жизни въ его сердцѣ. Теперь понятны для него слова Исаіи; онъ убѣждается, что тотъ великій Праведникъ и великій Страдалецъ, Царь и Отецъ всего, есть Богочеловѣкъ Іисусъ; онъ разумѣетъ всю важность званія ученика Христова.

Между тѣмъ Филиппъ и Евнухъ, приблизились къ потоку. Первый въ своей проповѣди, конечно, не забылъ сообщить послѣднему вѣденіе о таинственной двери, посредствомъ коей отверзается входъ

вѣрующимъ въ Церковь Христову, и о тѣхъ чудесныхъ дарахъ, кои подаются имъ отъ Святаго Духа. При видѣ потока, Евнухъ спѣшитъ обнаружить пламенное желаніе души принадлежать Іисусу. „Вотъ вода," восклицаетъ онъ, „что препятствуетъ мнѣ креститься?" „Можно," отвѣтствуетъ ему Филиппъ, „если ты вѣруешь отъ всего сердца." „Вѣрую," говоритъ Еѳіоплянинъ, „что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій," и тотчасъ приказываетъ остановить колесницу. Потокъ дѣлается купелію для Евнуха, и онъ отъ руки Филиппа немедленно принимаетъ благодать Крещенія.

Крещеніе иноземца, и притомъ въ такое время, когда еще въ самой Іудеѣ предстояла проповѣдникамъ Слова богатая жатва, было такъ необыкновенно, что не могло совершиться безъ непосредственнаго внушенія Божія. Посему нельзя сомнѣваться и въ томъ, что послѣ крещенія Евнухъ получилъ Духа Святаго, хотя безъ рукоположенія Апостольскаго.

По совершеніи крещенія, Ангелъ Господень взялъ Филиппа, и Евнухъ уже не видѣлъ его болѣе. Радость о сдѣланномъ имъ великомъ пріобрѣтеніи, мысль о томъ вліяніи, какое будетъ имѣть настоящее событіе на всю его жизнь, надежда осчастливить свое отечество чрезъ озареніе его небеснымъ ученіемъ, наполняли всю его душу, и успокоивали касательно внезапнаго удаленія Учителя. Промыслъ, такъ чудно устроившій обращеніе Евнуха, дѣйствительно имѣлъ въ семъ мужѣ избранное орудіе къ распространенію Божественной Вѣры въ его отечествѣ. По свидѣтельству древнихъ Христіанскихъ писателей, донынѣ продолжающееся въ Абиссиніи Христіанство ведетъ свое начало отъ обращенія Евнуха *).

Филиппъ, породивъ такимъ образомъ новаго сына въ наслѣдіе Царству Христову, является потомъ въ *Азотѣ*. Движимый тою же ревностію къ распространенію Божественнаго ученія, кото-

*) Iren. L. 3. c. 12. et lib. 4, 40. Evseb. Hist. Eccl. 1. 2. c. 1.

рая до сего времени одушевляла его, онъ возвѣщаетъ слово спасенія въ пограничныхъ съ Іудеею городахъ и селеніяхъ, и наконецъ съ сею же проповѣдію приходитъ въ *Кесарію.*

V.

РѢЧЬ

КЪ ВОСПИТАННИКАМЪ I-й САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗІИ *)

Благородные Юноши!

Отецъ Небесный благословилъ ваше прилѣжаніе и благонравіе. Подъ премудрымъ и благимъ Его водительствомъ вы совершили время воспитанія, только важное по своему вліянію на всю послѣдующую жизнь вашу, къ утѣшенію вашихъ родителей и воспитателей, и къ вашей собственной пользѣ. Попечительное Начальство, исполнивъ священную о васъ волю МОНАРХА, нынѣ торжественно признало васъ юношами благонравными, достойными вниманія любителей истиннаго просвѣщенія, и спо-

*) Говорена при публичномъ Актѣ Законоучителемъ ихъ Священникомъ *Василіемъ Бажановымъ* Сентября 21 дня 1833 года.

собными оказать Отечеству полезныя услуги. Вамъ открыты нынѣ свободные пути къ разнообразной, общеполезной дѣятельности,—пути къ истинной чести и славѣ. Такъ, други мои, милость Божія ощутительна надъ вами!— Да будетъ же день сей, толико важный для послѣдующей жизни вашей, днемъ сердечныхъ благодареній, днемъ священнѣйшихъ обѣтовъ предъ Богомъ и Его возлюбленнымъ Помазанникомъ!—

Привѣтствуя васъ съ сею милостію Божіею, и вмѣстѣ разлучаясь съ вами, я не могу не сказать вамъ, при семъ случаѣ, нѣсколько словъ въ ваше назиданіе, не могу не выразить предъ вами нѣкоторыхъ мыслей и чувствованій, которыя весьма естественно раждаются въ душѣ моей, при взорѣ на предлежащее вамъ поприще жизни.

Вы оставляете нынѣ мѣсто вашего воспитанія,—сіе тихое пристанище, гдѣ подъ мудрымъ и отеческимъ надзоромъ вашихъ воспитателей вы покоились въ совершенной безопасности отъ всѣхъ заблужденій, пороковъ и неразлучныхъ

съ оными бѣдствій. Вы теперь вступаете въ свѣтъ, въ которомъ большею частію должны будете уже сами себя руководствовать. Что происходитъ въ душѣ вашей; какими чувствованіями исполняются сердца ваши при мысли о сей важной перемѣнѣ, имѣющей произойти съ вами? Радуюсь о васъ, если вы съ чувствомъ благодарности и нѣжной привязанности оставляете мѣсто вашего воспитанія, и съ нѣкоторымъ опасеніемъ и робостію, съ недовѣрчивостію къ самимъ себѣ, помышляете о предлежащемъ вамъ пути жизни. Это счастливое предзнаменованіе! Но болѣзную о томъ, кто, восхищаясь мыслію о свободѣ, съ совершеннымъ равнодушіемъ и холодностію взираетъ на оставляемое имъ Заведеніе, и съ дѣтскимъ легкомысліемъ и мечтательностію нетерпѣливо ожидаетъ той минуты, когда онъ, освободясь отъ строгаго надзора, долженъ вступить въ свѣтъ, представляющійся ему жилищемъ однѣхъ утѣхъ и радостей. Это неправильное и пагубное расположеніе духа, отъ котораго да сохра-

нитъ васъ Отецъ небесный! Поприще жизни, вамъ предлежащее, есть важнѣйшее, на которое не должно вступать легкомысленно. На немъ встрѣтятъ васъ не утѣхи и забавы, но съ одной стороны здѣсь ожидаютъ васъ великія обязанности, которыя вы, какъ истинные сыны Вѣры и Отечества, должны тщательно исполнять, не взирая ни на какія трудности; а съ другой—предстоятъ великія опасности, многоразличныя искушенія и соблазны, доселѣ вамъ незнакомые, для избѣжанія коихъ потребна великая мудрость. Такъ, други мои, не маловажная перемѣна должна произойти съ вами! Доселѣ старались внушить вамъ одно только доброе и полезное, любовь ко всему истинному и честному, любовь къ порядку и подчиненности, любовь къ отечеству, любовь къ святой Вѣрѣ; доселѣ со всѣхъ сторонъ вы окружены были такими лицами, которыя, обогащая умъ вашъ полезными свѣдѣніями, и внушая вамъ правила поведенія, въ тоже время считали священною обязанностію служить для васъ добрымъ примѣромъ: но всту-

пивши въ свѣтъ, вы можете услышать и увидѣть совсѣмъ другое. Тамъ, легко можетъ статься, вы услышите иногда такое ученіе, которое противно правиламъ Евангелія, несообразно съ здравымъ разумомъ, гибельно по своимъ послѣдствіямъ; но будучи ново, необыкновенно, предлагаемо съ хитрою лестію, дѣлается способнымъ увлекать вниманіе неопытныхъ, разстроивать умъ ихъ и растлѣвать сердце. Тамъ не трудно встрѣтить людей, омраченныхъ заблужденіями, предразсудками и страстями,— рабовъ суетности и порока, кои нерѣдко преступныя дѣянія украшаютъ именами различныхъ добродѣтелей, а строгую честность и правоту, точное и безкорыстное исполненіе законовъ Божескихъ и человѣческихъ называютъ глупостію. Тамъ лицемѣріе и лукавство можетъ иногда представиться вамъ гораздо вѣрнѣйшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію земныхъ выгодъ и преимуществъ, нежели истинныя достоинства и заслуги. Таковое ученіе, таковыя примѣры сколь могутъ быть гибельны для

юныхъ умовъ и сердецъ вашихъ! Не полагайтесь много на свое благоразуміе и благонравіе; самые лучшіе изъ людей, оставивъ намъ высокіе примѣры мудрости и добродѣтели, оставили вмѣстѣ и памятники заблужденій и слабостей, предъ которыми невольно должно смиряться гордое самонадѣяніе человѣческое!

Но для чего, скажете вы, я представляю вамъ въ сіи торжественныя минуты радости такую мрачную картину будущаго? Не для того, други мои, чтобы возмутить вашу радость;—да продлитъ ее Отецъ небесный во всѣ дни жизни вашей! Служителю Евангелія, всего болѣе, свойственно изрѣкать миръ и радость. Но чѣмъ усерднѣе и постояннѣе были наши попеченія о вашемъ образованіи; тѣмъ естественнѣе и наши за васъ опасенія. Представивъ оныя, я хочу только содѣлать васъ, сколько возможно, внимательными къ предлежащему вамъ поприщу жизни, и чрезъ то предостеречь васъ отъ многоразличныхъ погрѣшностей; хочу, чтобы первый шагъ вашъ

на ономъ ознаменованъ былъ благоразуміемъ и осторожностію, и освященъ Религіею; хочу внушить вамъ, чтобы вы не легкомысленно, но со всею разсудительностію проходили опасный и скользкій путь жизни, имѣя всегда въ виду высокое назначеніе Христіанина—жить на землѣ для неба, во времени стяжать сокровище для цѣлой вѣчности, и чтобы, не полагаясь на собственное свое благоразуміе и силы, во всѣхъ случаяхъ неуклонно слѣдовали внушеніямъ святой Вѣры, сей единственно-вѣрной путеводительницы къ животу вѣчному. Только тогда, только при ея Божественномъ руководствѣ вы можете сохранить, среди безчисленныхъ соблазновъ міра, чистоту сердца и непорочность нравовъ, и содѣлаться истинно—полезными сынами Отечеству.—Не увлекайтесь пагубнымъ примѣромъ сыновъ вѣка сего, кои, не имѣя понятія ни о какихъ возвышеннѣйшихъ удовольствіяхъ, кромѣ удовлетворенія чувственныхъ вожделѣній и страстей, свергаютъ съ себя благое иго Евангелія, и провождаютъ жизнь въ праздно-

сти, роскоши, въ шумныхъ удовольствіяхъ и забавахъ. Только тѣ удовольствія и радости суть истинныя, кои бываютъ плодомъ Христіанскаго благочестія и мудрости, наградою неукоризненной, общеполезной дѣятельности. Всѣ прочія суетны и ничтожны, и обыкновенно оставляютъ по себѣ одну только пустоту въ сердцѣ, сокрушеніе въ духѣ, разслабленіе въ тѣлѣ. — Посвятивъ себя на служеніе Отечеству, всякую возложенную на васъ обязанность почитайте священною, и старайтесь исполнять оную рачительно, не какъ наемники, изъ одной корысти, но какъ истинные сыны, изъ любви ко благу Отечества и по долгу повиновенія священной волѣ МОНАРХА, памятуя непрестанно, что Всевышній Раздаятель судебъ человѣческихъ нѣкогда потребуетъ отъ васъ строгаго отчета въ употребленіи даровъ Его. Часы отдохновенія старайтесь проводить въ сообществѣ съ людьми опытными и мудрыми, и своею скромностію и почтительностію пріобрѣтать ихъ расположеніе и любовь. Это важная по-

грѣшность молодыхъ людей, что они, слишкомъ много мечтая о своей учености, о своихъ дарованіяхъ и преимуществахъ, не оказываютъ часто должнаго уваженія къ старшимъ себя. Чрезъ сіе самое они лишаютъ себя драгоцѣннѣйшаго наслѣдства,—ихъ зрѣлой, многолѣтнимъ опытомъ пріобрѣтенной мудрости, которой нельзя научиться ни въ какой школѣ.—Проходя со всѣмъ усердіемъ и ревностію ваше званіе, не унывайте духомъ, и не ослабѣвайте въ полезной вашей дѣятельности, когда усмотрите, что ваши заслуги долгое время остаются безъ вниманія, а другіе, менѣе достойные, вамъ предпочитаются; напротивъ имѣйте терпѣніе,—въ терпѣніи познается истинное достоинство человѣка,—и успокоивайте себя тою утѣшительною мыслію, что есть невидимый Свидѣтель всѣхъ нашихъ дѣйствій, предъ Которымъ ни одна добрая мысль не останется безъ награды, и что мы, какъ Христіане, имѣемъ обѣтованіе не настоящей только, но и будущей жизни. Тамъ истинная награда для добродѣте-

ли!—Не соблазняйтесь счастіемъ тѣхъ людей, которые безъ всякихъ заслугъ, какими нибудь низкими средствами, пріобрѣтаютъ себѣ земныя выгоды и преимущества. Ихъ счастіе есть призракъ, который никогда не даетъ осязать себя; оно скоро является, но и скоро изчезаетъ;—и какою же дорогою цѣною оно пріобрѣтается?—Потерею безцѣннѣйшаго блага, потерею истинной чести и совѣсти, безъ которой человѣкъ, хотя бы обладалъ всѣми сокровищами міра, есть самое несчастное и презрѣнное твореніе. *Не ревнуй лукавнующимъ*, говоритъ Писаніе, *и не завидуй творящимъ беззаконіе* (Псал. 36, 1); *ихъ потомство не продлится, ихъ счастіе угаснетъ* (Притч. 24, 20). Старайтесь утвердить въ сердцахъ своихъ ту важную и благотворную истину, что истинное счастіе находится не въ обиліи благъ земныхъ, не на высотѣ почестей, но въ мирной совѣсти, неотъемлемомъ достояніи добродѣтельнаго, и въ кругу благословеннаго семейства, соединеннаго духомъ благочестія и любви.—

Устрояя земное свое благосостояніе, старайтесь пріучить себя довольствоваться малымъ, которое вы могли бы имѣть всегда и всюду, не зависимо отъ благоволенія смертныхъ. Это необходимо для того, чтобы сохранить истинную свободу духа, и, не взирая на всѣ не благопріятствующія обстоятельства, неуклонно шествовать путемъ истинной чести и правоты, прямымъ путемъ Евангелія. Не опасайтесь того, что точное исполненіе Евангельскихъ заповѣдей, строгое безкорыстіе и прямодушіе могутъ совершенно разстроить земное ваше благосостояніе. Послушайте, что говоритъ о семъ Богодухновенный Царь: *я былъ молодъ—и состарѣлся; никогда не видалъ праведника оставленнаго, ни дѣтей его просящихъ хлѣба* (Пс. 36, 25).

Вотъ искренніе совѣты вашего наставника и друга! Пріимите ихъ съ такою же любовію и съ такимъ же расположеніемъ духа, съ коимъ оные предлагаются вамъ.

Воспитатели и Наставники, и вы, Высокопочтенные Посѣтители, коихъ

любовь къ Отечественному просвѣщенію призвала въ сіе мѣсто, вознесемъ совокупныя сердечныя желанія къ Отцу небесному, да любовь къ Вѣрѣ Отцевъ нашихъ, любовь къ Отечеству, любовь къ Отцу—МОНАРХУ, глубоко и незыблемо укоренится въ сердцахъ сихъ добрыхъ юношей, и содѣлается источникомъ общеполезной дѣятельности, и да почіетъ благословеніе Господне на главахъ ихъ отнынѣ и до вѣка!

VI.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПРОТИВНЫХЪ РЕЛИГІИ *).

Слово ихъ, какъ ракъ, будетъ распространяться. 2 Тим. 2, 17.

Есть зло, которое, причинивъ величайшій вредъ настоящимъ поколѣніямъ, готовитъ совершенную гибель для будущихъ; есть зло, которое, подобно заразѣ, изъ столицы перешло въ отдаленныя области, разлилось по городамъ и весямъ, проникло во всѣ состоянія, какъ высшія, такъ и нисшія.

Это зло, по своему чрезвычайному разлитію и ядовитому вліянію, кажется неизлечимымъ; однако противъ него необходимо принимать средства,

*) Сія статья заимствована изъ книги: *Défense du Christianisme*, сочиненной Епископомъ *Фрейсину*, и многократно изданной въ прошедшемъ десятилѣтіи. Справедливая въ ней жало-

если не для совершеннаго искорененія, то, по крайней мѣрѣ, для его ослабленія; иначе оно погубитъ все,—и нравы, и законы, и Вѣру, и Правительство. Подъ именемъ сего зла я разумѣю распространеніе безпрерывно возрастающаго множества книгъ, противныхъ Религіи.

Нынѣ умы сдѣлались столь своевольны, нынѣ люди привыкли мыслить, говорить и дѣйствовать столь преступно и необузданно, начали сочинять, читать, продавать столь нечестивыя произведенія, что моя ревность противъ нихъ покажется, можетъ быть, чѣмъ-то страннымъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма несообразнымъ съ тою безпредѣльною терпимостію, которою славится настоящій вѣкъ. Признаюсь, вооружаясь противъ сихъ сочиненій, я съ прискор-

---

ба на распространеніе нечестивыхъ сочиненій, и описаніе пагубнаго ихъ вліянія на Францію могутъ быть поучительны для всѣхъ, кто хочетъ видѣть усилія истины, старающейся остановить гибельный потокъ заблужденія. Посему-то издатели Христ. Чтенія рѣшились помѣстить сію статью въ своемъ журналѣ.

біемъ чувствую, что мой голосъ будетъ очень слабою преградою для сего опустошительнаго потока; ибо могу ли я, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, совершенно истребить перья нечестивыхъ, или сокрушить станки, печатающіе ихъ строки?—Впрочемъ, святая Религія не должна молчать предъ дерзскимъ злочестіемъ, и проповѣдникъ Евангелія не долженъ скрываться отъ лжемудреца остроумнаго. Можетъ быть, мы возбудимъ благочестивую ревность въ отцахъ семействъ, произведемъ святое усердіе въ общественныхъ и частныхъ наставникахъ, предостережемъ неразумное юношество. Нѣтъ, не вотще, конечно, будетъ раздаваться нашъ голосъ; не всѣ сердца будутъ нечувствительны къ истинѣ!

Что должно думать о сочинителяхъ, распространителяхъ и читателяхъ книгъ, противныхъ Религіи? Вотъ три вопроса, разсмотрѣніемъ коихъ мы намѣрены теперь заняться.

I. Если бы я о всѣхъ писателяхъ, непріязненныхъ Христіанской Религіи, су-

дилъ одинаково; если бы я объявлялъ всѣхъ ихъ равно виновными, чтобы подвергнуть одной и тойже анаѳемѣ: то меня могли бы осудить въ преувеличеніи и несправедливости. Но я думаю, что уважающихъ нѣкоторыя священныя истины не должно смѣшивать съ тѣми, кои не признаютъ ни одной изъ нихъ; желающихъ поколебать нѣкоторыя опоры зданія должно отличать отъ тѣхъ, кои подрываютъ самое основаніе. Посему я раздѣлю враждебныхъ Религіи писателей на два класса: одни не признаютъ, кромѣ природы, никакого Бога; видятъ въ человѣкѣ одни только тѣлесные органы; будущую жизнь почитаютъ мечтою; добро и зло называютъ изобрѣтеніемъ человѣческимъ. Они, по своимъ началамъ, бываютъ врагами всякаго благочестиваго чувствованія; а посему я даю имъ общее названіе *нечестивыхъ*. Другіе почитаютъ, можетъ быть, Христіанскую Религію полезнымъ учрежденіемъ, но не признаютъ ея Божественнаго происхожденія, не вѣрятъ, чтобъ Іисусъ Христосъ посланъ былъ

отъ Бога, и отвергаютъ откровеніе; я называю ихъ просто *невѣрующими*. Посмотримъ, до какой степени виновны тѣ и другіе.

1. Предстаньте сперва вы, нечестивые писатели! я призываю васъ предъ судилище человѣческаго рода. Не буду вопрошать о вашей частной жизни; не желаю знать, происходитъ ли буйство ума вашего отъ буйства вашего сердца; и не хочу требовать отъ васъ отчета въ нечестивыхъ чувствованіяхъ, когда онѣ были еще заключены въ душѣ вашей. Я призываю васъ на судъ за одно всенародное проповѣданіе сихъ чувствованій, и въ семъ отношеніи со всею справедливостію обвиняю васъ въ величайшемъ злодѣяніи.

Конечно въ этомъ каждый согласится со мною, ежели преступленіе сихъ писателей сравнитъ съ тѣми, которыя преслѣдуетъ и поражаетъ человѣческое правосудіе. Нѣтъ сомнѣнія, что виновенъ предъ закономъ тотъ, кто похитилъ имѣніе ближняго; впрочемъ его могли принудить къ сему голодъ и нужда,

вопли жены и дѣтей, просившихъ у него хлѣба за минуту до смерти. Но что дѣлаетъ нечестивый писатель? Безъ нужды, безъ пользы, безъ всякаго извинительнаго побужденія, онъ всенародно проповѣдуетъ свое пагубное ученіе, которое, разрывая узы Религіи, обуздывающія наши страсти, усыпляетъ совѣсть, притупляетъ жало ея угрызеній, ослабляетъ отвращеніе отъ порока, и такимъ образомъ старается распространить и даже оправдать всѣ несправедливости и насилія.—Нѣтъ сомнѣнія, что чрезвычайно виновенъ тотъ, кто дерзаетъ посягать на жизнь подобныхъ себѣ; впрочемъ, можетъ быть, онъ совершилъ убійство въ бѣшенствѣ мщенія за нанесенную обиду; можетъ быть, отъ его злодѣянія пала одна только жертва. Но что дѣлаетъ нечестивый писатель? Въ теченіе цѣлыхъ годовъ, углубившись въ науки и размышленія, онъ хладнокровно обдумываетъ сочиненія, дабы низпровергнуть основныя истины Религіи, которыя были священны для всѣхъ народовъ; созидая системы, которыя пот-

ворствуютъ всѣмъ страстямъ и дѣлаютъ ихъ дерзновеннѣе на зло, онъ, по правиламъ науки, бросаетъ въ общественное тѣло сѣмена разрушенія и смерти, а такимъ образомъ убиваетъ, по мѣрѣ силъ своихъ, не одинъ членъ общества, а цѣлое общество.—Въ гораздо большемъ злодѣяніи, нежели простое убійство, былъ бы виновенъ тотъ, кто, отравивъ пищу цѣлаго семейства, въ одинъ день повергъ бы въ могилу отца, мать, дѣтей и служителей; впрочемъ сіе неслыханное злодѣяніе, по крайней мѣрѣ, имѣло бы границы. Но нечестивый писатель разливаетъ въ городахъ, въ цѣлыхъ областяхъ гибельный ядъ для души, иссушающій добродѣтель въ самомъ ея корнѣ. Преступленія обыкновенныхъ злодѣевъ случайны, и умираютъ вмѣстѣ съ ними; а нечестіе писателей, и послѣ ихъ смерти, еще живетъ, и послѣ нихъ еще растетъ и разплождается. Увы! ихъ сочиненія, можетъ быть, переведутся на разные языки, заразятъ собою не одинъ, но многіе народы, заразятъ все потомство людей!—И всѣ буйства, всѣ злодѣянія, причинен-

ныя богохульною книгою, падутъ на ея сочинителя!—Писатели нечестивые, вотъ какіе трофеи будутъ стоять надъ вашею могилою!

Не скажете ли въ свое оправданіе, что вы только обьявляли свое мнѣніе? Но сознайтесь, были ли вы сами внутренно и глубоко убѣждены въ томъ, что нѣтъ Бога? Спокойно ли вы останавливались на той мысли, что народы дѣйствительно были бы счастливѣе безъ Религіи, и Бога? Вы знаете исторію человѣческаго рода и столь многихъ безсмертныхъ мужей, которые время отъ времени, подобно предостерегательнымъ огнямъ на морѣ, сіяли на землѣ для просвѣщенія вѣковъ и народовъ. Вы лучше насъ знаете и тѣхъ мужей—исполиновъ, которые образовали гражданскія общества и народы; и тѣ великіе умы, которые, начиная отъ Платона до Боссюета, писали о труднѣйшемъ искуствѣ управлять людьми; и наконецъ—тѣхъ необыкновенныхъ мудрецовъ, кои въ теченіи трехъ вѣковъ являлись въ Европѣ, отъ Галилея до Невтона, и почитаются нами

за основателей наукъ. Вы очень хорошо знаете, что всѣ они болѣе или менѣе были проникнуты чистыми религіозными чувствованіями; что ихъ сочиненія, правила и законы вездѣ носятъ на себѣ священную печать сихъ чувствованій; что всѣ они думали такъ, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ: *основать общество безъ Религіи столь же не возможно, какъ и построить въ воздухѣ городъ.* Вы все это знаете,—и однакожъ одни вы дерзаете спорить съ человѣческимъ родомъ! Ужели вы не страшитесь заблудиться во мракѣ, отказываясь слѣдовать по прямымъ стезямъ сего безсмертнаго сонма свѣтлыхъ умовъ?

Не говорите мнѣ о важности своихъ недоумѣній. Великіе люди, о коихъ я упомянулъ, знали сіи недоумѣнія не хуже васъ, съ тою только разностію, что вы не могли разрѣшить ихъ такъ, какъ они. Вы были побѣждены трудностями, надъ коими они умѣли восторжествовать;—вы сочли признакомъ силы то, что было знакомъ одной только вашей слабости. Ахъ! не стыдитесь признать-

ся, что вы не одинъ разъ испытали тайный ужасъ при мысли о Богѣ, Котораго хулите; можетъ быть, пиша нечестивыя строки, перо нѣсколько разъ дрожало въ рукѣ вашей; по крайней мѣрѣ, вы никогда не могли дойти до совершеннаго убѣжденія въ мечтахъ своихъ, а при сомнѣніяхъ не совѣтовалъ ли вамъ здравый разумъ быть скромнѣе? Но вы противитесь гласу человѣческой природы, противитесь убѣжденію своего сердца, дабы только имѣть чудовищное отличіе отъ другихъ въ образѣ своихъ мыслей. Жалкіе люди!...

2. Теперь я обращаюсь къ тѣмъ писателямъ, которые уважаютъ нѣкоторыя священныя истины, на пр. допускаютъ бытіе Божіе, Провидѣніе и будущую жизнь; но не признаютъ Божественность Христіанской Религіи, и опровергаютъ оную въ своихъ сочиненіяхъ. Я говорю имъ: ежели, по вашему мнѣнію, всѣ Религіи равны предъ очами Божіими; то для чего съ такимъ неистовствомъ вы стремитесь разрушать ту изъ нихъ, которая господствуетъ

въ странѣ вашей? Ежели никакое Государство,—на что вы сами согласны,—не можетъ обойтись безъ Религіи; то откуда происходитъ сіе необузданное желаніе низпровергнуть ту, которая въ теченіе столь многихъ вѣковъ господствовала въ вашемъ отечествѣ, сдѣлалась наслѣдіемъ всѣхъ семействъ, образовала отцевъ нашихъ, и такъ тѣсно соединена со всѣми ихъ постановленіями? Ужели вы не боитесь поколебать Государство, колебля Религію? Или вы думаете, что можете сами, своего изобрѣтенія дать ему новую Религію, которая будетъ гораздо удовлетворительнѣе, утѣшительнѣе и спасительнѣе Христіанской? Ежели всѣ образованные народы,—въ чемъ вы также согласны,—исповѣдывали какую нибудь положительную Религію, съ ея вѣрованіями, правилами и образомъ Богопочтенія; то для чего препятствуете намъ проповѣдывать нѣкоторыя созерцательныя истины о Богѣ и Провидѣніи? Для чего хотите лишить ихъ всего, что напоминаетъ о нихъ нашимъ чувствамъ, нашему уму,

и даетъ имъ столько власти надъ душею? Или вы не видите, какую силу получаютъ сіи основныя истины отъ нашихъ таинствъ, нашихъ обрядовъ, обычаевъ, религіозныхъ утѣшеній? Какая польза въ томъ, что вы уважаете Евангельское нравоученіе, ежели лишаете оное того, что служитъ для него твердою опорою, и много содѣйствуетъ къ вѣрному его исполненію? Повѣрьте, деизмъ могъ родиться въ головѣ только нѣсколькихъ суемудрыхъ Философовъ; но онъ никогда не былъ, и никогда не будетъ Религіею народа. Ваша система естественной Религіи почти столько же безполезна для добродѣтели и пагубна по своимъ послѣдствіямъ, какъ и самое явное нечестіе; хотя она и кажется съ перваго взгляда менѣе своевольною.

Я не удивляюсь, почему Боссюетъ такъ часто твердилъ, что деизмъ есть только прикрытый атеизмъ; не удивляюсь, почему Духовные Пастыри и Гражданское Правительство въ прошедшемъ столѣтіи столько скорбѣли о возрастающихъ успѣхахъ невѣрія, такъ ясно

предвидѣли произшедшія отъ него бѣдствія, и почитали враговъ Христіанства врагами престола. Краснорѣчивыя ихъ воззванія были данію, которую они приносили истинѣ предъ лицемъ ея враговъ, бывшихъ уже слишкомъ сильными. Но, увы! сіи воззванія были безполезны; пророчественный гласъ ихъ не былъ услышанъ въ борьбѣ и смятеніи безразсудныхъ мнѣній; онѣ были подобны слабому жужжанію, которое мгновенно терялось въ неистовомъ ревѣ бури. Тогда всѣ истины продолжали приходить въ презрѣніе, всякая ложь находила защитниковъ; — тогда умы предались необузданному своеволію. Наконецъ наступила минута, въ которую вдругъ всѣ страсти пришли въ движеніе, вооружившись лжемудрованіемъ въ защиту своего буйства; ничто не было уважаемо, все было попрано, ниспровергнуто, — и общество представило громаду развалинъ! — Ежели невѣріе не было исключительною причиною сего великаго бѣдствія, названнаго *революціею;* то, по крайней мѣрѣ, оно дало ей характеръ

разврата и разрушенія, по коимъ сіе бѣдствіе останется единственною эпохою въ лѣтописяхъ міра. Писатели невѣрующіе! вотъ дѣла, въ которыхъ и вы принимали участіе! Вы осуждаете отвергающихъ Бога и Религію; но мы имѣемъ право почитать васъ ихъ сообщниками.

II. Изложивъ свое мнѣніе о сочинителяхъ книгъ, противныхъ Религіи, обратимъ вниманіе на второй вопросъ, и посмотримъ, что должно думать о тѣхъ, кои распространяютъ сіи книги?

Въ наше время врагами Религіи овладѣла неимовѣрная ревность; они, кажется, наперерывъ домогаются чести наносить ей самые вѣроломные и жестокіе удары. Тѣ, кои не преслѣдуютъ ее съ оружіемъ въ рукахъ, жаждутъ гнусной славы истребить ее въ умѣ народа, опровергая ея ученіе, представляя ее ненавистною и смѣшною, подвергая служителей ея хулѣ и презрѣнію, которыя отъ нихъ падаютъ и на самую Религію. Безбожіе, не довольствуясь тѣмъ, что нѣкогда изгнало Вѣру изъ храмовъ,

избило ея учениковъ и Священиковъ, смѣшало кровь Епископовъ съ кровію Царей, какъ бы для нѣкоего возліянія на *олтаряхъ разума*,—это безбожіе, утомленное мужествомъ и терпѣніемъ жертвъ, павшихъ въ сей кровавой битвѣ, употребляетъ теперь другое оружіе, именно призываетъ на помощь всѣ искуства, и дѣлаетъ ихъ средствами къ исполненію своихъ замысловъ. Перо и типографскій станокъ, пускающій въ свѣтъ произведенія нечестивыхъ писателей, находятъ теперь сильное содѣйствіе въ скульптурѣ и живописи, — такихъ искуствахъ, посредствомъ коихъ всего легче и скорѣе повсюду могутъ распространиться ихъ пагубныя мысли и внушенія.

Впрочемъ нечестіе не довольствуется писаніями своихъ современныхъ проповѣдниковъ; оно снова выводитъ на свѣтъ сочиненія тѣхъ, кои проповѣдывали его еще въ прошедшемъ вѣкѣ, и употребляетъ все, что можетъ служить къ скорѣйшему и успѣшнѣйшему распространенію ихъ по всей Франціи. Число томовъ устрашило бы читателей;-по-

сему издаются сокращенія, въ которыхъ помѣщаются мысли только самыя безнравственныя и нечестивыя. Слишкомъ высокая цѣна могла бы удержать большую часть покупателей;—посему находятъ средства помощію экономическихъ соображеній сдѣлать ее сходною для всякаго. Книга по величинѣ своей была бы не такъ удобна;—посему даютъ ей форму болѣе легкую, болѣе принаровленную ко всегдашнему употребленію. Такимъ образомъ нечестіе рыщетъ въ нашихъ областяхъ съ перомъ, съ рѣзцами, съ кистію, съ нотами; поселяется не только въ городахъ, но и въ деревняхъ; говоритъ слуху и взору необразованной черни языкомъ, понятнымъ для ея сердца. А посему я называю распространителемъ сочиненій, противныхъ Религіи, всякаго, кто такимъ или другимъ образомъ способствуетъ къ изданію, продажѣ, славѣ и распространенію оныхъ.— И какъ не обвинять всѣхъ таковыхъ людей въ преступномъ заговорѣ, хотя бы и не всѣ они равно были виновны? Имъ можно сказать: доколѣ нечестивое

ученіе написано только на бумагѣ, которой ввѣряетъ его сочинитель; дотолѣ оно опасно для него только одного, или для небольшаго числа людей, могущихъ знать оное. Но вы даете ему жизнь, вы говорите о немъ всенародно, вы содѣйствуете его успѣху, и распространяете происходящую отъ него гибель; изъ огня, который скрывался бы подъ пепломъ, или пожралъ бы одинъ только домъ, вы дѣлаете обширный пожаръ, опустошающій города и области. Какъ похвально ремесло того, кто, распространяя пагубное ученіе, съ нимъ вмѣстѣ разливаетъ все, что только можетъ растлить умъ и сердце, и поселить въ семействахъ порокъ, развратъ, раздоръ!—

И чѣмъ можно извинить дѣятельность, столь предосудительную? Не скажутъ ли, что сего требуетъ ходъ искуствъ и торговли? Но за чѣмъ поставлять славу ихъ въ томъ, что служитъ къ одному ихъ безчестію? Изображать красоты природы, даже украшать природу, стараться достигнуть того и-

зящества, коего нельзя съ точностію опредѣлить, и которое существуетъ болѣе въ нашей разумной душѣ, нежели въ какомъ либо вещественномъ предметѣ: вотъ благородное назначеніе искуствъ!—всякое другое назначеніе для нихъ унизителвно. Ваятель, живописецъ, писатель и поэтъ безславятъ свое дарованіе, удаляясь отъ направленія, столь прямаго и возвышеннаго. Ужели нечестіе есть путь къ славѣ? Нѣтъ, не порочныя произведенія Фидію и Рафаелю доставили безсмертіе!

„Это, говорятъ, составляетъ полезную вѣтвь промышленности.“—Конечно, я не долженъ предаваться напраснымъ и несправедливымъ жалобамъ противъ торговли и промышленности, и отвергать выгоды, имъ доставляемыя. Но однакожъ мы не должны взирать на Гражданское общество, какъ на стадо животныхъ, которыя, по своему инстинкту, ограничиваются одними физическими нуждами: оно есть союзъ существъ разумныхъ, живущихъ не одною только грубою тѣлесною пищею, но и ду-

ховнымъ хлѣбомъ истины. Для вола служитъ родиною пастбище, которое питаетъ его и утучняетъ; а я поставляю свое отечество не на землѣ только, которую попираю ногами, и съ понятіемъ онаго соединяю Религію, Государя, законы, постановленія, нравы, обычаи, предковъ и т. п. Итакъ, ежели должно заботиться о томъ, что нѣкоторымъ образомъ составляетъ животную жизнь общественнаго тѣла; то тѣмъ болѣе должно пещись о томъ, въ чемъ состоитъ нравственная и умственная жизнь его, и потому остерегаться такихъ ученій, которыя разстроиваютъ и убиваютъ оную.

Но я не останавливаюсь на семъ, и смѣло говорю, что главная опора торговли есть Религія. Успѣхъ торговли обыкновенно зависитъ отъ честности, истребляющей незаконные прибытки и обманы; отъ умѣренности, не позволяющей, для снисканія богатства, отваживаться на дерзкія предпріятія, часто оканчивающіяся совершеннымъ раззореніемъ и безразсуднаго спекуланта и

многихъ другихъ семействъ, вверившихъ ему свое достояніе; отъ благоразумной бережливости, запрещающей въ одинъ день расточать на прихоти пагубной роскоши то, что собрано было многолѣтними трудами; наконецъ сей успѣхъ зависитъ отъ общественной безопасности, дозволяющей и благоразумнѣйшимъ людямъ дѣлать иногда разныя предначертанія на будущее время. Но сія честность, сія умѣренность, сія безопасность находятъ въ Религіи самое прочное основаніе. Ибо что бы мы подумали о томъ человѣкѣ, который, желая сохранить свою красоту и здоровье, обременилъ бы себя великолѣпными одеждами, украсилъ голову алмазами, и между тѣмъ не устрашился бы выпить яда, который рано или поздо повергнетъ его мертвымъ среди ужасныхъ мученій? Вотъ изображеніе народа, который, ослѣпившись блестящими произведеніями искуствъ и промышленности, равнодушно смотритъ на распространеніе нечестивыхъ ученій, кои, растлѣвая по немногу его нравы и подрывая

законы, наконецъ произведутъ всеобщее въ немъ разстройство и возмущеніе!

Удивляются, почти негодуютъ, видя ревность нравоучителей, востающихъ противъ вредныхъ книгъ; но какъ мы въ семъ случаѣ бываемъ не предусмотрительны и легкомысленны! Когда заразительная болѣзнь угрожаетъ нашимъ областямъ, то сколько предосторожностей для ихъ безопасности! Какая удивительная строгость въ исполненіи принятыхъ мѣръ! Если бы можно было, кажется, воздвигнули бы противъ таковой болѣзни непреодолимыя твердыни. Это похвально; ибо дѣлается изъ просвѣщенной любви къ человѣчеству, и составляетъ предметъ попеченій отечески заботливаго Правительства. Все это дѣлается однако для тѣла; но что мы дѣлаемъ для души? Нравственная зараза, проникающая въ умы, разстроивающая и истребляющая начала доброй жизни,— сіе распространеніе зловредныхъ листковъ и нечестивыхъ книгъ, не только не ужасаетъ насъ, но даже не выводитъ изъ состоянія нашего равнодушія! Мы

не боимся того, что общественное тѣло, напитанное сею отравою, истощивши въ судорожныхъ движеніяхъ остатокъ силъ своихъ, наконецъ совершенно исчахнетъ, сгніетъ!

Отцы и матери, наставники юношества, всѣ вы, коимъ небо ввѣрило попеченіе о первомъ возрастѣ человѣка, трепещите своей безпечности, трепещите дѣлаться участниками въ злочестіи! Вы конечно исторгли бы изъ рукъ питомцевъ своихъ наполненную отравою чашу, которая моглабъ причинить имъ неизбѣжную смерть; за чѣмъ же оставляете въ рукахъ ихъ такія книги, которыя способны растлить ихъ умъ и сердце, и которыя могутъ сдѣлать изъ нихъ непотребныхъ дѣтей, къ нещастію ихъ семейства, и негодныхъ гражданъ, къ погибели Государства?

III. Приступимъ теперь къ третьему вопросу, и скажемъ, что должно думать о читателяхъ книгъ противныхъ Религіи?

Уже прошли тѣ времена, когда вѣра была всеобщею, а нечестіе рѣдкостію;

когда безбожныя сочиненія таились во мракѣ, и Христіане, послушные гласу своихъ Пастырей, уважали ихъ увѣщанія; сіе послушаніе изчезло, и мѣсто его заступила кичливая любознательность, по которой, особенно юноши, не годуютъ, для чего хотятъ назначить даже законныя границы ихъ необузданнымъ желаніямъ. Чѣмъ же обыкновенно оправдываются читатели таковыхъ книгъ? Одни изъ нихъ не безбожники и не хотятъ быть ими; напротивъ они думаютъ, что ихъ вѣра столь тверда, что нечестивыя книги не могутъ поколебать оную: это извиненіе весьма безразсудно! — Другіе, скрывая отъ самихъ себя тайныя расположенія своего сердца, говорятъ, что они читаютъ такія книги единственно для своего просвѣщенія, дабы имъ можно было съ сознаніемъ и основательностію судить о Христіанской Религіи и невѣріи: это извиненіе весьма обманчиво! — Наконецъ есть такіе, которые, по словамъ ихъ, ищутъ въ сихъ сочиненіяхъ только пріятнаго слога, и думаютъ, что не

простительно было бы не имѣть понятія о такихъ книгахъ, которыя произвели или производятъ столько шуму: это извиненіе весьма легкомысленно! —

1. Подлинно не благоразумны и безразсудны тѣ, кои безъ всякой необходимости, обольщаясь токмо твердостію своей вѣры, позволяютъ себѣ чтеніе книгъ, противныхъ Религіи. Извѣстно, что нашъ гордый умъ вооружается противъ высокихъ для него таинствъ Христіанской Вѣры; что мы, по своей изнѣженности, очень склонны свергнуть съ себя иго ея заповѣдей; что для насъ трудно покаряться ея уставамъ и обрядовымъ постановленіямъ; и что наконецъ наши Священныя Книги заключаютъ въ себѣ такіе предметы, которые легко могутъ привести насъ въ недоумѣніе, если мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній для ихъ обьясненія. Слабые и гордые, а вмѣстѣ безпечные и любопытные, мы должны бы охранять себя противъ сихъ тайныхъ поползновеній своего сердца. Но что дѣлаете вы, читатели безразсудные? Вмѣсто того, чтобы питать

себя такимъ чтеніемъ, которое укрѣпляетъ Вѣру, и подаетъ оружіе къ ея защитѣ, вы ищете того, что можетъ только ослабить оную въ душѣ вашей, и охладить вашу ревность къ ея благу. Какъ! вы будете читать такія противъ нашихъ таинствъ мудрованія, коихъ, можетъ быть, не въ силахъ сами разрѣшить, и ни сколько не хотите страшиться, что ихъ хитрыя доказательства, ослѣпивши васъ ложнымъ блескомъ, будутъ подавлять вашъ умъ и обезсиливать оный? ни сколько не хотите страшиться, что онѣ охладятъ, можетъ быть, сердце ваше въ ту самую минуту, когда бы оно должно было повергнуться во прахѣ предъ величіемъ пресвятаго Бога? Вы будете читать книгу, наполненную Епикурейскими правилами, при коихъ Христіанское нравоученіе можетъ показаться тягостнымъ для вашей слабости,—и думаете, что вы, для коихъ столь трудно покаряться игу простаго естественнаго закона, не захотите освободиться отъ строгаго закона чистѣйшей, совершеннѣйшей нравствен-

ности Евангельской? Если то или другое сочиненіе осмѣиваетъ и поноситъ самыя достоуважаемыя постановленія Христіанскаго благочестія; издѣвается надъ образованными людьми за то, что они исполняютъ ихъ вмѣстѣ съ чернію: то не должно ли опасаться, что, читая оное, вы почувствуете нерасположенность къ симъ постановленіямъ, и наконецъ будете въ нихъ видѣть только предметъ набожности простолюдиновъ, для васъ унизительной?—Если въ этой книгѣ, разцвѣченной ученостью и остроуміемъ, въ которой вы встрѣтите нѣсколько значительныхъ мыслей, и гораздо болѣе найдете злобныхъ насмѣшекъ, Священное Писаніе представляется вамъ въ ложномъ и ненавистномъ видѣ: то ужели вы думаете, что ваше уваженіе къ нему ни сколько отъ сего не измѣнится? Страшитесь прикасаться къ плоду запрещенному, чтобы не подвергнуться тяжкому наказанію за свое любопытство! Страшитесь, чтобы, начавши безразсудствомъ, не окончить безбожіемъ! — Но положимъ, что вѣра ваша не вовсе угас-

нетъ; впрочемъ она необходимо сдѣлается свѣтомъ тусклымъ, и не будетъ согрѣвать васъ. Святыя истины, униженныя въ очахъ вашихъ, много потеряютъ власти надъ вашимъ сердцемъ. Убѣжденіе составляетъ силу души; и чѣмъ оно живѣе, тѣмъ болѣе вдыхаетъ благородныхъ чувствъ и поступковъ. Человѣкъ сомнѣвающійся ни къ чему не способенъ; колеблясь, онъ становится въ половину уже побѣжденнымъ, и его поведеніе бываетъ тогда столь же ненадежно, какъ и его мысли. Посему дѣятельность необходимо должна ослабѣвать вмѣстѣ съ вѣрою; и если древо вашихъ добродѣтелей не изсохнетъ въ самомъ корнѣ, то неминуемо сдѣлается безплоднымъ.

2. Но ужели не позволительно изслѣдывать Религію, и выслушивать ея противниковъ, дабы узнать, чѣмъ они опровергаютъ оную? Вотъ второе извиненіе, которое намъ должно разсмотрѣть! Безъ сомнѣнія, Христіанская Религія не есть Религія мрака; она любитъ свѣтъ и не стыдится своего происхожденія, своихъ распространителей, своего ученія, сво-

ихъ завоеванiй. Пороки нѣкоторыхъ ея послѣдователей не помрачаютъ чистоты ея правилъ, подобно какъ земные пары не потемняютъ лучей солнца; и—что того важнѣе,—ученики ея бываютъ недостойны сего имени, какъ скоро дѣлаются порочными. Религiя скорбитъ и жалуется только на то, что есть люди, которые, по своей лѣности, хотятъ осудить ее просто, не вникнувъ въ нее предварительно. Итакъ изслѣдуемъ Религiю и ученiе ея противниковъ; но будемъ осторожны, не станемъ называть того изслѣдованiемъ, что въ самомъ дѣлѣ есть только пустой призракъ онаго. То изслѣдованiе бываетъ весьма пристрастно и несправедливо, когда изслѣдыватели съ удовольствiемъ читаютъ книги, написанныя противъ Религiи, охотно о нихъ разговариваютъ, и различнымъ образомъ укрѣпляя въ себѣ произведенныя ими впечатлѣнiя, едва касаются писанiй защитниковъ Вѣры, а сильныхъ доводовъ ихъ, рѣшительно опровергающихъ всѣ возраженiя, представляемыя противниками, и во все не знаютъ.

То изслѣдованіе бываетъ весьма горделиво, когда изслѣдывающіе, слишкомъ довѣряя самимъ себѣ, презираютъ свѣдѣнія другихъ; почитаютъ унизительнымъ для своего ума прибѣгать къ совѣтамъ учителей закона; думаютъ, что они сами могутъ произносить о всемъ рѣшительный приговоръ, и нерѣдко бываютъ тѣмъ неуважительнѣе къ священнымъ истинамъ, чѣмъ болѣе имъ надлежало имѣть скромности. То изслѣдованіе бываетъ весьма низко и малодушно, когда изслѣдыватели боятся увидѣть истинною ту Религію, которой предписанія святы; изучаютъ ее съ тайнымъ желаніемъ найти опроверженія на нее сильными, а доказательства ея слабыми, желаютъ укрыться отъ свѣта ея истины, и уклониться отъ обязанностей, ею налагаемыхъ. Ежели таковые признаки носитъ на себѣ ваше изслѣдованіе; то какое вы можете имѣть къ нему довѣріе? Лучшее средство познать истину состоитъ въ желаніи оной: кто любитъ ее, тотъ и находитъ. Являясь сердцамъ чистымъ, она скрывается отъ

гордаго, и въ наказаніе за обидную презрительность, оставляетъ его во мракѣ заблужденій.

Вы говорите, что хотите изслѣдывать Религію? Изслѣдуйте, — я на то согласенъ; но тщательно разсмотрите доказательства оной, дабы можно было видѣть всю ихъ силу; взвѣсьте свидѣтельства, и оцѣните ихъ по достоинству, укротите омрачающія умъ вашъ страсти, пользуйтесь совѣтами въ недоумѣніяхъ, старайтесь объяснить трудное.—Вы хотите изслѣдывать Религію? Нѣтъ,—вы не того хотите! Вы дѣлаете именно то, что можетъ навсегда укоренить въ васъ невѣріе, ежели вы уже невѣры; или посѣять оное, ежели вы еще остаетесь вѣрующими. Вы хотите узнать наши Священныя Книги, наше ученіе, преданія, Богослуженіе, исторію Христіанства: но гдѣ ищете объ этомъ свѣдѣній?—Въ сочиненіяхъ, наполненныхъ желчію и язвительными остротами, софизмами и ругательствами, можетъ быть, въ своевольныхъ и насмѣшливыхъ толкованіяхъ Вольтера!

Послѣ того, какъ вы почерпнули уже изъ сего нечистаго источника отвращеніе и презрѣніе къ Религіи, вамъ приходитъ на мысль посвятить нѣсколько минутъ чтенію ея защитниковъ! . . И такъ нужно ли удивляться тому, что важное, твердое, глубокомысленное изслѣдованіе причиняетъ вамъ одну только скуку? Объяснимъ сравненіемъ странность вашего поступка. Вотъ на пр. этотъ молодой человѣкъ, окончивши въ одной изъ нашихъ провинцій предуготовительное ученіе, пріѣхалъ въ столицу обучаться сложному, трудному, драгоцѣнному и вмѣстѣ страшному искуству—Медицинѣ. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ начинаетъ читать всѣ древнія и новѣйшія сатиры противъ врачей, читаетъ все, гдѣ говорится, что ихъ искуство есть пустая наука, состоитъ изъ однихъ догадокъ, основано на невѣжествѣ и легковѣріи, и служитъ шарлатанамъ орудіемъ для обмана глупцовъ, которые такъ часто дѣлаются ихъ жертвами. Напитанный такими понятіями, такими предубѣжденіями, онъ пробѣ-

гаетъ нѣсколько медицинскихъ книгъ, и разговариваетъ о нихъ съ молодыми своими товарищами не столько для того, чтобы сообщить другъ другу свое о нихъ сужденіе, сколько для того, чтобы вмѣстѣ надъ ними посмѣяться. Симъ оканчивается его ученіе: и вотъ вамъ врачь! Это одинъ только вымыслъ, если угодно; но онъ вѣрно изображаетъ тѣхъ молодыхъ людей, которые стараются познать Религію изъ книгъ ея противниковъ, часто столько же дерзкихъ, какъ и нечестивыхъ.

3. Наконецъ вы говорите, что ищете въ нечестивыхъ книгахъ одного только пріятнаго слога. Итакъ пустыя блестки краснорѣчія васъ привлекаютъ къ нимъ болѣе, нежели сколько отвращаетъ отъ нихъ богохульство! Враговъ Бога вы уже не почитаете своими врагами, какъ скоро они обладаютъ искуствомъ забавлять васъ! Вамъ извѣстно, что писатель, который умѣетъ нравиться, часто умѣетъ также обольщать, и что пріятное легко производитъ убѣжденіе. Но вы объ этомъ не безпокоитесь: удоволь-

ствіе прочитать нѣсколько остроумныхъ строкъ, нѣсколько пышныхъ фразъ, вы цѣните столько же, или еще дороже, нежели сохраненіе величайшихъ благъ, сохраненіе добрыхъ нравовъ и Религіи. Пагубное любопытство влечетъ васъ собственнымъ опытомъ узнать то, чего вы не можете знать безъ опасности. Спрашиваю: ежели бы до васъ дошелъ слухъ, что сильная моровая язва дѣлаетъ въ такихъ-то мѣстахъ страшныя опустошенія; ужели бы вы, изъ одного любопытства, поспѣшили туда, чтобъ подышать зараженнымъ воздухомъ, и собственнымъ опытомъ убѣдиться въ заразѣ?! Вы ищете пріятностей слога: а развѣ вѣки Перикла и Августа, науки и литтература, Поэзія и Краснорѣчіе, Исторія людей и природы, и въ особенности Священныя Книги съ своими оригинальными красотами и величественною простотою, – развѣ все это не представляетъ вамъ множества красотъ чистыхъ, удовлетворительныхъ для ума, усладительныхъ для вкуса, и способныхъ доставить пріятное чтеніе во время до-

суга? Какъ жадны тѣ, для коихъ мало сихъ сокровищъ!—

Я показалъ теперь то, что нахожу предосудительнаго въ сочинителяхъ, распространителяхъ и читателяхъ книгъ, противныхъ Религіи; и мы видѣли, какъ пагубны слѣдствія сихъ нечестивыхъ произведеній, сколь опасны онѣ для общества. Въ непрестанномъ появленіи злонамѣренныхъ рукописей и книженокъ, ежедневно проповѣдующихъ возмущеніе и нечестіе, заключается постоянный заговоръ противъ трона и олтаря. Съ давняго уже времени идетъ сія жестокая борьба между истиною и ложью, Христіанствомъ и невѣріемъ, возмущеніемъ и властію: добро и зло всегда стоятъ въ вооруженіи одно противъ другаго;—зло со всею своею лютостію, добро со всѣмъ своимъ мужествомъ. На чьей сторонѣ останется побѣда? — Не сомнѣвайтесь, она останется на сторонѣ Іисуса Христа и его вѣрныхъ поклонниковъ, на сторонѣ законнаго престола и его вѣрныхъ служителей! Религія Іисусова восторжествуетъ надъ на-

стоящими оскорбленіями, какъ восторжествовала надъ прошедшимъ неистовствомъ своихъ враговъ; она восторжествуетъ надъ перомъ нынѣшнихъ лжемудрецовъ, какъ восторжествовала уже надъ мечемъ древнихъ своихъ гонителей!

VII.

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

ПРАВИЛА

ПРОСТРАННО ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО ВОПРОСАМЪ И ОТВѢТАМЪ.

Вопросъ XXXVII. Позволительно ли, подъ предлогомъ молитвъ и псалмопѣнія, нерадѣть о тѣлесныхъ трудахъ? Также, какое время прилично для молитвы? Но сперва желательно знать, должны ли мы работать?

Отвѣтъ. Поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что *достоинъ пищи* не просто каждый человѣкъ, ктобъ онъ ни былъ, но *трудящійся* (Мат. 10, 10); поелику и Апостолъ повелѣваетъ работать и *дѣлать своима рукама благое, чтобъ можно было подаяти требующему* (Ефес. 4, 28): то само собою явствуетъ, что мы должны ревностно

трудиться. Ибо не должно думать, будто благочестіе служитъ предлогомъ къ лѣности, и состоитъ въ удаленіи отъ труда; напротивъ цѣлію онаго должно быть подвижничество, большія труды и терпѣніе въ скорбяхъ, дабы и мы могли сказать: *въ трудѣ и подвизѣ, въ бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жаждѣ* (2 Кор. 11, 27). Такой образъ жизни полезенъ намъ не только для обузданія плоти, но и ради любви къ ближнимъ, то есть, чтобы Господь даровалъ чрезъ насъ потребное немощнымъ братіямъ нашимъ, по примѣру Апостола, который онъ предложилъ намъ въ Дѣяніяхъ, говоря: *во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ* (гл. 20, 35); и въ другомъ мѣстѣ: *чтобъ можно было удѣлять нуждающемуся* (Ефес. 4, 28). За это можемъ мы удостоиться услышать сіе слово Спасителя: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра: взалкахся бо, и дасте ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя* (Мат. 25, 34).

Съ другой стороны, нужно ли говорить, сколь великое зло есть праздность? Апостолъ ясно учитъ: *кто не хощетъ дѣлати*, тотъ *ниже да ястъ* (2 Сол. 3, 10); слѣдовательно, сколь необходимо для каждаго ежедневно принимать пищу, столь же необходимо и посильно трудиться. Ибо Соломонъ не напрасно написалъ въ похвалу трудолюбивой жены, что она *брашна лѣностнаго не яде* (Притч. 31, 27), или Апостолъ о самомъ себѣ: *мы ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день* (2 Сол. 3, 8), хотя онъ, благовѣствуя Евангеліе, имѣлъ право и жить отъ Евангелія. Притомъ самъ Господь поставляетъ лѣность наравнѣ съ лукавствомъ, говоря: *рабъ лукавый и лѣнивый* (Матѳ. 25, 26); а премудрый Соломонъ не только, какъ выше сказано, похваляетъ трудолюбивыхъ, но еще обличаетъ нерадиваго, указывая ему на малѣйшаго изъ животныхъ, и говоря: *иди къ мравію, о лѣниве!* (Притч. 6, 6). Посему должно опасаться, чтобы въ день суда и намъ

не услышать подобной укоризны; ибо Тотъ, Кто далъ намъ силу трудиться, конечно потребуетъ отъ насъ и дѣлъ, соразмѣрныхъ съ сею силою: *кому дано много*, говоритъ Онъ, *много и взыщется отъ него* (Лук. 12, 48).

Поелику же нѣкоторые отказываются отъ работы подъ предлогомъ молитвъ и псалмопѣнія; то должно знать, что хотя для каждаго изъ многихъ дѣлъ есть свое опредѣленное время, какъ говоритъ Экклесіастъ: *время всякой вещи* (3, 1); но для молитвъ и псалмопѣнія, равно какъ и для иныхъ занятій, удобно всякое время; такъ что въ ту самую минуту, когда мы работаемъ руками, можемъ восхвалять Бога, какъ говоритъ Писаніе: *во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ* (Кол. 3, 16), дѣлая это устами, если возможно, и наипаче полезно къ созиданію вѣры; — если же не возможно, то сердцемъ. Такимъ образомъ, среди самыхъ трудовъ, можемъ совершать молитву. Въ семъ случаѣ намъ должно благодарить Бога за то, что Онъ даровалъ намъ и силу рукъ

для совершенія работъ, и умъ, способный научиться искуству въ оныхъ, и вещество, потребное какъ для художественныхъ орудій, такъ и для тѣхъ издѣлій, работою коихъ мы занимаемся; а вмѣстѣ съ симъ должны просить Его, чтобъ дѣла рукъ нашихъ успѣшно совершались и способствовали намъ благоугождать Богу. Когда же мы, при всякомъ занятіи нашемъ, какъ сказано, будемъ испрашивать у Бога успѣховъ, и благодарить Его за дарованную намъ способность трудиться, когда будемъ всегда имѣть въ виду ту цѣль, чтобы благоугождать Ему; то чрезъ это предохранимъ свою душу и отъ разсѣянія. Ибо, еслибъ нельзя было въ семъ случаѣ такъ поступать, то какъ бы можно было согласить слова Апостола: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 18) и: *нощь и день дѣлающе* (2 Сол. 3, 8)?

Впрочемъ изъ того, что законъ повелѣваетъ намъ благодарить Бога во всякое время, а природа и разумъ внушаютъ, что это необходимо для нашей жизни, не должно заключать, будто поз-

вожительно пренебрегать тѣми временами, которыя въ братскихъ обществахъ преимущественно опредѣлены для молитвословія, и необходимое имѣютъ отличіе отъ другихъ потому, что каждое изъ нихъ напоминаетъ намъ о какомъ либо особенномъ благодѣяніи Божіемъ. Именно должно молиться по утру для того, чтобы первыя движенія нашего ума и сердца посвящены были Богу, и чтобъ мы ни о чемъ другомъ не заботились, прежде нежели исполнимся радостною о Немъ мыслію, какъ писано: *помянухъ Бога, и возвеселихся* (Псал. 76, 4). Не должно и тѣла упражнять работою, прежде нежели будетъ совершено то, о чемъ говорится въ Писаніи: *къ Тебѣ помолюся, Господи. Заутра услыши гласъ мой; заутра предстану Ти, и узриши мя* (Псал. 5, 34). Потомъ въ третій часъ опять должны братія вставать и собираться для молитвы, хотя бы случилось, что они уже и разошлись каждый на свою работу. Въ это время, вспоминая о дарахъ Св. Духа, ниспосланнаго въ третій часъ на

Апостоловъ, всѣ мы единодушно должны покланяться Ему, дабы и самимъ содѣлаться достойными освященія;—должны просить у Него руководства и наставленія на полезное, по примѣру Псалмопѣвца: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей; не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене; воздаждь ми радость спасенія Твоего и духомъ Владычнимъ утверди мя* (Псал. 50, 12); или какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Духъ Твой благій да руководствуетъ меня по стезѣ прямой* (Псал. 142, 10). Послѣ сего пусть каждый опять займется своимъ дѣломъ. А еслибъ нѣкоторые изъ братій, по роду своихъ занятій, находились вдалекѣ, и по причинѣ разстоянія мѣста, не могли присутствовать вмѣстѣ съ другими при молитвѣ: то они должны, ни мало не сомнѣваясь, исполнить тамъ все то, что установлено совершать въ общемъ собраніи. *Идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое*, говоритъ Господь, *ту есмь посредѣ ихъ*

(Матө. 18, 20). Далѣе, подражая примѣру святыхъ, мы признаемъ необходимымъ молиться и въ шестый часъ; ибо сказано: *вечеръ и заутра и полудне повѣмъ, и возвѣщу, и услышитъ гласъ мой* (Псал. 54, 18); и дабы избавиться отъ нападенія и бѣса полуденнаго, надобно въ тоже время читать девяностый Псаломъ. А что въ девятый часъ необходимо намъ молиться, то это заповѣдали сами Апостолы въ своихъ дѣяніяхъ, гдѣ повѣствуется, что *Петръ и Іоаннъ вхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый* (гл. 3, 1). По окончаніи дня должно благодарить Бога за все, что мы въ теченіи онаго получили отъ Него, или сдѣлали добраго, а также приносить покаяніе въ томъ, чего не исполнили; и хотя бы мы волею, неволею, или тайно въ чемъ либо согрѣшили словомъ, дѣломъ, или сердцемъ,—за все должны умилостивлять Бога молитвою. Ибо весьма полезно памятовать о содѣланныхъ грѣхахъ, дабы снова не учинить подобныхъ; почему и сказано: *размыслите въ сердцахъ вашихъ на ло-*

жахъ вашихъ, и утишитесь (Псал. 4, 5). Должно молиться и при наступленіи ночи, испрашивая сна спокойнаго, не возмущаемаго мечтаніями; въ сіе время необходимо также читать девяностый Псаломъ. А что и въ полунощи нужно молиться, это показываетъ намъ примѣръ Павла и Силы, о коихъ въ исторіи дѣяній Апостольскихъ сказано: *въ полунощи Павелъ и Сила молящеся пояху Бога* (гл. 16, 25); равно и Псалмопѣвецъ говоритъ: *въ полунощи востаю славословить Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 62). Наконецъ молитвою надлежитъ предварять утро, такъ чтобы день не заставалъ насъ во снѣ и на ложѣ, по словамъ того же Псамопѣвца: *очи мои предваряютъ утреннюю стражу, дабы углубляться въ слово Твое* (Псал. 118, 148).

Тѣ, кои рѣшились жить точно для славы Бога и Іисуса Христа, не должны опускать безъ молитвы ни одного изъ помянутыхъ временъ; различныя же и разнообразныя молитвы и псалмопѣнія, совершаемыя въ опредѣленные часы, по

моему мнѣнію, полезны и потому, что при единообразіи душа часто отъ чего-то скучаетъ и разсѣевается, а напротивъ, когда чтеніе и псалмопѣніе каждый часъ перемѣняются и разнообразятся, то чрезъ это жаръ ея усиливается и возобновляется вниманіе.

Вопросъ XXXVIII. Поелику достаточно уже показано, что и молитвы не должно оставлять, и необходимо трудиться; то теперь остается узнать, какія художества приличны нашему званію.

Отвѣтъ. Не легко опредѣлить, какими именно художествами намъ должно заниматься; потому что, судя по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по той удобности, съ какою въ каждой странѣ могутъ производиться извѣстныя рукодѣлія, для однихъ бываютъ болѣе нужны тѣ, а для другихъ другія. Впрочемъ можно сказать, что вообще надлежитъ упражняться въ тѣхъ художествахъ, которыя не нарушаютъ тишины и спокойствія нашей жизни, не требуютъ великой заботливости въ приготовленіи

потребныхъ для нихъ матеріаловъ, не причиняютъ большихъ безпокойствъ въ распродажѣ издѣлій, и не подаютъ повода къ тому, чтобы къ намъ стекались мущины или женщины, что было бы неприлично, и даже вредно. Должно помнить, что при всякой работѣ мы обязаны имѣть въ виду особенно приличную намъ цѣль, именно простоту и дешевизну; и всячески опасаться того, чтобы не служить глупымъ и вреднымъ людскимъ прихотямъ, занимаясь издѣліемъ такихъ вещей, которыя имъ нравятся. Посему позволительно намъ упражняться въ ткацкомъ искуствѣ, но должно ткать только общеупотребительныя въ жизни издѣлія, а не такія, которыя выдуманы безстыдными для прельщенія и условленія юношей. Равнымъ образомъ можно заниматься и сапожническимъ ремесломъ, для дѣланія необходимо-нужныхъ вещей. Что же касается до архитектуры, древодѣлія, литейнаго мастерства и земледѣлія; то всѣ сіи художества сами по себѣ необходимы, весьма полезны въ

жизни, и никакою особенною заповѣдію намъ не запрещаются. Впрочемъ, если они причиняютъ намъ безпокойство, или препятствуютъ жить вмѣстѣ съ братіями; то по необходимости должно оставить ихъ, и предпочесть имъ такія, при которыхъ мы можемъ предохранить себя отъ разсѣянія, и постоянно быть преданы Господу, и которыя не могутъ отвлекать людей, посвятившихъ себя на подвиги благочестія, ни отъ обычнаго псалмопѣнія, ни отъ молитвы, ни отъ совершенія прочихъ чиноположеній. Но когда отъ помянутыхъ художествъ не происходитъ никакого вреда для избраннаго нами рода жизни; то надлежитъ многимъ другимъ искусствамъ предпочитать ихъ, а особенно земледѣліе (поелику оно само по себѣ доставляетъ необходимое, и освобождаетъ занимающихся онымъ отъ частыхъ отлучекъ и безпокойныхъ путешествій изъ одного мѣста въ другое), только бы оно, какъ сказано, не причиняло намъ возмущеній и безпокойствъ ни отъ сосѣдей, ни отъ живущихъ вмѣстѣ съ нами.

Вопросъ XXXIX. Какъ должно продавать свои издѣлія, и путешествовать?

Отвѣтъ. Должно стараться и о томъ, чтобы не продавать своихъ издѣлій гдѣ нибудь далеко, и ради продажи ихъ, не выставлять самихъ себя на показъ. Ибо пребывать въ одномъ мѣстѣ гораздо приличнѣе и полезнѣе, какъ для взаимнаго назиданія, такъ и для большаго сбереженія каждодневной пищи. Посему лучше уменьшить цѣну, нежели для не большаго прибытка, предпринимать дальнее путешествіе. Но если бы дѣйствительно не возможно было избѣжать сего: то, дабы путешествіе принесло намъ пользу, надлежитъ избирать такія мѣста и города, которыя населены людьми благочестивыми; притомъ нужно, чтобы на извѣстныя торжища сходились многіе братія, каждый съ своимъ издѣліемъ, и отправляясь въ путь всѣ вмѣстѣ, совершали оный съ псалмопѣніемъ, молитвами и взаимнымъ назиданіемъ. Когда же они достигнутъ назначеннаго мѣста, то всѣ должны избрать одну и туже гостинницу, частію для взаимнаго

охраненія; частію для того, чтобы какъ днемъ, такъ и ночью не опускать ни одного времени, определеннаго для молитвословія; частію наконецъ и для того, чтобы сотоварищество съ людьми не общительными и любостяжательными было безвреднѣе, когда т. е. каждый изъ насъ будетъ находиться вмѣстѣ со многими, а не одинъ. Ибо и самые наглые люди не хотятъ, чтобы многіе были свидѣтелями обидъ и огорченій, ими причиняемыхъ.

Вопросъ XL. О торговлѣ при праздничныхъ собраніяхъ.

Отвѣтъ. Впрочемъ благоразуміе внушаетъ, что намъ не прилично торговать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершаются празднества въ честь мучениковъ. Ибо, памятуя о страшномъ гнѣвѣ Господа, который, хотя всегда и вездѣ былъ, какъ говоритъ Писаніе, кротокъ и смиренъ сердцемъ, но на тѣхъ поднялъ бичь, кои продавали и покупали около храма, и своею торговлею превращали домъ молитвы въ вертепъ разбойниковъ (Іоан. 2, 15),—памятуя о семъ,

Христіане должны приходить на означенныя, или на близъ лежащія къ нимъ, мѣста не для другой какой причины, какъ только для молитвы, а также и для того, чтобы, воспоминая твердость святыхъ мужей, подвизавшихся за дѣло благочестія до смерти, самимъ возбуждаться къ подобной ревности. Правда, нѣкоторые уже нарушили сіе обыкновеніе людей благочестивыхъ, и вмѣсто того, чтобы молиться другъ за друга, и совокупно покланяться Богу, чтобы со слезами умилостивлять Его за грѣхи свои, благодарить за благодѣянія и назидать себя словомъ утѣшенія (что, какъ извѣстно, и въ наше время было еще соблюдаемо),—вмѣсто всего этого, они на празднествахъ и во время оныхъ составляютъ торжища, и производятъ всеобщую торговлю; но изъ сего не должно заключать, что и мы должны послѣдовать примѣру такихъ людей, и своимъ участіемъ въ нелѣпыхъ поступкахъ укоренять оные. Напротивъ мы обязаны подражать тому, какъ, по свидѣтельству Евангелія, поступалъ въ собраніяхъ Го-

сподь нашъ Іисусъ Христосъ, и исполнять повелѣнія Апостола, поелику онѣ служатъ дополненіемъ къ примѣру Господа. Апостолъ же такъ пишетъ: *егда сходитеся, кійждо васъ псаломъ иматъ, ученіе иматъ, откровеніе иматъ, языкъ иматъ, сказаніе иматъ: вся же къ созиданію да бываютъ* (1 Кор. 14, 26).

Вопросъ XLI. О власти и повиновеніи.

Отвѣтъ. Что касается и до приличныхъ намъ художествъ, то не должно позволять каждому заниматься тѣмъ изъ нихъ, которое онъ знаетъ, или хотѣлъ бы узнать; но пусть упражняется въ томъ, къ которому онъ признанъ способнымъ. Ибо отрекшійся себя и своей воли, вовсемъ долженъ дѣлать не то, что хочетъ, но то, чему его учатъ. Да и разумъ не позволяетъ, чтобы ввѣрившій себя управленію другихъ, по своему произволу, избиралъ то, что ему кажется полезнымъ; напротивъ руководители должны опредѣлять его къ тому, къ чему они признали его способнымъ о имени Господа. Въ противномъ случаѣ, по собственному своему желанію

избирая для себя занятіе, онъ подвергаетъ себя осужденію, во первыхъ за самоугожденіе, а во вторыхъ за то, что пристрастился къ извѣстному художеству, либо по любви мірской славы, либо изъ желанія большой корысти, либо по другой подобной причинѣ, или за то, что, по лѣности и празднолюбію, предпочитаетъ легчайшее. А дѣйствующій по такимъ побужденіямъ, очевидно, еще не освободился отъ злыхъ страстей. Ибо кто желаетъ удовлетворять своимъ наклонностямъ, тотъ не отвергся самаго себя; кто еще стремится къ корысти и славѣ, тотъ не отказался отъ мірскихъ дѣяній; кто не подъемлетъ труднаго бремени, тотъ еще не умертвилъ земныхъ своихъ членовъ, но обнаруживаетъ въ себѣ признаки гордаго самолюбія, ибо думаетъ, что его-то собственное сужденіе гораздо справедливѣе, нежели опредѣленіе многихъ людей. Если же кто знаетъ уже какое либо художество, не возбраняемое обществомъ, тотъ не долженъ оставлять его (ибо пренебрегать тѣмъ, чему научился, есть признакъ

души непостоянной и легкомысленной); а если ни какого еще не знаетъ;—не долженъ самъ для себя выбирать оное, но обязанъ обучаться, по приказанію старшихъ, тому, которое они одобрятъ, дабы во всемъ сохраняема была подчиненность. Ибо сколь не прилично въ семъ случаѣ поступать самопроизвольно (какъ это мы показали), столь же предосудительно и не соглашаться на то, что бываетъ одобрено другими. Но если бы кто свѣдущъ былъ въ такомъ художествѣ, занятіе коимъ не нравится братіи: тотъ охотно долженъ оставить оное, и тѣмъ показать, что онъ ни къ чему мірскому не имѣетъ пристрастія. Ибо исполнять *волю помышленій* (Ефес. 2, 3) свойственно только, по слову Апостола, не *имущему упованія* (1 Солун. 4, 13): а напротивъ совершенная во всемъ покорность достойна одобренія, поелику тотъ же Апостолъ въ похвалу нѣкоторыхъ говоритъ: *себе вдаша первѣе Господеви, и намъ волею Божіею* (2 Кор. 8, 5).—

Далѣе, каждый долженъ быть внима-

шеленъ къ своей работѣ, и заниматься ею охотно, съ неослабною ревностію, съ тщательнымъ стараніемъ и безъ негодованія, какъ бы самъ Богъ назиралъ за нимъ, дабы всегда смѣло могъ сказать: *се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. 122, 2); а не долженъ опрометчиво браться то за ту, то за другую: поелику мы и по самой природѣ своей не можемъ вдругъ исполнять многихъ дѣлъ; да и гораздо полезнѣе совершить одно съ тщательностію, нежели принимаясь за многія, не окончить ни одного. Ибо кто развлекается многими дѣлами и перебѣгаетъ отъ одного къ другому; тотъ не только ничего не окончитъ, но еще обнаружитъ свое легкомысліе, или произведетъ въ себѣ оное, если его прежде не было. Впрочемъ, еслибъ иногда потребовала нужда, способный можетъ помогать и другимъ въ ихъ художествахъ,—только онъ долженъ дѣлать это не произвольно, а когда будетъ ему приказано, такъ чтобы

его помощь первоначально зависѣла не отъ собственнаго желанія его, а отъ обстоятельствъ, подобно тому, какъ это бываетъ съ членами тѣла, когда т. е. нога споткнувшись упадетъ на колѣно, то мы опираемся на руку. И здѣсь опять, сколь вредно самому по себѣ браться за многое, столь же предосудительно не исполнять того, что приказано; такое неповиновеніе должно быть строго обличаемо, дабы страсть гордыни не находила для себя пищи, и дабы правило послушанія и покорности не потеряло своей силы.

Что жъ касается до ремесленныхъ орудій, то пещись объ нихъ преимущественно должны художники, каждый о своемъ. Но если бы случилось, что какое нибудь изъ нихъ оставлено было въ небреженіи, то за нимъ, какъ за такимъ достояніемъ, которое принадлежитъ всѣмъ вообще, должны надлежащимъ образомъ присмотрѣть тѣ, кои прежде другихъ сіе замѣтятъ. Ибо хотя только нѣкоторые употребляютъ сіи орудія, но польза отъ нихъ бываетъ для

всѣхъ общая. Пренебрегать художества другихъ, какъ вовсе до насъ не касающіяся, значитъ показывать раздѣленіе. Впрочемъ и тѣ, кои занимаются художествами, не должны усвоять себѣ надъ орудіями такое право, по которому бы они могли не позволять Настоятелю братства пользоваться оными, какъ ему угодно, а сами бы имѣли власть продать, обмѣнить, или инымъ какимъ либо образомъ передать ихъ другому, или къ имѣющимся прикупить новыя. Ибо кто однажды рѣшился не имѣть власти даже надъ собственными своими руками, но предоставилъ другому распоряжаться ихъ дѣятельностію: слѣдуетъ ли тому имѣть полную власть надъ художническими орудіями, и въ отношеніи къ нимъ пользоваться правомъ господина?

Вопросъ XLII. Съ какою цѣлію, и съ какимъ расположеніемъ должно трудиться?

Отвѣтъ И то нужно знать, что мы должны трудиться не для того, чтобы посредствомъ работы удовлетворить

своимъ нуждамъ, но дабы исполнить заповѣдь Господа, глаголющаго: *взалкахся, и дасте ми ясти* и пр. (Матѳ. 25, 35). Ибо Господь вовсе запретилъ намъ заботиться о самихъ себѣ, говоря: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся: всѣхъ бо сихъ*, присовокупилъ Онъ, *языцы ищутъ* (Матѳ. 6, 25. 32). Посему каждый изъ насъ долженъ поставлять цѣлію трудовъ своихъ не удовлетвореніе собственнымъ своимъ нуждамъ, а вспоможеніе бѣднымъ, дабы съ одной стороны не подвергнуться осужденію за самолюбіе, а съ другой за свое человѣколюбіе получить отъ Господа благословеніе, поелику Онъ говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40). Притомъ никто не долженъ думать, будто сіе наше ученіе противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ Апостола: *да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ* (2 Сол. 3, 12), ибо онѣ относятся къ людямъ безпорядочнымъ и лѣнивымъ, и показываютъ толь-

ко то, что для каждаго лучше заботиться о своемъ пропитаніи, и не быть въ тягость другимъ, нежели провождать жизнь праздную. *Слышимъ*, говоритъ Апостолъ, *нѣкія безчинно ходящія у васъ, ничтоже дѣлающыя, но лукавно обходящыя. Таковыхъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ* (2 Сол. 3, 11. 12). Тоже значатъ и слѣдующія слова: *мы въ трудѣ и подвизѣ нощь и день* занимались, *да не отягчимъ никогоже отъ васъ* (ст. 8); хотя Апостолъ, движимый братолюбіемъ и желая пресѣчь безпорядки, подвергалъ себя трудамъ болѣе, нежели сколько отъ него требовалось. Посему кто стремится достигнуть высшей степени совершенства, тотъ долженъ трудиться ночь и день, дабы могъ оказывать пособіе имѣющему нужду въ ономъ (Ефес. 4, 28).

Съ другой стороны, кто надѣется на самаго себя, или на того, кто принялъ на себя попеченіе о нуждахъ братій; также кто думаетъ, что онъ отъ сво-

ей работы, или отъ работы своего собрата, можетъ получить достаточное для жизни содержаніе: тотъ долженъ опасаться, чтобъ за свое упованіе на человѣка не подвергнуться слѣдующему приговору: *проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка, и утвердитъ плоть мышцы своея на немъ, и отъ Господа отступитъ сердце его* (Іерем. 17, 5). Въ семъ мѣстѣ Писаніе, говоря: *иже надѣется на человѣка*, запрещаетъ возлагать упованіе на другаго; словами же: *утвердитъ плоть мышцы своея*, возбраняетъ надѣяться на самаго себя, а ту и другую надежду именуетъ отступленіемъ отъ Господа, и въ слѣдующемъ стихѣ возвѣщаетъ, какой будетъ конецъ сихъ надеждъ: *и будетъ яко дивія мирика въ пустыни, и не узритъ, егда пріидутъ благая* (ст. 6). Такимъ образомъ Писаніе показываетъ, что надѣяться на себя или на кого либо другаго, значитъ отступать отъ Господа.

VIII.

ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОРА СТУДИТА *)

Четыре главы.

I. Жизнь подвижническая не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ укрощеніи страстей, строгомъ наблюденіи за собою, непрестанной борьбѣ съ невидимыми врагами, и въ сохраненіи души отъ нечистыхъ помысловъ, насъ оскверняющихъ. Ибо отъ сихъ помысловъ, какъ огнь, возгарается пожеланіе. Но удаляясь стра-

---

*) Преподобный *Ѳеодоръ* родился въ Цареградѣ, и жилъ въ VIII вѣкѣ. По монастырю, коего основателемъ былъ нѣкто *Студій*, и въ коемъ Св. *Ѳеодоръ* начальствовалъ, онъ называется *Студійскимъ*. Во времена иконоборства онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ иконопочитанія, и претерпѣвъ многія страданія за сію ревность, заслужилъ славу *Исповѣдника*. Православная Церковь наша издавна имѣетъ великое уваженіе къ его писаніямъ. Память его празднуется 11 Ноября.

стей мы отразимъ отъ себя искусителя, при первомъ его нападеніи.

II. Намъ нужно имѣть всегдашнее бодрствованіе, вниманіе, и великую готовность сердца къ тому, чтобы обуздать умъ свой, дабы онъ не уносился къ предметамъ непозволеннымъ, не начертывалъ въ себѣ нечистыхъ образовъ, и не увлекался грѣховными пожеланіями, которыя не приносятъ намъ ни какой пользы, а напротивъ причиняютъ скорбь и мученіе, такъ что мы не въ состояніи бываемъ совершить ни одного полезнаго труда. Посему истинное спокойствіе и удовольствіе единственно состоитъ въ томъ, чтобъ очищать душу, и пещись объ умерщвленіи въ себѣ страстей.

III. Будемъ же стоять на поприщѣ нашемъ, всегда внимая гласу совѣсти. Не преклонимъ колѣнъ предъ Вааломъ, братія! Не попустимъ, чтобы возмущающіе насъ помыслы одержали побѣду надъ нами. Станемъ неослабно стараться угашать разженныя стрѣлы лукаваго слезами, бдительностію надъ собою, мо-

литвою, сокрушеніемъ, и другими изнуреніями плоти. Ибо *супостатъ* нашъ, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), кого уловить и сдѣлать своею добычею—отчасти, или всецѣло. Уловивъ отчасти, онъ не довольствуется симъ, но всегда стремится къ дальнѣйшему злу, доколѣ не предастъ добычу свою грѣховной смерти. Сперва на пр. онъ усиливается расположить насъ къ тому, чтобы мы допустили его къ себѣ; потомъ влагаетъ въ сердце какой либо злой совѣтъ; обольстивъ и отравивъ чрезъ это душу, онъ выводитъ ее изъ естественнаго состоянія, и дѣлаетъ ее безумною, несмысленною и слѣпою, желающею того, чего не должно. Почему мы всякимъ храненіемъ должны блюсти сердце свое, не давая мѣста діаволу, и отражая тотчасъ его нападеніе. Когда же мы не выдержимъ сего нападенія; то, по крайней мѣрѣ, не дозволимъ себѣ обольщаться злыми его совѣтами. Но если и въ семъ случаѣ мы потерпимъ пораженіе; то да не останемся долго въ такомъ состояніи, дабы

не быть намъ увлеченными и низринутыми въ самую пропасть грѣха. А сему бѣдствію мы подвергаемся отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, и отъ воспоминаній о прежней своей жизни. Станемъ же удаляться сихъ предразсудковъ и юношескихъ воспоминаній. Ибо представлять себѣ давно-бывшее, что иное значитъ, какъ не обращаться сердцемъ въ Египетъ? – Отъ сего надлежитъ намъ оберегать внутренняго человѣка.

IV. Итакъ будемъ сражаться, укрѣпляясь всѣми силами, и державною крѣпостію Духа, дабы, по слову Писанія, могли мы, *низлагать помышленія, и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 4. 5). И это надлежитъ дѣлать непрестанно. Ибо война сія не такова, чтобы можно было сказать: мы побѣдили! Сіе мученичество возобновляется всякой день, и разнообразится всякаго рода страданіями. И кто, будучи всегда порываемъ помыслами, не препобѣждается ими, не преклоняетъ колѣнъ предъ Вааломъ, но со ревеніемъ и мужествомъ противоборствуетъ стра-

стямъ, и одолѣваетъ ихъ: тотъ есть каждодневный мученикъ, и можетъ говорить съ Апостоломъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). При концѣ же подвиговъ, онъ силенъ будетъ съ дерзновеніемъ сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (1 Тим. 4, 7. 8).

IX.

ОТРЫВОКЪ
ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ ЕВСЕВІЯ, ЕПИСКОПА ПАЛЕСТИНСКОЙ КЕСАРІИ.

Исторія объ Едесскомъ владѣльцѣ. (Книг. 1. гл. 13).

Божественность Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, чрезъ чудодѣйственную силу Его, содѣлавшись извѣстною между всѣми людьми, привлекала къ Нему изъ отдаленнѣйшихъ отъ Іудеи мѣстъ великое множество больныхъ и страждущихъ, кои надѣялись получить отъ Него исцѣленіе. Почему и Авгарь, царствовавшій со славою надъ народами, жившими за Евфратомъ, будучи изнуряемъ болѣзнію тяжкою и неизлѣчимою человѣческими пособіями, какъ скоро услышалъ имя Іисуса Христа, о чудотвореніяхъ коего всѣ согласно свидѣ-

тельствовали, послалъ къ Нему съ скороходцемъ письмо, въ которомъ просилъ Его о исцѣленіи себя отъ болѣзни. Хотя Іисусъ Христосъ и не согласился на его приглашеніе, впрочемъ удостоилъ его собственнаго письма, обѣщая въ ономъ, для исцѣленія его отъ болѣзни, прислать одного изъ своихъ учениковъ, который и ему самому и всѣмъ ближнимъ его подастъ спасеніе. Не много спустя, сіе обѣщаніе дѣйствительно было исполнено. Ибо по воскресеніи Христа изъ мертвыхъ, и по вознесеніи Его на небо, Ѳома, одинъ изъ 12-ти Апостоловъ, по Божію повелѣнію, послалъ въ Едессъ, для проповѣди и благовѣстія, Ѳаддея, одного изъ числа 70-ти учениковъ Христовыхъ, который совершилъ тамъ все то, что обѣщалъ Спаситель. Письменное свидѣтельство о семъ событіи находится въ архивѣ города Едесса, который былъ тогда столицею. Ибо оно и донынѣ сохранилось въ публичныхъ запискахъ, содержащихъ въ себѣ древности и дѣла Авгаря. Весьма любопытно прочитать самыя письма, которыя, получив-

ши изъ архива, я перевелъ съ Сирскаго языка такимъ образомъ:

Списокъ съ письма, писаннаго Владѣльцемъ Авгаремъ къ Іисусу, и посланнаго къ Нему въ Іерусалимъ съ скороходцемъ Ананіею.

„Авгарь, Едесскій Владѣлецъ, Іисусу „доброму Спасителю, явившемуся въ „странѣ Іерусалимской, здравія желаетъ. „Я слышалъ о Тебѣ, и о Твоихъ исцѣ-„леніяхъ, что Ты совершаешь ихъ безъ „всякихъ лѣкарствъ и травъ. Говорятъ, „на примѣръ, что Ты слѣпымъ даешь „зрѣніе, хромымъ хожденіе, очищаешь „прокаженныхъ, изгоняешь нечистыхъ „духовъ и демоновъ, исцѣляешь страж-„дущихъ застарѣлыми болѣзнями, и во-„скрешаешь мертвыхъ. Услышавъ о Тебѣ „все сіе, я положилъ въ мысли своей од-„но изъ двухъ: или Ты Богъ, снисшед-„шій съ неба творить таковыя дѣла; „или Ты Сынъ Божій, и потому совер-„шаешь сіи чудеса. Итакъ прошу тебя „симъ письмомъ потрудиться притти „ко мнѣ, и исцѣлить мою болѣзнь. Я „также слышалъ, что Іудеи поносятъ

„Тебя, и хотятъ Тебѣ причинить зло, „но у меня городъ хотя очень не ве- „ликъ, но благоустроенъ и достаточенъ „для обоихъ насъ.“ —

Такъ писалъ Авгарь, когда еще свѣтъ Божественный весьма не много осіялъ его. Достойно также вниманія и письмо Іисуса, посланное къ Авгарю чрезъ того же скороходца, которое хотя кратко, но исполнено силы. Оно есть слѣдующее:

Списокъ съ письма, писаннаго Іисусомъ къ Владѣльцу Авгарю, и посланнаго съ Ананіею скороходцемъ.

„Блаженъ ты, Авгарь, увѣровавшій „въ Меня, не видѣвши Меня. Ибо писано „о Мнѣ, что видѣвшіе Меня не увѣру- „ютъ въ Меня, дабы не видѣвшіе увѣро- „вали и были живы. Ты писалъ ко Мнѣ, „чтобы Я пришелъ къ тебѣ; но Мнѣ над- „лежитъ совершить здѣсь все, для чего „Я посланъ, и совершивши возвратиться „къ Пославшему Меня. Когда же Я возвра- „щусь къ Нему, то пошлю къ тебѣ од- „ного изъ Моихъ учениковъ, который из- „цѣлитъ твою болѣзнь, и даруетъ жизнь „тебѣ и другимъ вмѣстѣ съ тобою.“—

Къ симъ письмамъ сдѣлано на Сирскомъ языкѣ еще слѣдующее прибавленіе:

„По вознесеніи Іисуса Іуда, который еще назывался Ѳома, послалъ къ Авгарю Ѳаддея, одного изъ 70-ти Апостоловъ. Пришедши онъ остановился у Товіи, сына Товіева. Но какъ скоро разнесся о немъ слухъ, и сдѣлались извѣстными чудеса, имъ совершаемыя, донесено было Авгарю, что пришелъ Апостолъ Іисуса, о коемъ сей писалъ къ тебѣ въ письмѣ. Между тѣмъ Ѳаддей силою Божіею исцѣлялъ всякую болѣзнь и немощь, къ общему всѣхъ удивленію. Авгарь же услышавъ, сколь великія и славныя творилъ онъ дѣла, и какія совершалъ исцѣленія именемъ и силою Іисуса Христа, пришелъ въ сомнѣніе, точно ли это тотъ самый (посланникъ), о которомъ писалъ къ нему Іисусъ: „когда Я возвращусь, пошлю къ тебѣ одного изъ Моихъ учениковъ, который исцѣлитъ твою болѣзнь.“ Посему Авгарь, призвавъ къ себѣ Товію, у котораго жилъ Ѳаддей, сказалъ ему: „я слышалъ, что какой-то сильный человѣкъ пришелъ изъ Іерусалима, живетъ

въ твоемъ домѣ, и именемъ Іисуса совершаетъ многія исцѣленія.“ Такъ точно, Государь, отвѣчалъ ему Товія, какой-то чужестранецъ пришедши остановился у меня, и производитъ многія чудеса. Приведи же его ко мнѣ, сказалъ Авгарь. Товія пришедъ къ Ѳаддею, сказалъ ему: Владѣлецъ Авгарь призывалъ меня, и приказалъ мнѣ привесть тебя къ нему, дабы ты исцѣлилъ болѣзнь его. Пойдемъ, отвѣчалъ ему Ѳаддей; ибо я къ нему и посланъ. И вотъ Товія на другой день утромъ, взявши съ собою Ѳаддея, пошелъ къ Авгарю. И лишь только они пришли и явились къ нему, то Авгарь, который былъ въ это время окруженъ вельможами, тотчасъ узрѣлъ на лицѣ Апостола столь чудное видѣніе, что узрѣвши оное повергся предъ Ѳаддеемъ. Этотъ поступокъ привелъ въ удивленіе всѣхъ присутствовавшихъ; ибо они сами не зрѣли видѣнія, которое представилось одному Авгарю. Тогда Авгарь спросилъ Ѳаддея: точно ли ты ученикъ Іисуса Сына Божія, Который писалъ ко мнѣ: „пошлю къ тебѣ одного изъ Моихъ

учениковъ, который исцѣлитъ твою болѣзнь, и доставитъ жизнь тебѣ и всѣмъ другимъ съ тобою?“ Ѳаддей отвѣчалъ: поелику ты имѣлъ великую вѣру въ пославшаго меня Господа Іисуса; то я и посланъ къ тебѣ. И если въ послѣдствіи еще болѣе будешь имѣть вѣры въ Него, то по мѣрѣ вѣры будутъ исполняться желанія твоего сердца. Авгарь отвѣчалъ ему: „я такую въ Него имѣю вѣру, что Іудеевъ, распявшихъ Его, желалъ бы завоевать и истребить всѣхъ, если бы страхъ Римской Имперіи не удерживалъ меня отъ сего предпріятія.“ На сіе Ѳаддей сказалъ: Господь нашъ и Богъ Іисусъ Христосъ исполнилъ волю своего Отца, и исполнивши вознесся къ Отцу своему. Авгарь же отвѣчалъ: „я вѣрую въ Него и въ Отца Его.“ Посему-то, сказалъ ему Ѳаддей, я и возлагаю на тебя руку мою о имени сего Господа Іисуса. И какъ скоро сіе сдѣлалъ, Авгарь тотчасъ изцѣлился отъ болѣзни и страданія, которыя онъ претерпѣвалъ. Авгарь удивился тому, что все слышанное имъ объ Іисусѣ подтвердилъ на самомъ дѣлѣ уче-

никъ Его и Апостолъ Ѳаддей, который, безъ всякихъ лѣкарствъ и травъ, исцѣлилъ его; да не его только, но и Авду, сына Авдова, страдавшаго подагрою. Сей подошелъ къ Ѳаддею, повергся къ его ногамъ, и получивъ отъ руки его благословеніе, выздоровѣлъ. Много и другихъ исцѣлилъ Апостолъ въ семъ городѣ, совершая въ немъ великія чудеса и проповѣдывая слово Божіе. Послѣ сего Авгарь сказалъ Ѳаддею: „воистину, Ѳаддей, силою Божіею ты сіе творишь, и мы тебѣ удивляемся. Но еще прошу тебя, скажи мнѣ о пришествіи Іисуса, какъ оно случилось, о могуществѣ Его, и какою силою производилъ Онъ все то, о чемъ мы слышали." Ѳаддей отвѣчалъ: теперь я умолчу, ибо посланъ возвѣстить о семъ всенародно. Завтра ты собери ко мнѣ всѣхъ своихъ гражданъ, и я возвѣщу имъ Слово Божіе, и посѣю въ нихъ слово жизни, т. е. слово о пришествіи Іисуса, какъ оно случилось; о посольствѣ Его отъ Отца и о причинѣ онаго; о важности Его дѣлъ и таинствъ, которыя Онъ изглаголалъ людямъ, и ка-

кою силою Онъ сіе творилъ; о новомъ Его ученіи; о умаленіи и уничиженіи Его; о томъ, какъ Онъ смирилъ Себя, сдѣлавшись человѣкомъ, и какъ смиривъ себя умеръ, и уничижилъ свое Божество; что претерпѣлъ отъ Іудеевъ, какъ былъ распятъ, снизшелъ во адъ и расторгнулъ преграду отъ вѣка нерасторгаемую; какъ воскресъ Онъ, и воскресилъ съ собою мертвыхъ, умершихъ отъ вѣка; какъ снисшелъ одинъ, и вознесся со многими къ Отцу своему, и какъ сѣдитъ одесную Бога и Отца со славою на небесахъ, и какъ опять пріидетъ со славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ. Посему Авгарь приказалъ на слѣдующее утро собрать своихъ подданныхъ для слушанія проповѣди Ѳаддеевой. Послѣ же сего онъ велѣлъ дать ему золота и серебра; но Ѳаддей не принялъ, сказавъ: если мы отказались отъ своего, то какъ возмемъ чужое?—Сіе происходило въ 340 году" *).

*) Изыскатели древностей находятъ, что означенный годъ, по эрѣ Селевка, отъ которой Едессяне вели свое лѣтосчисленіе, точно со-

Сей переводъ, сдѣланный съ Сирскаго языка, я нашелъ приличнымъ помѣстить здѣсь, какъ полезный для чтенія.

отвѣтствуетъ изложеннымъ въ сей Исторіи событіямъ (Hist. Eccl. monum. Olshavsen par. 1. cap. 1. p. 10).

X.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ ГЕОРГІЯ КЕДРИНА.

О нерукотворенномъ образѣ Іисуса Христа.

[Кн. 1. стр. 175].

Во время земной жизни Христа, истиннаго Бога нашего, былъ нѣкто Владѣлецъ города Едессы, по имени Авгарь. Когда слухъ о чудесахъ Христа, Бога нашего, распространялся всюду: то и сей Владѣлецъ, услышавъ объ нихъ, такимъ пораженъ былъ удивленіемъ, что возжелалъ видѣть Христа. Но будучи одержимъ неизцѣлимою болѣзнію, онъ не могъ удовлетворить своему желанію. И такъ онъ написалъ къ Нему письмо, и отправилъ его съ скороходцемъ своимъ Ананіею, который былъ свѣдущъ въ искуствѣ живописи. Авгарь приказалъ ему изобразить на дскѣ ликъ Христовъ.

Письмо же Авгаря отъ слова до слова таково: *).

Посланный скороходецъ, пришедши въ Іерусалимъ, вручилъ письмо Господу, и со вниманіемъ началъ разсматривать лице Его. Поелику же, отъ множества стекшихся людей, онъ не могъ находиться вблизи Іисуса; то и сталъ на камнѣ, который нѣсколько возвышался надъ поверхностію земли. Съ сего-то мѣста онъ устремилъ взоръ свой на Христа, держа въ рукѣ хартію, на которой хотѣлъ начертать изображеніе лица Господня. Но всѣ усилія его были тщетны, потому что Господь непрестанно обращался лицемъ своимъ то въ ту, то въ другую сторону. Между тѣмъ Господь, вѣдущій сокровенныя помышленія сердецъ, уразумѣвъ желаніе Ананіи, призвалъ его къ Себѣ; потребовалъ воды, чтобъ умыться, и потомъ, умывшись, взялъ вчетверо сложенный платъ, коимъ и отеръ пречистое и Божественное лице

*) Здѣсь *Кедринъ* излагаетъ то самое письмо Авгаря къ Іисусу Христу, которое содержится въ предъидущемъ отрывкѣ изъ Исторіи Евсевія.

свое. И вдругъ, — какое чудо! — на семъ платѣ изобразилось подобіе лица Его. Господь отдалъ платъ сей Ананіи, и сказалъ: „иди и вручи сіе тому, кто послалъ тебя." Съ нимъ же послалъ Господь и письмо къ Авгарю слѣдующаго содержанія: *). Въ концѣ письма онъ положилъ печать, на которой изображались семь Еврейскихъ буквъ, коихъ смыслъ такой: *Божіе видѣніе Божественное чудо.*

Владѣлецъ Авгарь съ радостію встрѣтилъ Ананію, и падши на землю, съ вѣрою и великимъ благоговѣніемъ поклонился святому и пречистому Образу Господа, и тотчасъ исцѣлился отъ болѣзней своихъ, такъ что малые только слѣды ихъ остались на лицѣ его. Ибо Авгарь одержимъ былъ двумя недугами, именно, застарѣлою болѣзнію членовъ, и еще черною проказою, которая, измождивъ все тѣло его, такъ обезобразила лице, что отъ стыда едва онъ могъ показываться людямъ.

*) Здѣсь помѣщено у *Кедрина* письмо Іисуса Христа къ Авгарю, которое также предложено въ предъидущемъ отрывкѣ.

После страданія и вознесенія Христова, Апостолъ Θаддей пришелъ въ Едессу, привелъ Авгаря къ купѣли, и крестилъ его, со всѣми бывшими при немъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. По крещеніи Авгарь вышелъ изъ воды чистъ и здравъ, такъ что совершенно изгладились и тѣ малые слѣды проказы, которые доселѣ оставались на лицѣ его. Съ сихъ поръ онъ сталъ воздавать совершенное почитаніе и поклоненіе достопочтимому Образу лица Господня; и къ прочимъ добрымъ дѣламъ своимъ присовокупилъ еще слѣдующее. Въ Едессѣ издавна поставлено было надъ градскими вратами изображеніе какого-то Еллинскаго божества, коему всякъ, кто хотѣлъ войти въ городъ, долженъ былъ прежде поклониться и принесть молитву, и потомъ уже итти въ городъ. Сіе мерское и демонское изображеніе Авгарь, снявши съ воротъ, совершенно истребилъ, и на мѣсто его поставилъ нерукотворенный Образъ Спасителя нашего и Бога, украсивъ и прикрѣпивъ его къ доскѣ, съ такою надписью: „Христе Бо-

же! надѣющійся на Тебя не постыдится!“—Послѣ сего Авгарь постановилъ законъ, чтобы всякой, кто будетъ входить въ городъ чрезъ сіи врата, воздалъ прежде достодолжное почитаніе и поклоненіе дивному и чудотворному Образу Христову, и потомъ уже входилъ бы въ городъ. Сіе благочестивое постановленіе соблюдаемо было до самой смерти Авгаря и его сына. Но внукъ его, вступивъ на отеческій престолъ, отвергся благочестія и обратился къ идоламъ. Онъ опять захотѣлъ поставить надъ вратами идольское изображеніе, и снять оттуда Образъ Христовъ. Но Епископъ Едесскій, узнавъ о семъ по откровенію Божію, употребилъ всѣ возможныя мѣры къ сохраненію святаго Образа. Поелику мѣсто, гдѣ стоялъ сей Образъ, имѣло видъ цилиндра: то Епископъ сперва возжегъ и поставилъ предъ иконою свѣтильникъ, потомъ закрылъ оную скудельною дскою, а остальную впадину такъ заложилъ кирпичемъ и известью, что мѣсто сдѣлалось ровнымъ съ прочею поверхностію стѣны. Такимъ образомъ

нечестивецъ, не видя болѣе ненавистнаго ему Образа, оставилъ свое намѣренiе. Много послѣ сего протекло времени, и изъ памяти людей вышло, гдѣ сокрытъ былъ сей святый Образъ.

Когда же Хозрой, Царь Персидскiй, завоевавъ и опустошивъ многiе Азiйскiе города, осадилъ со всѣхъ сторонъ Едессу, и употребилъ всѣ средства къ покоренiю сего города, именно, metалъ во внутренность его стрѣлы, дѣлалъ въ стѣнахъ проломы, пробивалъ ворота: то страхъ и ужасъ обьялъ жителей города. Въ столь бѣдственномъ и отчаянномъ положенiи, они прибѣгли къ Богу, взыскали Его съ сердечною скорбiю и слезами, и обрѣли искомаго. Ибо *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. 144, 18), по слову Божественнаго Давида. Въ одну ночь Епископу Евлалiю является нѣкая жена красоты и вида превосходнѣе человѣческаго, и даетъ ему такое наставленiе: „надъ городскими вратами, въ такомъ—то мѣстѣ и такимъ—то способомъ, сокрытъ честный Образъ Христовъ; отыщи и

возьми его; съ нимъ всѣ твои предпрія-тія будутъ благоуспѣшны."—Епископъ, исполненный неизреченной радости, о-тыскалъ мѣсто, раскрылъ оное, и—какое чудо!—нашелъ тамъ Божественную Ико-ну, не поврежденною во всѣхъ чертахъ ея, и свѣтильникъ не угасшій въ теченіи столь долгаго времени, а на скудельной дскѣ, которая находилась предъ свѣтиль-никомъ для сохраненія Образа, увидѣлъ онъ другое, совершенно точное изобра-женіе первообраза. Съ безмѣрною радо-стію Епископъ взялъ Образъ, и совер-шивъ предъ нимъ молитву и благодаре-ніе, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Персы сдѣлали подкопы. Пришедши туда, онъ вылилъ елей изъ свѣтильника въ разло-женный Персами огонь, который и исте-бил ъ всѣхъ ихъ до одного. Поелику же Персы, для большаго вреда жителямъ города, и отвнѣ разложили костеръ, ко-торый сильно пылалъ отъ множества сгараемаго вещества: то, когда и къ се-му огню приблизился Епископъ, вдругъ поднялся бурный вѣтръ, устремилъ пла-мень на тѣхъ, которые зажгли его, и

опаляя ихъ, прогналъ отъ города. Поелику это не разъ, но многократно случалось съ Персами: то они, болѣе пострадавъ сами, нежели повредивъ Едессѣ, съ величайшимъ стыдомъ отступили отъ ней, не исполнивши своего предпріятія.

Поелику въ царствующій градъ отвсюду собиралось все святое и прекрасное, и какъ Господу благоугодно было, чтобы тамъ, вмѣстѣ съ прочими сокровищами, сохранялась и сія святая и Божественная Икона: то Императоръ Римскій Романъ Лакапенъ возъимѣлъ усердіе пріобрѣсть сію Икону, и обогатить ею царствующій градъ. Для сего отправлялъ онъ въ разныя времена пословъ въ Едессу, но безъ успѣха. Каждый разъ онъ умножалъ предлагаемое вознагражденіе, но Владѣльцы Едессы не переставали упорствовать въ отказѣ. Наконецъ Римскій Царь, горя желаніемъ получить сіе сокровище, согласился удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ, послалъ имъ въ даръ 200 Сарациновъ, 12 тысячь чистаго серебра, и золо-

шою своею печатію утвердилъ обѣщаніе, что Римскія войска никогда не будутъ ни враждебно нападать на четыре ихъ города, ни опустошать оныхъ. Послѣ сего они склонились на требованіе Царя, и желаніе его исполнилось. Тогда—то, съ дозволенія Амеры, Епископы Самосатскій и Едесскій, и нѣкоторые другіе благочестивые мужи, взяли святую Икону, а также и письмо, писанное Христомъ, и отправились въ путь. И тутъ совершилось множество чудесъ. Ибо когда Икона принесена была въ храмъ Богоматери, называемый Евсевіевъ, и находящійся въ вельможеской улицѣ; то многіе, съ вѣрою припекавшіе къ оной, получили исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней. Туда же пришелъ однажды бѣсноватый, и какъ бы по вдохновенію, произнесъ сіи слова: „пріими, градъ Константина, славу и веселіе; а ты, Порфирородный, царство твое!“—и послѣ сихъ словъ тотчасъ получилъ исцѣленіе. Въ 15 день Августа 6452 года отъ созданія міра, несшіе святую Икону перешли съ нею въ Церковь Пресвятыя

Богородицы, что въ Влахернахъ. Здѣсь срѣтили оную съ благоговѣніемъ и радостію, и воздали ей поклоненіе Цари, вельможи и весь народъ. На другой день Архіерей Ѳеофилактъ и юные Цари (отецъ ихъ по немощи оставался дома), воздавъ Иконѣ Христовой славословіе и поклоненіе, подняли ее на рамена свои, и въ сопровожденіи всѣхъ Членовъ Сената, и всего Церковнаго Собора, донесли ее, съ подобающимъ торжествомъ, до златыхъ вратъ. Отсюда, въ такомъ же порядкѣ, со славословіемъ и псалмопѣніемъ понесли ее въ преславный и величественный храмъ Святой Софіи. Потомъ взошли они къ Царю, и въ храмѣ Богородицы, называемомъ Фаро, поставили честный и святый Образъ Господа нашего Іисуса Христа, сію крѣпкую защиту царствующаго града и всѣхъ Христіанъ.—

XI.

О БЛАГОТВОРНЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ РОДѢ.

Азъ есмь свѣтъ міру. Іоан. 8, 12.

Какой смертный могъ безъ тщеславія произнесть сіи слова? Кто изъ людей имѣлъ право такъ свидѣтельствовать о самомъ себѣ, и возвышать голосъ свой среди народовъ, въ услышаніе всей земли? Прежде Меня являлись мудрецы, отличавшіеся своею образованностію, блескомъ своего генія, которые научали людей полезнымъ истинамъ; но ихъ умъ не былъ свободенъ отъ заблужденій: Я одинъ обладаю совершенствомъ и полнотою истиннаго знанія; *Азъ есмь свѣтъ міру!*—Прежде Меня друзья человѣчества, искусные законодатели трудились надъ просвѣщеніемъ народовъ, надъ образованіемъ ихъ нра-

вовъ; но усилія ихъ были слабы и ограничены: Я пришелъ разсѣять мракъ сердецъ человѣческихъ, и положивъ въ нихъ сѣмена новой жизни, оплодотворить ихъ животворною теплотою Моихъ лучей; *Азъ есмь свѣтъ міру!*

Напрасно мы будемъ искать сего необыкновеннаго лица въ Портикахъ и Лицеяхъ, между мудрецами Аѳинъ и Рима; языческая древность его не видала. Въ самомъ Богоизбранномъ народѣ, дивные мужи Вѣтхозавѣтныхъ временъ блистали свѣтомъ, подобнымъ токмо сіянію утренней зари, предвѣщавшей радостотворный восходъ Солнца, которое долженствовало всюду разлить лучезарную свѣтлость.

Такъ, отъ начала міра до нашихъ дней было одно только лице, которое безъ тщеславія могло назвать себя *свѣтомъ*, для всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ. Это лице, единственное въ лѣтописяхъ міра, есть тотъ Мессія, Котораго ожидали чада Іакова, Котораго Пророки нарекли чаяніемъ языковъ;–это тотъ Миротворецъ неба и земли, Который

пришелъ облаженствовать человѣческій родъ; — это Божественный Основатель святой нашей вѣры Іисусъ Христосъ! —

Кто хочетъ видѣть дѣйствіе Божественнаго свѣта, открывшагося въ лицѣ Іисуса; тотъ долженъ понять, какое счастіе родилось въ мірѣ, когда онъ озарился лучами сего свѣта. Посему мы постараемся здѣсь изложить то, чѣмъ обязано человѣчество Христіанской Религіи, доказывая это самыми благами, которыхъ она сдѣлалась для насъ источникомъ.

Теперь, когда мы, наученные Евангеліемъ, имѣемъ столь высокія и чистыя понятія о Богѣ и Его провидѣніи, о порокѣ и добродѣтели, о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни, о нашихъ обязанностяхъ къ Творцу, къ самимъ себѣ и другимъ людямъ; теперь, когда самыя возвышенныя и спасительныя истины сдѣлались столь общими и понятными, что предлагаются дѣтямъ въ самомъ юномъ ихъ возрастѣ, бываютъ достояніемъ всѣхъ нашихъ семействъ, и мы владѣемъ ими какъ бы по наслѣд-

ству; — теперь едва можемъ мы представить себѣ ту бездну мрака и золъ, въ которую погруженъ былъ родъ человѣческій до пришествія Іисуса Христа на землю. По сей причинѣ, многіе изъ насъ готовы думать, что народы во всѣ времена были столь же образованы, наслаждались такимъ же благоденствіемъ, какъ и нынѣ; ибо привыкнувъ пользоваться благодѣяніями Христіанства, мы взираемъ на оныя, какъ на нѣчто обыкновенное, и не чувствуемъ всей ихъ цѣны и важности. Между тѣмъ лѣтописи священной и гражданской Исторіи согласно свидѣтельствуютъ, что въ тѣ отдаленныя времена, которыя предшествовали рожденію Христіанства, родъ человѣческій носилъ на себѣ узы самаго грубаго невѣжества, и провидѣніе, можетъ быть, для того и сохранило на развалинахъ царствъ столько языческихъ памятниковъ Греціи и Рима, дабы увѣковѣчить заблужденія человѣка, оставленнаго самому себѣ.

За долго до нашихъ дней одинъ только Іудейскій народъ почиталъ истинна-

го Бога: но поелику сей народъ былъ въ неизвѣстности и презрѣніи, то свѣтъ, озарявшій его, уподоблялся слабому, едва замѣтному сіянію среди полунощнаго мрака; весь остальной міръ былъ идолопоклонникомъ. Въ то время человѣкъ, водимый чувственностію, останавливался на видимомъ, и воздавалъ тварямъ такое почитаніе, которое онъ долженъ былъ оказывать единому Творцу ихъ. Тогда человѣкъ унижался до поклоненія пресмыкающимся по землѣ животнымъ, снѣдающимъ полевую траву, и даже самымъ растеніямъ. Простирая далѣе свое безуміе, онъ трепеталъ предъ деревомъ или камнемъ, кои самъ же обработывалъ; ибо вѣрилъ, что боги и богини, могущіе оказывать ему добро или зло, обитаютъ въ статуяхъ, въ животныхъ и растеніяхъ. Короче, тогда вся земля была храмомъ идоловъ,—и человѣкъ имѣлъ столь грубое понятіе о Богѣ, его сотворившемъ, что мыслилъ, будто онъ самъ можетъ дѣлать боговъ!! —

Напрасно будемъ мы думать, что народы болѣе образованные имѣли въ семъ отно-

шеніи нѣкоторое преимущество предъ варварами. Къ стыду ума человѣческаго, надобно сознаться, что ни мудрость и столь превозносимые законы Египта, ни утонченная образованность Грековъ, ни политика и важность Римлянъ, не избѣгли всеобщей заразы: ужасное суевѣріе овладѣло всѣми людьми, и всѣхъ увлекло въ мрачное свое царство. Персіянинъ обожалъ звѣзду, блиставшую надъ его головою; Египтянинъ покланялся Апису, Дельфы Аполлону, Ефесъ Діанѣ, Римъ Юпитеру. Въ вѣкъ вкуса, при множествѣ геніевъ, среди блеска просвѣщенія, воздвигнутъ былъ во всемірной столицѣ тотъ славный храмъ всесвѣтныхъ боговъ, который еще и нынѣ существуетъ въ Римѣ, и въ которомъ поставленъ теперь Крестъ, какъ знаменіе Христовой побѣды надъ идолами всѣхъ народовъ.

Еще бы можно было хотя нѣсколько извинить многобожіе, если бы почитаніе идоловъ дѣлало человѣка лучшимъ; если бы совершеніе языческихъ таинствъ и отправленіе празднествъ пробуждало

въ душѣ идолочтителя драгоцѣнное чувствованіе человѣколюбія и добродѣтели; если бы люди выходили изъ кумирни съ добрыми нравами, и искреннею любовію къ своимъ обязанностямъ. Но сердце, омраченное страстями, населило Олимпъ богами безчестными и лютыми, которыхъ часто чтили однѣми только дѣлами безчеловѣчія и разврата. Что это за боги, какъ напр. похотливый Юпитеръ, кровожадный Марсъ, распутный Бахусъ, преступная Венера?! И однакожъ Поэты не стыдились прославлять ихъ ссоры, сладострастіе, и неистовство ихъ ревности!.. Вакханаліи, Сатурналіи, Луперкаліи, игры въ циркахъ и на театрахъ, что иное представляли, какъ не крайнюю степень распутства и жестокостей, совершаемыхъ въ честь боговъ? И кто отважится разсказывать о томъ, что дѣлалось въ храмахъ Юноны, Адониса, Пріапа, Цибелы, на праздникахъ Флоры, которыхъ не смѣли отправлять предъ строгимъ Катономъ? Я не хочу осквернять свой языкъ, и оскорблять

слухъ вашъ повѣствованіемъ о сихъ чудовищныхъ заблужденіяхъ.

Познаніе о Богѣ, Творцѣ всѣхъ вещей, о Его провидѣніи, управляющемъ судьбою человѣковъ, о будущей жизни съ ея наградами и наказаніями, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе распространено было между языческими народами. Это мы говоримъ на томъ основаніи, что сіи драгоцѣнныя истины самою природою насаждены въ сердцѣ каждаго человѣка, и притомъ ихъ можно находить въ священныхъ языческихъ гимнахъ, въ пѣснопѣніяхъ Поэтовъ, въ писаніяхъ мудрецовъ, въ постановленіяхъ законодателей. Но сіи истины, помраченныя всякаго рода суевѣріемъ, бросали отъ себя только слабый свѣтъ, и не имѣли власти надъ сердцемъ и жизнію человѣка; онѣ не обуздывали мятежныхъ страстей, и не служили опорою добродѣтели: ибо въ мірѣ языческомъ всякая страсть была покровительствуема какимъ либо богомъ, и имѣла свои олтари! Люди восхищались тѣмъ, что сама Религія защищаетъ ихъ слабости; и чѣмъ они свободнѣе могли

утопать въ безднѣ всякихъ пороковъ, тѣмъ охотнѣе погружались во тьму идолопоклонства.

Кто же могъ разсѣять столь глубокій мракъ? Откуда надобно было ожидать свѣта для просвѣщенія народовъ, преданныхъ идолопоклонству? Можно ли было ожидать его отъ ученыхъ мудрецовъ, политиковъ? Оставляя сухія изслѣдованія, укажемъ на опытъ. Много протекло вѣковъ до рожденія Христіанства; между многими народами являлись люди необыкновенные по своимъ талантамъ, познаніямъ и открытіямъ. Греція имѣла у себя Гомеровъ, Солоновъ, Ликурговъ, Платоновъ, Димосѳеновъ; Римъ былъ отечествомъ Нумовъ, Сципіоновъ, Катоновъ, Варроновъ, Цицероновъ, Виргиліевъ. Но явленіе сихъ мужей не положило преграды разливавшемуся потоку зла; суевѣріе и пороки съ часу на часъ болѣе усиливались и разпространялись, и языческая мудрость ничего не сдѣлала въ пользу истиннаго Боговѣденія и добродѣтели. Она не сообщила людямъ ни какихъ новыхъ позна-

ній касательно предметовъ Религіи, не доставила истиннаго улучшенія правиламъ нравственности, и не произвела спасительнаго преобразованія въ нравахъ общественныхъ и частныхъ. Люди всё оставались идолопоклонниками, и не сдѣлались ни просвѣщеннѣе, ни добрѣе, ни счастливѣе.

Такъ, человѣческій родъ осужденъ былъ коснѣть въ невѣжествѣ, въ суевѣріи и порокахъ, когда у него не было инаго средства къ прекращенію золъ, кромѣ уроковъ философіи и мудрости человѣческой. Извѣстно, что ни одна древняя языческая школа не обладала вполнѣ истиною, и что всѣ онѣ поставляли долгомъ уважать, хотя по наружности, установленные обряды и народныя суевѣрія. Да и какой бы Философъ захотѣлъ покуситься сдѣлать преобразованіе въ Религіи, въ правахъ и народныхъ обычаяхъ, когда это покушеніе неминуемо соединялось съ пожертвованіемъ спокойствія и даже самой жизни? Нѣтъ, для сего потребенъ былъ мужъ гораздо мудрѣйшій и добродѣтельнѣйшій, нежели всѣ

величайшіе геніи Рима и Аѳинъ, который бы имѣлъ столько власти надъ умами и сердцами людей, что могъ бы восторжествовать надъ ихъ заблужденіями и пороками, могъ бы заставить ихъ болѣе всего уважать истину, и исполнять самыя строгія правила нравственности изъ одной любви къ добродѣтели. Такой необыкновенный, божественный мужъ, въ которомъ чувствовалъ нужду величайшій изъ Философовъ *), долженствовалъ низойти съ неба; ибо земля не могла дать его людямъ.

Наконецъ является Іисусъ Христосъ, и хаосъ нравственнаго міра получаетъ устройство. Онъ Самъ проповѣдуетъ Евангеліе въ Іудеѣ, собираетъ около себя не большое число учениковъ, просвѣщаетъ ихъ невѣденіе, и съ безпредѣльною благостію сноситъ ихъ недостатки. *Шедше, научите вся языки* (Матѳ. 28, 19), говоритъ Онъ имъ,—и послуш-

*) Платонъ, который въ своемъ *Епиномидѣ* говоритъ: *никто не можетъ научить благочестію, если самъ Богъ не сдѣлается руководителемъ и наставникомъ.*

ные гласу своего Учителя текутъ съ благовѣстіемъ въ различныя страны міра. Проповѣдь ихъ раздается отъ Іерусалима до послѣднихъ предѣловъ земли, и божественныя истины, составляющія твердое основаніе вѣры и благочестія, возвѣщаются всѣмъ народамъ. Среди языческаго мрака, какъ нѣкое лучезарное солнце, открывается ученіе о Трі-единомъ Богѣ, объ искупленіи, о будущей жизни. Обуздывая порокъ страхомъ вѣчныхъ наказаній, и поощряя добродѣтель надеждою нескончаемыхъ наградъ, ученіе небесной Истины въ тоже время внушаетъ человѣкамъ, что самъ Богъ есть незримый свидѣтель нашихъ дѣяній, что для очей Вездѣсущаго нѣтъ такого мрака, который бы сокрылъ отъ нихъ тайныя помышленія нашего сердца. Столь святое, и чистое сѣмя, посѣянное чудотворною рукою на нивѣ душъ человѣческихъ, могло ли не быть плодоносно, могло ли не измѣнить лица всего міра?

Поистинѣ, Христіанство не есть предметъ какой нибудь новой школы, основанной для образованія не большаго

числа учениковъ. Тотъ, Который повелѣваетъ солнцу свѣтить надъ бѣдными и богатыми, надъ невѣждами и учеными, долженствовалъ дать землѣ такую Религію, которая была бы понятна и утѣшительна для всѣхъ и каждаго. Мы знаемъ, что Сократъ, отвергнувъ ученіе Софистовъ, приблизился къ истинной житейской мудрости; мы знаемъ, что Аристотель высказалъ много прекрасныхъ мыслей касательно нравственности, а Цицеронъ написалъ превосходное разсужденіе о должностяхъ: но всѣ ихъ ученыя наставленія, всѣ ихъ книги были недоступны для простаго народа. Одинъ Іисусъ Христосъ умѣетъ предлагать ему спасительную мудрость, въ свойственной ей высокой простотѣ и ясности. Первые проповѣдники Евангельскаго слова не различаютъ ни Грека, ни Варвара, ни раба, ни господина; во всѣхъ людяхъ они видятъ братьевъ, которыхъ надобно просвѣтить; сообщаемая ими высочайшая истина распространяется во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ; изъ чертоговъ Царей и вельможъ она нисхо-

дитъ въ жилища людей убогихъ и презрѣнныхъ. И какое удивительное явленіе! Языческая философія, даже въ знаменитый вѣкъ блистательныхъ успѣховъ своихъ, не могла удовлетворительно отвѣчать ни на одинъ изъ самыхъ важныхъ и основныхъ вопросовъ: а теперь простой поселянинъ, едва обученный начаткамъ Вѣры, знаетъ то, чего не знали Философы! Теперь деревенскій пастухъ простымъ, домашнимъ наставленіемъ своимъ сдѣлаетъ болѣе истинныхъ мудрецовъ, нежели сколько могъ сдѣлать Платонъ своими высокоумными рѣчами!— Таковы безцѣнныя преимущества Христіанской Религіи! Она никого не дѣлаетъ чуждымъ своего свѣта, и предлагаетъ ученіе равно совершенное для умовъ, какъ самыхъ простыхъ, такъ и самыхъ высокихъ.

При взглядѣ на великія и спасительныя истины, распространенныя Евангеліемъ между народами, не знаешь, что подумать о тѣхъ дерзскихъ нападеніяхъ, которыя дѣлаютъ на Христіанство нѣкоторые изъ писателей нашего времени.

Не самые ли они безразсудные и наглые люди? Чего хотятъ они, стремясь попрать Христіанство, и желая истребить его таинства и обряды? Не ужели сіи мудрецы думаютъ, что общество можетъ существовать безъ Религіи и всенароднаго Богослуженія? Но это намѣреніе такъ глупо, такъ ясно опровержено Исторіею всѣхъ народовъ, что предполагать оное значило бы издѣваться надъ умомъ человѣческимъ. Нѣтъ, сіи люди хотятъ того, чтобы всѣми народами управлялъ одинъ только законъ естественный, они хотятъ во всемъ мірѣ воцарить Религію Сократа и Марка Аврелія. Какая нелѣпость! Найдутъ ли они на землѣ хотя одинъ народъ, который могъ бы довольствоваться ихъ натурализмомъ? — Всякой народъ, болѣе или менѣе основывалъ свою Религію на откровеніи истинномъ или ложномъ, и всегда чувствовалъ нужду въ Богослуженіи внѣшнемъ и общественномъ. Воображать, что народъ можетъ удовлетворяться одпѣми умозрительными понятіями о Религіи, значитъ не знать

ни его свойства, ни его потребностей. Отнимая у него предметы Вѣры со всѣми внѣшними ихъ покровами, что можно предложить ему въ замѣну оныхъ? Эти слѣпые мудрецы не примѣчаютъ того, что они готовятъ хаосъ религіозныхъ мнѣній, силятся вовлечь міръ въ нѣкоторый родъ практическаго безбожія, которое несомнѣнно лишитъ его всякой добродѣтели и предастъ суевѣрію, не лучше языческаго!

Христіанство, просвѣтивъ языческій міръ, тогда какъ онъ не имѣлъ самъ по себѣ средствъ выйти изъ мрака своихъ заблужденій, сообщило новый духъ благоустройства общественной жизни. Дабы лучше понять, какое благодѣтельное дѣйствіе въ семъ отношеніи оказала человѣчеству Религія Іисусова; мы бросимъ теперь сравнительный взглядъ на общественное состояніе народовъ языческихъ и Христіанскихъ.

Какіе безпорядки, какое безчинство, какое безчеловѣчіе представляетъ политическій міръ древняго язычества! Какіе варварскіе обряды въ общественномъ

Богослуженіи! По свидѣтельству Исторіи, у всѣхъ народовъ было обыкновеніе закалать людей, и приносить ихъ въ жертву богамъ. Какое звѣрство во всенародныхъ играхъ и празднествахъ! Что можетъ быть отвратительнѣе гладіаторскихъ битвъ у Римлянъ, почитавшихъ себя образованнѣйшимъ народомъ въ мірѣ,—такихъ битвъ, въ которыхъ тысячи людей умерщвляли другъ друга для удовольствія зрителей! Какіе ужасы въ войнахъ! Онѣ были самыя истребительныя, и по большей части оканчивались разрушеніемъ городовъ, избіеніемъ жителей, или тяжкимъ ихъ рабствомъ. Какое безчеловѣчіе въ законодательствѣ касательно рабовъ, составлявшихъ наибольшую часть человѣческаго рода! Оно предоставляло господамъ такое же право надъ ихъ жизнію, какъ надъ жизнію презрѣннѣйшаго изъ животныхъ.

Но всѣ сіи жестокости, по той мѣрѣ, какъ Христіанство водворялось между народами, частію вовсе были истреблены у нихъ, а частію смягчены. Правда, въ Евангеліи не льзя най-

ти ни разсужденій о политикѣ, ни кодекса гражданскихъ законовъ, ни опредѣленныхъ правилъ касательно управленія Государствъ; но въ немъ можно найти нѣчто драгоцѣннѣйшее, что имѣетъ силу и важность въ отношеніи ко всѣмъ временамъ, ко всѣмъ Правительствамъ и народамъ. Евангеліе содержитъ въ себѣ заповѣди, которыя служатъ основаніемъ благоденствія для всѣхъ обществъ человѣческихъ. Дабы лучше упрочить подчиненность народовъ, оно представляетъ ее долгомъ совѣсти, а не плодомъ страха; повелѣвая воздавать *Божія Богови*, оно заповѣдуетъ также отдавать и *Кесарева Кесареви* (Мат. 22, 21). Языкъ его совершенно отличенъ отъ тѣхъ возмутительныхъ внушеній, которыя усиливаютъ тщеславіе народа, дабы удобнѣе обольстить его, и непрестанно твердятъ ему о правахъ, дабы тѣмъ легче заставить его забыть свои обязанности. Но съ другой стороны, дабы удержать власть и силу въ предѣлахъ справедливости, Христіанство равняетъ всѣ степени человѣческихъ до-

стоинствъ предъ Тѣмъ, Кто именуется и есть *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ* (1 Тим. 6, 15); оно напоминаетъ богатымъ и убогимъ, знатнымъ и незнатнымъ, что всѣ люди, различаясь по своимъ гражданскимъ отношеніямъ, имѣютъ одно происхожденіе и одну цѣль своего бытія; оно увѣряетъ каждаго, что самъ Богъ будетъ нѣкогда судить всѣхъ безъ лицепріятія. Наши Священныя Книги дышутъ миромъ и прощеніемъ обидъ, внушаютъ умѣренность въ желаніяхъ, презрѣніе всякой суетной славы, противной добродѣтели, укрощеніе всѣхъ страстей, особенно гордости и сладострастія, которыя были обоготворены язычествомъ, и служили источникомъ всѣхъ безпорядковъ, причинявшихъ разстройство въ семействахъ и упадокъ въ Государствахъ. Въ Евангельскомъ ученіи все основывается на любви къ Богу и ближнимъ. Посему, какъ скоро оно пріобрѣтало власть надъ умами и сердцами людей, то совершался счастливый переворотъ въ ихъ чувствованіяхъ, обычаяхъ и законахъ. Те-

перь не видно уже человѣкоубійственныхъ жертвъ, бывшихъ оскорбленіемъ для Бога благости, и для самой природы; теперь люди оставили свое звѣрство; Правительства сдѣлались справедливѣе и милостивѣе, подданные покорнѣе, побѣдители умѣреннѣе и благороднѣе, опустошительныя войны гораздо рѣже. Язычники, по своимъ законамъ, не обязаны были почитать рабовъ людьми; Евангеліе повелѣваетъ Христіанамъ почитать ихъ братьями. Такимъ образомъ Христіанская любовь у народовъ, просвѣщенныхъ спасительною Вѣрою, ощутительно смягчаетъ и постепенно облегчаетъ то поносное и жестокое иго рабства, которое тяготѣло въ язычествѣ надъ великою частію человѣческаго рода. Она знаетъ важную тайну давать свободу народамъ, не поблажая ихъ своеволію, и не ослабляя твердости Правительствъ.

При семъ случаѣ не льзя умолчать о тѣхъ обвиненіяхъ, которыя дѣлаютъ Христіанству враги его за раздѣленія и войны, къ коимъ, по видимому, оно подавало поводъ. Не входя въ подробный

разборъ таковыхъ обвиненій, мы ограничимся общими о нихъ замѣчаніями, которыя впрочемъ прямо идутъ къ дѣлу. Спросимъ сихъ людей: есть ли хотя одинъ порокъ, котораго бы Евангеліе не осуждало, хотя одна добродѣтель, которой бы оно не заповѣдывало, хотя одно совершенство, котораго бы не внушало? Для чего поставлять ему въ вину то, что было только нарушеніемъ его правилъ?—Сколько злоупотребляли законами, правосудіемъ, властію? Но должно ли посему желать и домогаться, чтобы у насъ не было ни законовъ, не судилищъ, ни правительствъ? Сколько разъ познанія и науки были употребляемы для распространенія вредныхъ мыслей, способныхъ разрушить общественный порядокъ? Но должно ли за это истребить и науки и ученыхъ? Въ гражданскихъ обществахъ не происходило ли множества ужасныхъ явленій? Не ужели же потому должно опять погрузиться намъ въ дикое состояніе? Враги Христіанства всегда поставляютъ на видъ только то, что дѣлаетъ народъ,

когда злоупотребляетъ Религіею; но никогда не говорятъ о томъ, до чего бы онъ дошелъ безъ Религіи. Когда религіозныя чувствованія угасаютъ въ народѣ: тогда нравы и законы лишаются самой твердой опоры; тогда можно бываетъ держать народъ въ повиновеніи однимъ только страхомъ, или другими насильственными мѣрами правленій деспотическихъ. Итакъ, если бы Европа потеряла Христіанство, то, очевидно, вмѣстѣ съ симъ она потеряла бы гражданское благоустройство и свободу, и снова впала бы въ варварство. Но оставимъ пустые возгласы безразсудныхъ умовъ, востающихъ на Христіанство; они должны сами согласиться, что изчислять однѣ только бѣдствія, къ которымъ, безъ всякой своей вины, подала поводъ сія Религія, а совершенно умалчивать о безчисленныхъ благахъ, которыя она доставила человѣчеству, значитъ поступать несправедливо и злоумышленно.

Сверхъ сего, обращая вниманіе на семейныя отношенія отца, дѣтей, супру-

говъ, мы почувствуемъ новую признательность къ Христіанству. У самыхъ образованныхъ языческихъ народовъ Религія не только не обуздывала безпорядочныхъ склонностей, но напротивъ такъ благопріятствовала имъ, что для сохраненія въ семействѣ повиновенія и спокойствія законъ простеръ отеческую власть до крайности, вооруживъ ее тѣмъ страшнымъ мечемъ, который принадлежитъ только власти гражданской. Но Христіанская Вѣра чувствованіе дѣтской любви сдѣлала долгомъ священнѣйшимъ, замѣнивъ страхъ почтеніемъ. Отеческая власть, и теперь не переставая быть твердою и ненарушимою, потеряла однакожъ, со времени Христіанства, прежнюю свою жестокость. У насъ нѣтъ уже отцевъ, подобныхъ Брутамъ; мать-Христіанка не имѣетъ уже безчувственной твердости матери Лакедемонской; напротивъ она великодушна и вмѣстѣ нѣжна.

У славныхъ народовъ, каковы Греки и Римляне, подкидываніе и убійство младенцевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ не

только было дозволено, но даже предписано самыми ихъ законами *). Христіанская Вѣра, какъ нѣжная мать, приняла подъ свое покровительство сіи невинныя существа, и назвала безчеловѣчіемъ и величайшимъ злодѣяніемъ то, въ чемъ древніе языческіе законодатели видѣли только политическую мѣру.

Прежде появленія Христіанства многоженство и разводъ были почти во всеобщемъ употребленіи, и служили причиною кровавыхъ соперничествъ, ослабляли взаимную супружескую любовь, и дѣлали несчастными отверженныхъ женъ. Іисусъ Христосъ возвелъ бракъ къ его первоначальному достоинству, и утвердивъ супружескій союзъ чистотою нѣжной любви, уничтожилъ тиранство мужей и униженіе женъ. Сіи послѣднія хотя и теперь не совершенно освобождены отъ подчиненія мужьямъ своимъ, но иго ихъ сдѣлалось легкимъ и пріятнымъ; теперь жена есть подруга, а не рабыня мужа. Укажите мнѣ, гдѣ и какая Рели-

*) Cicer. de leg. L. III, c. 8. Svet. in Oct. c. 65. Senec. L. V, cont. 33.

гія, кромѣ Христіанской, оказала такое покровительство женамъ, столько усладила судьбу ихъ, и доставила имъ такія права и достоинства въ семейственной жизни?—

Наконецъ не льзя оставить въ молчаніи благотворнѣйшее вліяніе Христіанства на участь бѣдныхъ и несчастныхъ, которыхъ такъ много у каждаго народа. Здѣсь-то особенно является оно во всемъ торжествѣ своемъ. Греки и Римляне славились науками, искуствами, дѣлами воинскими, политикою и гражданскимъ благосостояніемъ. Но они, говоритъ одинъ Историкъ, хотя умѣли своею мудростію и проницательностію изгнать изъ общества праздныхъ и здоровыхъ нищихъ; но не сдѣлали ни какихъ учрежденій въ пользу тѣхъ несчастныхъ, которые не могли исправлять ни какой службы *). Напротивъ въ Христіанскихъ обществахъ ни одинъ несчастный не оставленъ безъ призрѣнія и заботливой попечительности. Исторія свидѣтельствуетъ, что сей духъ любви оду-

*) Fleri—moeurs des Chretiens, n. 51.

шевлялъ Христову Церковь съ самаго ея происхожденія, не оставлялъ ее во дни гоненій, переходилъ изъ вѣка въ вѣкъ, и наконецъ совершенно раскрылся въ устроеніи безчисленнаго множества убѣжищъ, основанныхъ сострадательностію во всѣхъ странахъ міра. Осталось ли какое нибудь благо, которое бы Христіанская Вѣра могла оказать бѣдствующему человѣчеству, и не оказала? Сколько она совершила дѣлъ милосердія въ наши времена! Она собрала множество безпріютныхъ младенцевъ, и мудрою попечительностію Правительствъ замѣнила имъ материнскую любовь. Она соединила дѣтей, лишившихся родительской нѣжности, и научаетъ ихъ полезнымъ знаніямъ и чистѣйшей нравственности. На горахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, Христіанство устроило гостепріимныя пристанища, которымъ заблудившійся путникъ часто бываетъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. Она побудила благородныхъ людей итти въ варварскія страны, для освобожденія плѣнныхъ братій. Христіанству наконецъ обязано человѣ-

чество укрощеніемъ и просвѣщеніемъ дикихъ народовъ, и учрежденіемъ между ними шакихъ обществъ, которыя невинностію нравовъ, мудростію законовъ, семейнымъ и общественнымъ счастіемъ далеко превосходятъ всякую древнюю Монархію, или Республику. Подлинно Христіанство все сдѣлало для счастія общественной жизни, и если оно не дѣлаетъ еще новыхъ благодѣяній, то въ семъ виновны мы, а не оно! —

Вотъ Христіанская Вѣра, изложенная не такъ, какъ стараются представить ее враги, вооруженные противъ нее страстями и предразсудками, но въ томъ чистомъ видѣ, какъ она являетъ себя другу человѣчества, — окруженная свѣтомъ, всюду ею распространеннымъ, добродѣтелями, всегда ею внушаемыми, побѣдами, повсемѣстно одержанными ею надъ порокомъ и заблужденіемъ!

XII.

РАЗУМЪ И ВѢРА.

Религія просвѣщаетъ человѣка, руководитъ его на пути къ небу; или, что тоже, Религія просвѣщаетъ и руководитъ разумъ, потому что разумъ составляетъ сущность человѣка.

Если подъ Религіею мы должны разумѣть именно Божественную, Христіанскую Религію, а сія требуетъ отъ насъ вѣры, какъ перваго условія, такъ что эту Религію, по справедливости, можно назвать Религіею вѣры: то слова: „Религія просвѣщаетъ разумъ," не иное значатъ, какъ то, что вѣра просвѣщаетъ нашъ разумъ; вѣра служитъ для него путеводительницею; Евангеліе должно быть единственною его наукою, главнымъ предметомъ изученія.

Но разсуждая такимъ образомъ, не унижаемъ ли мы достоинство разума?—

Ни мало. Мы охотно предоставляемъ ему честь быть главною въ человѣкѣ способностью, окомъ души его, стражемъ, который долженъ бодрствовать, предусматривать всѣ опасности и предостерегать насъ отъ оныхъ. Впрочемъ не льзя не сознаться, что среди нощной тьмы для сего стража потребенъ свѣтильникъ; даже и днемъ, когда онъ ясно различаетъ предметы, различаетъ ихъ помощію лучей свѣта. Онъ видитъ, но видитъ только при свѣтѣ. Свѣтъ же для разума есть вѣра Христіанская!

Евангеліе есть свѣтъ ясный, вѣрный, чистый, проходящій сквозь духи разумичные. *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12), вѣщаетъ Спаситель. Онъ есть *свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9), говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ. Кто озаренъ симъ свѣтомъ, тотъ, по изрѣченію Апостола, даже самъ дѣлается свѣтомъ. *Вы были нѣкогда тьма, но нынѣ свѣтъ въ Господѣ* (Ефес. 5, 8). Вотъ теорія вѣры, самая Философская!

Въ самомъ дѣлѣ, дабы око могло видѣть, необходимо нужно, чтобы свѣтъ подѣйствовалъ на него, былъ имъ принятъ. Въ темнотѣ, даже съ зоркимъ и быстрымъ зрѣніемъ, ничего не льзя усмотрѣть; въ жилищѣ, куда не проникаютъ лучи свѣта, среди дня царствуетъ глубокая ночь. Слѣдственно глазъ не свѣтитъ, но освѣщается. Свѣтъ —необходимая потребность для зрѣнія; онъ посредникъ между видящимъ и видимымъ; онъ сообщаетъ намъ понятіе о предметахъ, показываетъ ихъ, удостовѣряетъ въ ихъ присутствіи, или приближеніи. Гораздо съ большею справедливостію все сіе можно сказать о Божественномъ свѣтѣ вѣры. Онъ открываетъ предметы невидимые; онъ показываетъ ихъ свойства; онъ производитъ убѣжденіе въ дѣйствительномъ ихъ бытіи. *Вѣра*, говоритъ Апостолъ, *есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. 11, 1). Іисусъ Христосъ,—сей Свѣтъ для нашей души, разумъ для самаго разума, только тѣмъ изъ людей, *елицы пріяша Его, даде об-*

ласть чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его (Іоан. 1, 12). Тьма безконечной ночи покрывала бы міръ вещественный, если бы солнце не озарило его своимъ сіяніемъ, или, если бы онъ закрылъ себя отъ свѣтлыхъ лучей его густыми и непроницаемыми парами: подобно сему въ мірѣ нравственномъ царствовалъ бы вѣчный мракъ, если бы не освѣтило его Солнце правды; или, если бы никто не принялъ просвѣщающихъ лучей Его.

Чтобы сдѣлаться видимымъ, свѣту нужно только коснуться нашего зрѣнія. Свѣтъ самъ по себѣ ясенъ; онъ самъ себя открываетъ; самъ собою дѣлается явнымъ и очевиднымъ. Равнымъ образомъ внутреннее свидѣтельство о Божественности небеснаго Слова гораздо сильнѣе, убѣдительнѣе для души, нежели всѣ внѣшнія свидѣтельства. *Вѣруяй въ Сына Божія имать свидѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. 5, 10). Когда указываютъ мнѣ на свѣтъ, я не требую доказательствъ, что это точно свѣтъ: я самъ вижу его, онъ свѣтитъ мнѣ. Такъ и озареніе, происхо-

дящее отъ свѣта истинной вѣры, само собою проникаетъ чистую душу, и не имѣетъ нужды въ поясненіяхъ. Вѣра непосредственно, ощутительно, прямо входитъ въ сокровенное святилище души нашей: внѣшнія пособія бываютъ ей нужны только для преодолѣнія внутреннихъ препятствій.

Изъ сего дѣлается понятнымъ, что къ изученію слова Божія должно приступать съ сердцемъ предрасположеннымъ къ вѣрѣ, и это предрасположеніе руководствуетъ насъ къ уразумѣнію истины гораздо дѣйствительнѣе и надежнѣе, нежели то философское сомнѣніе, которое столько одобряютъ мудрецы міра. Иное дѣло входить въ изслѣдованіе съ умомъ, склоннымъ къ вѣрѣ, или смотрѣть окомъ, которое озаряется хотя слабыми лучами свѣта; и другое— искать побужденій къ вѣрѣ съ умомъ, принявшимъ себѣ въ руководители недовѣрчивое сомнѣніе, или, что тоже, искать свѣта во мракѣ.

Свѣтильникъ тѣлу есть око. Если око твое худо; то все тѣло твое тем-

но будетъ (Мат. 6, 22. 23), говоритъ Спаситель. Въ самомъ дѣлѣ, можно ль ясно видѣть и различать предметы, имѣя зрѣніе слабое и болѣзненное? Можетъ ли правильно дѣйствовать способность поврежденная? и можно ль потому полагаться на самаго себя, хотѣть свѣтить собственнымъ свѣтомъ, или подвергать своему суду тотъ свѣтъ, то *Слово*, которое *само судитъ помышленія и мысли сердечныя?* (Евр. 4, 12). Не должно ли прежде исправить поврежденный органъ, исцѣлить разумъ? Не должно ли, поставивъ его на вѣрный путь, сперва пріучить его, подобно выздоравливающему больному, ходить въ слѣдъ того вождя, который одинъ не можетъ уклоняться съ пути праваго, который одинъ прямо можетъ приводить своего послѣдователя къ желанной цѣли?

Такимъ образомъ мы знаемъ теперь обязанность разума. Разумъ долженъ быть ученикомъ, а не учителемъ; долженъ учиться мудрствовать, а не самомудрить. Истинная *мудрость*, по свидѣтельству слова Божія, *сходитъ свы-*

ше (Іак. 3, 17), и начинаетъ обитать только въ томъ сердцѣ, которое осіяваетгся свѣтомъ вѣры. Вотъ почему Апостолъ Павелъ, услышавъ о *вѣрѣ* жителей Ефеса, молитъ Бога, дабы Онъ далъ имъ Духа *премудрости и откровенія* (Еф. 1, 15—17)! Іисусъ Христосъ назвалъ нѣкогда учениковъ своихъ *несмысленными*; потому что сердце ихъ было еще *медлительно въ вѣрованіи* (Лук. 24, 25). Отсутствіе свѣтоноснаго начала вѣры производило тогда мракъ въ душѣ ихъ, и сокрывало отъ нихъ царство Божественной истины. Тоже самое бываетъ со всякимъ человѣкомъ, который хочетъ видѣть лице небесной мудрости, не возжегши въ сердцѣ своемъ свѣтильника вѣры.

Знаете ли вы, что такое *душевный человѣкъ* (1 Кор. 2, 14), о которомъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ? Это не тотъ человѣкъ, уподобившійся несмысленнымъ скотамъ, о которомъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ Писаніе; это человѣкъ, обладающій душею человѣческою,—человѣкъ, каковъ онъ есть въ дѣй-

ствительности, какого изучают всѣ Психологи. И сей-то человѣкъ *не принимаетъ того, что отъ Духа Божія*, потому что *о семъ надобно судить духовно* (ст. 14)! *Духовно* не тоже, что разумно. Назвать кого либо *духовнымъ* не тоже значитъ, что назвать умнымъ. Можно быть очень умнымъ, и между тѣмъ не постигать предметовъ Божественныхъ. И замѣтьте, съ какою точностью Апостолъ разкрываетъ различіе своего духовнаго ума отъ разумѣнія мірскаго: *мы приняли*, говоритъ онъ, *не духа міра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать, что даровано намъ отъ Бога* (ст. 12). Онъ находитъ различіе даже въ самыхъ словахъ, какія употребляетъ человѣкъ духовный и душевный для означенія каждый своихъ предметовъ: *возвѣщаемъ*, продолжаетъ онъ, *не такими словами, коимъ бы научились отъ человѣческой мудрости, но какимъ научились отъ Духа Святаго, духовное излагая духовно* (ст. 13).

Итакъ кто хочетъ ходить во свѣтѣ Божіемъ; тотъ долженъ ходить во свѣ-

тѣ вѣры. Для очей плотскаго разума глаголы откровенной истины навсегда останутся непроницаемою тайною; ибо они, по слову Спасителя, *духъ суть и животъ суть* (Іоа. 6, 63). Помраченный нашъ разумъ въ глубинѣ премудрости Божіей видитъ *соблазнъ и безуміе;* а свѣтоносная вѣра зритъ въ ней одну *правду*, *освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 23. 30).

XIII.

БЕСѢДА

О ЛЖЕСВИДѢТЕЛЬСТВѢ,

говоренная въ 1-й день Августа 1834 года, въ Тверскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, Синодальнымъ Членомъ *Григоріемъ*, Архіепископомъ Тверскимъ.

Архіерее и старцы и сонмъ весь исхаху лжесвидѣтельства на Іисуса, яко да убіютъ его,—и не обрѣтаху; и многимъ лжесвидѣтелемъ приступльшимъ не обрѣтоша.

Матѳ. 26, 59. 60.

Сіи слова Св. Евангелиста въ нынѣшнемъ чтеніи весьма поучительны для насъ; посему о нихъ и хочу я бесѣдовать съ вами сего дня.

Наконецъ всѣ вожди Іудейскаго народа не могли уже терпѣть весьма ненавистнаго имъ Назарянина, Іисуса Христа, Который многократно обличалъ криви-

зны ихъ ума, а особливо кривизны ихъ сердца, и Который наконецъ, не усматривая въ нихъ исправленія, обличалъ ихъ со всею силою великаго защитника истины въ остереженіе народу, дабы сей не слѣдовалъ пагубному образу ихъ мыслей и жизни. Они рѣшительно опредѣлили на судѣ своемъ убить Іисуса.

Но какъ убить? своего опредѣленія они тогда не могли привести въ исполненіе, а должны были обратиться съ дѣломъ къ Римскому Правителю въ Іудеѣ— Понтію Пилату. Понтій же Пилатъ основывался при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ на Римскихъ законахъ; а Римскіе законы, хотя были и языческіе, судили человѣка только за какія либо его злодѣянія, и осуждали на смерть только за злодѣянія важныя, доказанныя въ судѣ.

Итакъ гдѣ было искать доказательствъ? Вопросъ, други мои, весьма не важный. У кого сердце скривилось, у того умъ найдетъ доказательства и тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ.

Какъ это можно? Вотъ какъ! Гдѣ нѣтъ, и не льзя найти, доказательствъ

истинныхъ, тамъ онъ ищетъ доказательствъ ложныхъ,—и находитъ. Такъ враги Іисуса Христа и поступили: *искаху лжесвидѣтельства на Іисуса.*

Правда, Іисусъ Христосъ, на Коего они возстали, былъ совершенно безпороченъ, и держалъ себя такъ, что вся жизнь Его была на виду; и потому трудно было найти лжесвидѣтельство, похожее на истину. Но они и поступили осторожно: составили совѣтъ, и, дабы лучше успѣть въ своемъ дѣлѣ, сперва обратились къ другимъ; спрашивали и выслушивали постороннихъ лжесвидѣтелей;—но и *многимъ лжесвидѣтелемъ приступльшимъ не обрѣтоша* уважительнаго лжесвидѣтельства.

Что жъ они сдѣлали потомъ? Они бросили всѣхъ постороннихъ лжесвидѣтелей со всѣми ихъ лжесвидѣтельствами; привязались къ невиннымъ словамъ Іисуса Христа, занялись и составили лжесвидѣтельство сами. Они судьи, для нихъ законы извѣстнѣе, а потому и составленіе надежнаго лжесвидѣтельства легче, чѣмъ для людей, не свѣдущихъ въ законѣ.

Вотъ, други мои, судьи! Вмѣсто того, чтобъ искать свидѣтелей истины, они ищутъ лжесвидѣтелей! Вмѣсто того, чтобы по свидѣтельствамъ открывать истину, они разсматриваютъ, способно ли представляемое лжесвидѣтельство къ закрытію истины, къ доставленію вида истины неправдѣ и къ обольщенію главнаго судьи! И поелику надежнаго лжесвидѣтельства у лжесвидѣтелей они не находятъ, то составляютъ лжесвидѣтельство сами! Таковые судьи истинно достойны были того, чтобъ отъ Іисуса Христа была предсказана имъ, и исполнилась надъ ними, какъ и дѣйствительно скоро исполнилась, *скорбь велія, яковаже не была отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти* *).

Какое же составлено ими лжесвидѣтельство? Они привели Іисуса къ Пилату,—и говорятъ: *сего обрѣтохомъ развращающа языкъ нашъ, и возбраняюща Кесареви данъ даяти, глаголюща себе Христа Царя быти* **).

Сіе лжесвидѣтельство, яко лжесвидѣ-

*) Матѳ. 24, 21. **) Лук. 23, 2.

тельство, было совершенная ложь. Ложно то, что Іисусъ Христосъ развращалъ народъ; ибо Онъ училъ самой святѣйшей нравственности, такъ что нѣкогда даже подкупленные упомянутыми судьями противъ Іисуса Христа люди пришли къ нимъ, и говорили: *николи же тако глаголалъ есть человѣкъ, яко сей человѣкъ* *).—Ложно то, что будто Іисусъ Христосъ внушалъ когда нибудь народу не давать Кесарю дани; напротивъ Онъ и самъ давалъ дань, и всѣмъ другимъ говорилъ ясно и рѣшительно: *воздадите Кесарева Кесареви* **), и говорилъ сіе притомъ въ такое время, когда предложеннымъ ему искусительнымъ вопросомъ: *достойно ли есть Кесареви дань даяти* ***), возбуждено было сильное вниманіе всего народа; и когда потому Онъ долженъ былъ отъ означенныхъ словъ своихъ опасаться самаго сильнаго негодованія къ себѣ въ народѣ; ибо народъ, по внушенію сихъ же судей, почиталъ даяніе языческому Царю дани

*) Іоанн. 7, 46. **) Матѳ. 22, 21. ***) Тамъ же ст. 17.

не должнымъ и не приличнымъ.—Ложно то, что будто Іисусъ Христосъ хотѣлъ быть мірскимъ Царемъ Израильскаго народа. Напротивъ когда народъ, собравшись въ безчисленномъ множествѣ, дѣйствительно хотѣлъ провозгласить Его Царемъ своимъ, Онъ скрылся отъ него *).

Впрочемъ сколь ни было ложно сіе составленное на Іисуса Христа лжесвидѣтельство, упомянутые судьи считали его доказательствомъ весьма сильнымъ, и съ наглостію требовали ӱ Пилата, чтобъ онъ приговорилъ Іисуса не только къ смерти, но и къ смерти мучительнѣйшей и позорнѣйшей,—къ смерти крестной.

Пилатъ ясно видѣлъ въ семъ лжесвидѣтельствѣ дѣйствительное лжесвидѣтельство, и долго сопротивлялся требованію Іудейскихъ судей; но наконецъ, по причинамъ также преступнымъ, *предаде Его имъ, да распнется* **).

Такъ лжесвидѣтельство подвергло позорнѣйшей смерти совершенно невин-

*) Іоанн. 6, 15. **) Іоан. 19, 16.

наго, и во всѣхъ отношеніяхъ безпорочнаго! Какъ ужасно было сіе сдѣланное зло,–показала даже безчувственная природа: *померче солнце, тьма бысть по всей земли, земля потрясеся, каменіе распадеся*, и пр. *).

Сей ужасный примѣръ обвиненія, по лжесвидѣтельству, весьма поучителенъ для насъ, други мои! Ибо Іисусъ Христосъ не есть единственная жертва таковаго несправедливаго обвиненія. Тысяча тысячь уже сдѣлались, и нынѣ еще дѣлаются подобными жертвами! И хотя слѣдствіемъ ложнаго обвиненія не всегда была смерть, особливо смерть позорнѣйшая, какова смерть Іисуса Христа; но всегда впрочемъ была или есть, по крайней мѣрѣ, потеря добраго имени, которое для добраго человѣка такъ важно, что святый Апостолъ Павелъ сказалъ: *добрѣе есть ми паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* **). Ибо добрый человѣкъ, потерявшій доброе имя, теряетъ всю возможность дѣйствовать на другихъ сво-

*) Матө. 27, 51. Лук. 23, 45. **) 1 Кор. 9, 15.

имъ добрымъ словомъ и примѣромъ, въ большомъ ли кругу людей онъ могъ то дѣлать, или въ маломъ. А гдѣ добрыхъ людей съ симъ дѣйствованіемъ становится менѣе, тамъ необходимо умножаются люди злые и зло.

Сей ужасный примѣръ несправедливаго обвиненія Іисуса Христа, по лжесвидѣтельству, обращаетъ наше вниманіе, между прочимъ, на то, какъ намъ должно поступать въ тѣ времена, когда по какому либо дѣлу требуютъ отъ насъ въ судѣ нашего свидѣтельства. Ибо наши судьи при разбирательствѣ дѣлъ, въ коихъ почти всегда бываетъ сторона правая и неправая, или обиженная и обижающая, самою наибольшею частію основываютъ свои приговоры на качествѣ нашихъ свидѣтельствъ, — и горе намъ, ежели наши свидѣтельства суть лжесвидѣтельства! Оправдываемъ ли мы виновнаго, или обвиняемъ праваго, или не оправдываемъ праваго и не обвиняемъ виновнаго, — равно горе! Ибо во всѣхъ сихъ случаяхъ мы грѣшимъ противъ девятой заповѣди, запрещающей давать

ложное свидѣтельство. Во всѣхъ сихъ случаяхъ мы говоримъ ложь, а говоря ложь, дѣлаемся чадами діавола; ибо Господь нашъ отцемъ лжи называетъ діавола *). Сдѣлавшись же чадами діавола, мы нѣкогда должны будемъ неизбѣжно наслѣдовать, вмѣстѣ съ нимъ, *вѣчный огонь;* ибо вѣчный огонь *уготованъ* не діаволу одному; но и *аггеламъ*, т. е. служителямъ и послѣдователямъ *его* **).

Итакъ, други мои, дабы вамъ не впасть, при вашихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, въ сатанинскія дѣла, потомъ въ сатанинское царство, а наконецъ и въ сатанинское мученіе, поступайте, при вашихъ свидѣтельствованіяхъ, по слѣдующимъ правиламъ:

1. Когда Начальство требуетъ отъ васъ, особливо подъ присягою, свидѣтельское показаніе о вашемъ ближнемъ или о васъ самихъ: то будьте крайне осторожны; не говорите ничего, кромѣ сущей истины. Говорите только то, что вы знаете, или что вы видѣли, или слышали,—и говорите точно такъ, какъ вы

*) Іоан. 8, 44. **) Матѳ. 25, 41.

видѣли, какъ слышали, какъ знаете, а отнюдь не иначе; потому что хотя бы вы удалялись въ своихъ словахъ отъ истины и на одинъ волосъ,—вы уже лжесвидѣтели; ибо какъ иначе тогда назвать васъ?

2. Берегитесь, чтобъ ни угожденіе человѣкамъ, ни страхъ отъ людей, ктобъ они ни были, не склонили васъ сказать что нибудь на вашего ближняго ложное, или скрывать что нибудь, даже самое маловажное,—говорите сущую истину.— Хотя бы подсудимый былъ вашъ наилучшій другъ, вамъ не должно лгать, дабы избавить его отъ бѣды; ибо и самый лучшій вашъ другъ не пойдетъ въ адъ, чтобы мучиться за васъ. Хотя бы кто нибудь давалъ или обѣщалъ вамъ за ложное свидѣтельство цѣлые горы золота; рѣшительно отвергните предложеніе,— и говорите истину; ибо золотыя горы, хотя бы вы получили ихъ всѣ до единой, не освободятъ васъ отъ огня геенскаго. Хотя бы вы даже явно предвидѣли, что ежели скажете истину, то подвергнитесь великому несчастію отъ защи-

щающихъ виновнаго какихъ либо сильныхъ людей; не бойтесь, — говорите истину. Не бойтесь людей; ибо они могутъ подвергнуть васъ только временнымъ несчастіямъ; или и лишить жизни, но только для сей жизни. Напротивъ бойтесь Бога; ибо Онъ можетъ предать, и предастъ васъ за ложное свидѣтельство вѣчнымъ мученіямъ въ вѣчной жизни. Не лгите даже и тогда, когда дѣло касается до васъ самихъ; но говорите также совершенную правду. Ибо хотя ложью вы иногда можете избѣжать стыда и наказанія въ сей жизни; но вѣчнаго стыда и наказанія не избѣжите: а лучше пострадать временно, нежели страдать вѣчно,—и страдать притомъ несравненно ужаснѣйшимъ образомъ.

О, други мои! наша присяга есть торжественное засвидѣтельствованіе истины нашихъ словъ,—засвидѣтельствованіе предъ Богомъ, Который видитъ и знаетъ все, и Который, яко правосудный и всемогущій, можетъ обличить нашу неправду, и поразить насъ въ самое мгновеніе произнесенія нами неправды, или

подвергнуть насъ ужаснѣйшему вѣчному наказанію, — засвидѣтельствованіе предъ Богомъ для того, чтобы судъ, по сему нашему призыванію на себя во свидѣтельство Бога, принялъ наши слова за несомнѣнную истину, такъ какъ онъ, по нашей присягѣ, и дѣйствительно принимаетъ наше свидѣтельство за несомнѣнную истину.

Посему ежели послѣ присяги, послѣ торжественнаго призыванія Бога во свидѣтеля истины вашихъ словъ, по какимъ либо вашимъ земнымъ расчетамъ: по дружбѣ, недружбѣ, по хлѣбосольству, по упрошенію, по умоленію которой либо стороны и проч. на васъ приходитъ искушеніе дать несправедливое свидѣтельство; то дабы вамъ въ сіи времена спасти вашу душу, старайтесь приводить себѣ на память слѣдующія истины:

1. Вы хотите сдѣлать самое гнусное дѣло предъ Богомъ. Ибо вы изгоняете изъ своего сердца весь страхъ Божій; вы хотите употребить всесвятѣйшее имя Божіе для прикрытія гнусной лжи; вы

хотите сказать ложь при самомъ взорѣ на васъ всесвятаго и правосуднаго Бога, Коего сами вы призвали быть свидѣтелемъ истины вашихъ словъ; вы какъ бы публично хотите сказать Богу: суди насъ, мы не хотимъ Твоего неба, мы слѣдуемъ отцу лжи, діаволу.

2. Вы хотите сдѣлать ужасное злодѣяніе противъ человѣческаго общества; ибо вы хотите разрушить права человѣчества, и уничтожить самый послѣдній способъ узнавать истину, сохранять права человѣчества, и возстановлять его временное благосостояніе. Потому что присяга есть самый послѣдній способъ открывать истину и возстановлять и утверждать правду. Уничтожая сей послѣдній способъ, вы вводите на землю адъ, гдѣ нѣтъ истины, но гдѣ уже нѣтъ и никакой безопасности и никакого благополучія.

3. Вы хотите дѣлаться виновными въ томъ, что Правительство, полагаясь на вашу присягу, на ваши, сказанныя предъ лицемъ Божіимъ, слова, оправдываетъ виновнаго, предоставляя ему сво-

боду дѣлать новыя преступленія къ соблазну, и можетъ быть, на погибель безчисленнаго множества душъ, и обвиняетъ невиннаго, подвергая его стыду и несчастію, и отнимая у него возможность дѣйствовать своимъ словомъ и добрымъ примѣромъ къ истинному благу своихъ ближнихъ. Словомъ, вы уничтожаете на землѣ Царствіе Божіе, и распространяете царство сатаны.

4. Наконецъ когда приходитъ на васъ искушеніе оправдать виновнаго, и обвинить невиннаго; то воспоминайте о распятомъ по лжесвидѣтельству вашемъ Господѣ, и объ отпущенномъ Варавкѣ,— и говорите самимъ себѣ: не хочу принадлежать къ числу осудившихъ Іисуса Христа, и не хочу отпустить Варавву. Малый ли онъ Варавва или большой, но Варавва; ибо онъ, по крайней мѣрѣ, убійца своей души. Пусть онъ будетъ преданъ въ руки правосуднаго Правительства. Не всякой Варавва погибаетъ у Бога. Разбойникъ распятый покаялся на крестѣ, и спасся,—покаялся и спасся именно потому, что былъ распятъ. Лучше

отпущу, и непремѣнно отпущу или оправдаю невиннаго Христа. Такъ говорите себѣ, други; ибо оправдывая невиннаго, кто бы онъ ни былъ, вы оправдываете самаго Христа: потому что Христосъ говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* *).

Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и Богъ и Отецъ нашъ, возлюбивый насъ,—да утвердитъ васъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ благѣ **). Аминь.

---

*) Матѳ. 25, 40. **) 2 Сол. 2, 17.

XIV.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОДНОГО ПОЧТЕННАГО Священника.

Для Священниковъ.

Каково твое сердце, таковъ и ты; каковъ ты, таковъ и домъ твой; каковъ твой домъ, таковъ и приходъ твой; каковъ твой приходъ, такова твоя и вѣчность.

По крайней мѣрѣ послѣднія два часа предъ общественнымъ Богослуженіемъ ты долженъ посвятить на тайное, домашнее Богослуженіе, не только для того, чтобы въ твоемъ собственномъ сердцѣ, но и для того, чтобы въ сердцѣ другихъ, кои видятъ и будутъ видѣть тебя, можно было возбудить и утвердить истинное благоговѣніе.

Никогда не забывай, что народъ есть народъ,—въ общей массѣ,—добродушной, слабый и своекорыстный. Будучи добродушенъ, онъ легко прилѣпляется къ узнанному добру; но будучи слабъ, весьма скоро оставляетъ добро; и будучи своекорыстенъ, онъ тотчасъ разрушаетъ самъ, что построилъ въ своей ревности.

Религіозные споры съ людьми слабыми (а кто не слабъ?) ни къ чему не годны; и притомъ производятъ еще огорченіе; а наконецъ подаютъ поводъ къ злословіямъ.

Временное ослабляетъ въ насъ духовное посредствомъ неумѣренной заботы, посредствомъ страха, посредствомъ безпорядочной любви, посредствомъ суетнаго наслажденія, посредствомъ нерадиваго хозяйства. Боже, даруй мнѣ такое обиліе духовной жизни, чтобы временное никогда не могло ослабить ее!

Бываютъ минуты, кои даютъ намъ чувствовать, что худо жить на землѣ.

Въ сіи минуты терпи, ежели тяготящее тебя бремя составляешь ты самъ; побѣждай себя, ежели тебя соблазняетъ твой глазъ или рука твоя и пр.; отторгайся отъ самаго себя, ежели злой врагъ въ тебѣ пробуждается.

При всякомъ разстройствѣ твоего духа, сперва обращайся къ Богу, Который даетъ свѣтъ и силу; потомъ успокоивай свое сердце, и проси у друга совѣта, наконецъ жди, когда тебѣ должно дѣйствовать, и дѣлай тогда прежде всего то, что необходимо.

Бываютъ такіе сонные часы, въ кои едва можно сохранить себя столько осторожнымъ, чтобы не притти въ досаду и нетерпѣніе, или чтобы какая нибудь подлая страсть не осквернила сердца. Берегись!

Бываютъ свѣтлые и мрачные часы. Въ тѣ Богъ да будетъ твоимъ хранителемъ, дабы никакая радость не увлекла тебя ко злу; въ сіи тотъ же Богъ

да будетъ свѣтомъ твоимъ, дабы никакой страхъ не сбилъ тебя съ истиннаго пути.

Главное дѣло да будетъ для тебя всегда дѣломъ главнымъ. Наше спасеніе всегда было, есть и будетъ слѣдствіемъ смерти нашего *Я*, и жизни Всеживителя.

Главное дѣло да будетъ для тебя всегда дѣломъ главнымъ. Учись вѣрить въ Бога во Христѣ, уповать на Бога во Христѣ, любить Бога во Христѣ.

Главное дѣло да будетъ для тебя всегда дѣломъ главнымъ. Т. е. Богъ, Христосъ и Его Святая Вселенская и Апостольская Церковь.

Катихизаторъ, чтобъ быть понятнымъ для дѣтей, дѣлается самъ какъ бы дитятей; Проповѣдникъ, чтобы быть понятнымъ для народа, дѣлается самъ какъ бы однимъ изъ сего простаго на-

рода; Духовникъ дѣлается любовію, чтобъ быть всемъ для всѣхъ.

На всякой день смотри, какъ на всю твою жизнь. Какъ пролетаетъ одинъ день, такъ и всѣ дни;—и если бы ты даже одинъ день прожилъ въ Богѣ и ходилъ предъ Богомъ; то сей одинъ день стоилъ бы болѣе всей твоей жизни; онъ былъ бы достоинъ вѣчности. О если бы ты прожилъ всѣ дни своей жизни въ семъ духѣ!—Дабы тебѣ достигнуть сего, никогда не забывай изреченія: *помни смерть!* — и дай ему дѣйствовать въ твоемъ умѣ, а наипаче въ твоемъ сердцѣ.

Кромѣ крайности не жалуйся ни на кого, ни на низшаго, ни на высшаго; ибо симъ ты дѣлаешь злаго еще злѣе, и изъ одного зла—два.

Дѣлай добро, и не давай повода злословить тебя; дѣлай опять добро, и благословляй злословящихъ тебя; но не ожидай, что они перемѣнятся, и снимутъ съ тебя то, въ чемъ оклеветали тебя.

Химикъ анализируетъ растѣніе, чтобы пріобрѣсти себѣ свѣдѣніе; любитель цвѣтовъ становитъ его въ своей лучшей комнатѣ, какъ лучшую мебель; а больной принимаетъ его, какъ лѣкарство, и выздоравливаетъ. Вотъ участь Св. Писанія! Ученые анализируютъ его, чтобъ узнать составныя его части; Литтераторы становятъ его, особенно въ лучшемъ изданіи, въ свою библіотеку; избранный принимаетъ его, какъ врачевство, и изцѣляется отъ своихъ глупостей и грѣховъ, — дѣлается благочестивымъ и спасается вѣрою въ содержащееся въ немъ ученіе, и исполненіемъ его.

Ежели нищій началъ ходить по міру безъ дѣйствительной нужды; то не думай, что легко исправить его. Онъ не возметъ у тебя царствія Божія; потому что ищетъ не его, а хлѣба или денегъ. Твоя подача для него лучше царствія Божія.

Когда кто нибудь жалуется тебѣ, или говоритъ на своего ближняго; то осте-

регись тотчасъ брать его сторону, а помни, что тебѣ надобно выслушать и противную сторону.

Живи такъ, чтобы твои домашніе могли говорить о тебѣ или только то, что ты трудишься; или то, что ты молишься. Ибо народъ не можетъ терпѣть въ своемъ пастырѣ даже малѣйшаго неприличія въ жизни. Твой кабинетъ долженъ быть святилище, особливо для тѣхъ, кои не имѣютъ истиннаго духа испытанія.

Началомъ твоей проповѣди да будетъ Іисусъ Христосъ, срединою твоей проповѣди да будетъ тотъ же Христосъ, и Онъ же да будетъ концемъ твоей проповѣди. Ибо Онъ есть Спаситель грѣшныхъ, и кромѣ Его нѣтъ еще Спасителя. Все спасительное, доставляемое Св. Церковію въ ученіи, въ таинствахъ, въ Богослуженіи и пр. происходитъ отъ Него.

Не лѣнись непрестанно сѣять, не смотря на то, что не видишь жатвы; для

тебя довольно и того, что видитъ ее Тотъ, Кто возращаетъ ее, и Кому принадлежитъ она, т. е. Богъ.

Не смотри на то, что добрыя сѣмена твои не всходятъ и не растутъ, а сѣй;— сѣй и въ вёдро и въ ненастье; твое дѣло только сѣять доброе сѣмя, и не давать врагу сѣять сѣмя негодное и вредное; — о прочемъ заботится Богъ.

Въ слѣдующемъ заключается великая мудрость: камень, котораго ты не можешь разбить, оставь въ покоѣ. Ибо Христосъ говоритъ: *оставите расти обое купно до жатвы* (Мат. 13, 30). Что терпитъ Всесильный, то долженъ терпѣть и безсильный, для своего Бога, изъ любви.

Есть люди, кои хотя и не могутъ сдѣлать тебѣ ни малѣйшаго добра, но могутъ вездѣ клеветать на тебя. Симъ людямъ не показывай своей слабой стороны, и принимай ихъ, когда они посѣ-

щаютъ тебя, съ особливою любовію и особливымъ благоразуміемъ.

Благочестивые обычаи народа, хотя бы они требовали большаго исправленія, имѣютъ въ себѣ то хорошее, что они суть *сосуды*, въ кои можно положить много добраго, и *случаи*, кои отверзаютъ у народа и ухо и сердце къ твоему слову. Пользуйся сими случаями, и полагай въ сіи сосуды то, что всего лучше и спасительнѣе.

XV.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Свѣтъ новаго дня опять пробуждаетъ меня, и призываетъ къ обыкновенному моему дѣланію: но прежде всякаго дѣла и начинанія духъ мой возносится къ Тебѣ, Вседѣтелю! Изведшій изъ довременной тьмы первый свѣтъ, Ты и нынѣ освѣщаешь насъ свѣтозарными его лучами. Источившій жизнь изъ ничтожества, Ты и нынѣ оживляешь всяческая. Бездна щедротъ Твоихъ, чудный Господи! не умаляется. Твореніе и храненіе сотвореннаго есть дѣйствіе всемогущей Твоей благости.

Вчерашній день изчезъ для меня: я умеръ для него, какъ и для каждаго часа моей жизни, утекшаго въ океанъ вѣчности. Но съ зарею настоящаго дня я снова оживаю. Могу воспоминать минувшее, обозрѣвать настоящее, уносить-

ся мыслію къ грядущему, и—радоваться, если я успѣлъ стяжать сокровище добродѣтели, или скорбѣть, если не успѣлъ расторгнуть сѣтей порока. Въ самомъ тѣлесномъ составѣ я чувствую себя совершенно обновленнымъ: мои члены отъ безмятежнаго и сладкаго сна восприяли новую силу. Съ новымъ мужествомъ и усердіемъ я готовъ вступить во всякій подвигъ, предпринять всякій трудъ.

Итакъ, я снова мыслю, чувствую, живу, и—живу не заслуженною жизнію! Ибо не могло ли случиться, чтобы я заснулъ вчера сномъ непробуднымъ? Участь многихъ ближнихъ моихъ, коихъ сонъ перемѣнился въ неожиданную смерть, не могла ли также постигнуть и меня? Мракъ гроба покрывалъ бы теперь мои вѣжди; уста мои не имѣли бы движенія, и ухо мое не слышало бы голоса дружбы! Внезапно я перешелъ бы въ страну безсмертія, и—какого безсмертія, Боже мой! Можетъ быть, я трепеталъ бы теперь предъ престоломъ высочайшей Твоей святости и Твоего нелицепріятнаго правосудія!

О! Твоей только всемогущей и беспредѣльной благости угодно было продлить жизнь мою до сего часа, и въ сей часъ содѣлать оную для меня равно сладостною! Такъ, я могу, я долженъ вознестись къ Тебѣ мыслію, наслаждаясь столь прекраснымъ утромъ. Оно приводитъ мнѣ на память то свѣтозарное утро, ту великую минуту воскресенія къ жизни будущей, когда я возбужденъ буду отъ сна смертнаго гласомъ трубы Архангельской. Не разъ, въ моей жизни, блистательное утро наполняло душу мою восторгомъ радости; но какая неизрѣченная радость ожидаетъ неуклоннаго подвижника добродѣтели, когда наступитъ торжественное утро свѣтлаго, немерцающаго, вѣчнаго дня! Небесная слава, блаженное созерцаніе Бога будетъ неотъемлемымъ его достояніемъ. Возносись, душа моя, какъ легкая утренняя роса, превыше земной юдоли, и среди утра преходящаго дня умѣй созерцать тотъ вѣчный и неизмѣримый свѣтъ, при которомъ ночь не распростираетъ мрачныхъ покрововъ! Сохраняя въ зем-

номъ странствіи своемъ чистоту и непорочность, ты удостоишься нѣкогда погрузиться въ океанъ вѣчнаго, Божественнаго свѣта. Свѣтъ всѣхъ свѣтовъ, сіяющихъ на тверди небесной, есть только слабѣйшій отблескъ славы Присносущаго!

Дивный въ славѣ и милости своей, Господи! сколь великой пламень любви возгарается въ душѣ моей при помышленіи о безчисленныхъ чудесахъ Твоей благости, и въ одинъ настоящій часъ жизни мнѣ являемой! Сколь высокими предъ очами моими, сколь близкими къ моему сердцу становятся всѣ люди, когда я воспоминаю о вѣчномъ ихъ назначеніи! Сколь драгоцѣнною является для меня жизнь моя, когда я возношусь превыше земли, и свѣтлою мыслію прозираю въ туманную даль. Даруй мнѣ, Всещедрый, продолженіе сей жизни, чтобы я пламеннѣйшую любовь мою предъ Тобою могъ засвидѣтельствовать благоугодными Тебѣ жертвами; чтобы я имѣлъ время и средства послужить ближнимъ моимъ къ истинному ихъ благу; чтобы успѣлъ

стяжать себѣ на земли истинныя сокровища для блаженной вѣчности!

Вотъ, по благости Твоей, наступаетъ часъ, въ который я долженъ совершать различныя дѣла свои! Я хочу въ сей день исполнять точно и по совѣсти всѣ свои обязанности. Мое намѣреніе кажется мнѣ твердымъ и непоколебимымъ. Я готовъ отвергнуть всякое желаніе, всякую мысль, недостойную Тебя, и рѣшаюсь не дѣлать и не предпринимать ничего, противнаго моему долгу и Твоей высочайшей волѣ. Ты видишь, Всевѣдущій, жаръ моего хотѣнія, искренность моего намѣренія и твердость моей рѣшимости: но не сокрыта отъ Тебя и немощь моя. Я могу идти прямымъ путемъ, но только подъ блюденіемъ Твоего благаго промысла; иначе паденіе мое, ежечасное паденіе неизбѣжно. Итакъ подай мнѣ, Всесильный, помощь Божественной благодати, чтобы при добромъ хотѣніи, одушевляющемъ меня въ сію минуту, я имѣлъ и силу пребыть вѣрнымъ моему долгу. Удали отъ меня соблазны, могущіе встрѣ-

шить и поколебать меня. Если же премудрости Твоей угодно послать для испытанія моей добродѣтели тяжкія искушенія; то будь одесную меня, поддержи мое колеблющееся мужество тою мыслію, что Ты Самъ вѣчный и вѣрный свидѣтель всѣхъ моихъ чувствованій, всѣхъ моихъ намѣреній и поступковъ. Проходя путемъ мрачнымъ и стропотнымъ, я не преткну о камень ноги своей, и не устрашусь зла, когда Ты, Всемогущій, будешь со мною! —

Творецъ и Отецъ мой! благослови мои предпріятія и дѣла, которыя я намѣренъ совершить нынѣ во славу Твоего имени. Содѣлай, чтобы благотворно для ближнихъ исполнялъ я всѣ обязанности, возлагаемыя на меня моимъ званіемъ, и чтобы подъ конецъ сего дня сердце мое могло ощущать тайную радость, что сей день есть одинъ изъ тѣхъ, кои употреблены мною на пріобрѣтеніе вѣчности. Укрѣпляй меня въ подвигахъ добродѣтели силою Твоего Духа, и ознаменуй настоящій день новыми щедротами всемогущей Твоей благости. Святой За-

конъ Твой да будетъ немерцающій *свѣтильникъ ногѣ моей, и свѣтъ стезѣ моей* (Пс. 118, 105)! —

XVI.

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

ПРАВИЛА

ПРОСТРАННО ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО ВОПРОСАМЪ И ОТВѢТАМЪ.

Вопросъ XLIII. О способѣ, какъ заниматься рукодѣліями, дано намъ достаточное наставленіе; если же что нибудь осталось еще неопредѣленнымъ, то мы можемъ узнать это собственнымъ опытомъ. Теперь просимъ объяснить намъ, каковъ долженъ быть Настоятель братіи, и какъ управлять ему живущими въ одной съ нимъ обители?

Отвѣтъ. О семъ предметѣ нѣчто уже сказано. Но поелику вы желаете получить объ этомъ яснѣйшее понятіе (ибо каковъ Настоятель и Начальникъ, таковыми большею частію хотятъ быть и

подчиненные); то нужно изслѣдовать сей предметъ не поверхностно. Настоятель, памятуя наставленіе Апостола: *образъ буди вѣрнымъ* (1 Тим. 4, 12), долженъ представлять въ жизни своей ясное выраженіе всѣхъ заповѣдей Господнихъ, такъ чтобы не могъ подать никакого повода своимъ подчиненнымъ почитать исполненіе какой либо заповѣди Господней невозможнымъ, или ненужнымъ.

И во первыхъ, ему наипаче нужно, изъ любви ко Христу, столько преуспѣвать въ смиренномудріи, чтобы и тогда, какъ молчатъ уста его, примѣръ его жизни убѣдительнѣе всякаго слова вразумлялъ подчиненныхъ. Ибо если цѣль Христіанства состоитъ въ томъ, чтобы каждый, сообразно своему званію, уподоблялся Христу по Его человѣчеству; то тѣ, которымъ ввѣрено управленіе многочисленною братіею, должны своею дѣятельностію возбуждать слабѣйшихъ къ уподобленію Іисусу Христу, по примѣру блаженнаго Павла, который говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте*,

якоже и азъ Христу (1 Кор. 11, 1).— Итакъ Настоятели должны первые показать собою совершенный образецъ того, какъ достигать въ мѣру смиренномудрія, предписанную Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. *Научитеся отъ Мене*, говоритъ Онъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. 11, 29). Посему кротость и смиреніе сердца должны быть отличительною чертою Настоятеля. Ибо ежели Господь не постыдился служить рабамъ своимъ, но благоволилъ быть рабомъ земли и праха, который Онъ самъ создалъ, и образовалъ въ человѣка (*Азъ бо*, говоритъ Онъ, *посредѣ васъ есмь, яко служай*. Лук. 22, 27): то что иное должны мы дѣлать для равночестныхъ намъ, желая уподобиться Ему?—Таково первое качество, совершенно необходимое въ Настоятелѣ!—

Во вторыхъ, Настоятель долженъ быть благосердъ, и оказывать великодушную снисходительность къ тѣмъ, которые, по неопытности, погрѣшаютъ въ чемъ-либо противъ правилъ. Хотя онъ

не долженъ молча взирать на погрѣшности подчиненныхъ; но впрочемъ надлежитъ ему благодушно сносить поступки ослушниковъ, и съ кротостію мало по малу исправлять ихъ. Ему нужно быть искуснымъ въ изобрѣтеніи способовъ врачеванія, сообразныхъ свойствамъ болѣзни, и употреблять противъ согрѣшающихъ не жестокія порицанія, но кроткія внушенія и вразумленія, по Писанію (2 Тим. 2, 25). Онъ долженъ быть бдителенъ въ устроеніи настоящихъ дѣлъ, предусмотрителенъ въ отношеніи къ будущимъ, способенъ состязаться съ сильными, сносить немощи слабыхъ, и все дѣлать и говорить къ назиданію живущихъ съ нимъ. Не самовольно долженъ онъ присвоять себѣ Настоятельство, но долженъ быть удостоенъ онаго Начальниками другихъ братствъ, показавъ въ предшествовавшей жизни достаточный уже опытъ своего благонравія. *И сіи убо*, говоритъ Апостолъ, *да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще* (1 Тим. 3, 10). Кто имѣетъ такія качества, тотъ пусть пріемлетъ

Настоятельство, и устрояетъ благочиніе между братіею, назначая занятія, сообразныя способностямъ каждаго.

Вопросъ XLIV. Какимъ братіямъ должно позволять путешествовать, и какъ требовать отъ нихъ отчета, по возвращеніи ихъ?

Отвѣтъ. Позволеніе путешествовать надлежитъ давать тому, кто можетъ совершать путешествіе безъ вреда для души своей, и съ пользою для братіи. Если же нѣтъ человѣка способнаго къ сему; то лучше переносить всякую скорбь и тѣсноту, даже до смерти, отъ лишенія необходимыхъ потребностей, нежели, для удовлетворенія тѣлеснымъ нуждамъ, предать душу явной погибели. *Добрѣе мнѣ паче умрети*, говоритъ Апостолъ, *нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. 9, 15). И это сказалъ онъ касательно вещей, которыя отданы на произволъ человѣку; что же должно сказать о такихъ вещахъ, въ разсужденіи коихъ есть заповѣдь Божія?— Впрочемъ законъ любви и въ такой нуждѣ не оставляетъ безъ пособія. Ибо

если случится, что въ одномъ братствѣ не будетъ человѣка способнаго для отправленія въ путь; то сосѣднія обители должны помочь сему недостатку, дѣлая общія посольства, такъ чтобы путешествующіе всегда были не разлучны между собою, и въ такомъ общеніи сильнѣйшіе хранили бы немощныхъ душею и тѣломъ. Но и это должно быть дѣлаемо только въ томъ случаѣ, когда Настоятель заранѣе предусмотритъ, что инымъ образомъ совершенно нельзя помочь настоящей нуждѣ.

По возвращеніи путешественника, Настоятель долженъ потребовать отъ него отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, съ какими людьми имѣлъ сношенія, какіе велъ съ ними разговоры, какіе питалъ въ душѣ своей помыслы, каждый ли день и каждую ночь проводилъ въ страхѣ Божіемъ, не преступилъ ли, и не нарушилъ ли какого либо правила, по принужденію внѣшнихъ обстоятельствъ, или по собственной безпечности. Что путешествовавшій сдѣлалъ благочестно, то Настоятель долженъ подтвердить

своимъ одобреніемъ; а что учинилъ погрѣшительно, то исправить тщательнымъ и мудрымъ наставленіемъ. Чрезъ это и путешествующіе сдѣлаются осторожнѣе, памятуя о предстоящемъ имъ отчетѣ; и мы съ своей стороны докажемъ, что и во время отсутствія ихъ не престаемъ имѣть попеченіе о душахъ ихъ. Такой обычай былъ даже у Святыхъ, какъ видно изъ исторіи Дѣяній Апостольскихъ. Такъ на пр. Петръ, по возвращеніи своемъ въ Іерусалимъ, давалъ здѣсь бывшимъ тогда отчетъ въ своемъ общеніи съ язычниками (Дѣян. 11, 4). Такъ Павелъ и Варнава, возвратясь въ Іерусалимъ и собравъ Церковь, возвѣстили, что Богъ произвелъ чрезъ нихъ. *Умолча же все множество, и послушаху Варнавы и Павла повѣдающихъ, елика сотвори Богъ ими* (Дѣян. 15, 12). Вообще надлежитъ знать, что братія всячески должны избѣгать путешествій, занятій торговлею, и прибытковъ отъ корчемства.

Вопросъ XLV. О томъ, что кромѣ Настоятеля должно быть еще другое

лице, которое, во время его отсутствія или занятія дѣлами, могло бы имѣть попеченіе о братіи.

Отвѣтъ. Поелику часто случается, что Настоятель, или по причинѣ тѣлесной болѣзни, или по необходимости отлучки, или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ, оставляетъ братію: то съ одобренія его и другихъ, имѣющихъ на сіе право, долженъ быть избранъ другой кто либо, дабы въ отсутствіе Настоятеля, вмѣсто его, управлялъ братіею. Такимъ образомъ, одинъ только избранный пребывающимъ въ обители будетъ преподавать слово утѣшенія, и братство, въ небытность Настоятеля, не уподобится самоуправному народу чрезъ нарушеніе правилъ и введеннаго порядка; напротивъ все, что одобрено и предписано къ исполненію, будетъ соблюдаться во славу Божію. Онъ же и приходящимъ странникамъ долженъ давать благоразумные отвѣты, а такимъ образомъ и тѣ, которые ищутъ наставленія, получатъ надлежащее назиданіе, и братство не подвергнется посрамле-

нію. Ибо если бы всѣ братія вдругъ пустились въ разсужденія, то произошло бы смятеніе, и такое состояніе было бы признакомъ безпорядка. Апостолъ, даже удостоившимся дара поученія, не дозволяетъ вдругъ говорить многимъ: *если же другому будетъ откровеніе: то первый молчи* (1 Кор. 14, 30), и нелѣпость онаго безпорядка обличаетъ сими словами: *аще снидется Церковь вся вкупѣ, и вси языцы глаголютъ, внидутъ же и неразумивіи или невѣрніи, не рекутъ ли, яко бѣснуетеся* (ст. 23)?

Когда странникъ, по невѣденію, предложитъ вопросъ другому кому либо изъ братіи; то сей хотя бы и могъ, вмѣсто избраннаго лица, дать удовлетворительный отвѣтъ вопросившему, долженъ однакожъ, для соблюденія благочинія, самъ молчать, а указать ему того, кому поручено разрѣшеніе вопросовъ (какъ это дѣлали Апостолы въ присутствіи Господа), дабы такимъ образомъ и въ употребленіи слова сохраняемъ былъ правильный порядокъ и благоприличіе. Ибо ежели для врачеванія тѣлесныхъ болѣз-

ней не всякому позволено предписывать лѣкарство, или употреблять желѣзное орудіе; но только тому, кто долговременностію, собственнымъ опытомъ, упражненіемъ въ лѣченіи, и подъ руководствомъ другихъ свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ, пріобрѣлъ искуство врачеванія: то возможно ли, чтобы всякой, кто только захочетъ, принималъ на себя дѣло врачеванія, совершаемаго словомъ? Въ семъ случаѣ даже малѣйшая погрѣшность сопровождается величайшимъ вредомъ. Притомъ, гдѣ самое раздаяніе хлѣба дозволяется не всякому безъ разбора, но поручено бываетъ одному, избранному съ одобреніемъ на сію должность; тамъ не съ большею ли осторожностію и разборчивостію одинъ только наиспособнѣйшій долженъ раздавать духовную пищу требующимъ? Итакъ тотъ поступаетъ весьма дерзновенно, кто будучи вопрошенъ о судѣ Божіемъ, съ великимъ безстрашіемъ и безразсудствомъ отваживается самъ давать отвѣтъ, а не указываетъ того, кому ввѣрено назиданіе, и кто, какъ вѣрный во всемъ и благора-

зумный домоправитель (Лук. 12, 42), избранъ на то, дабы и духовную пищу раздавалъ въ свое время, и устроялъ, по Писанію, *словеса своя на судѣ* (Пс. 111, 5). Если же случится, что тотъ, кто долженъ давать отвѣты вопрошающимъ, не знаетъ чего либо, между тѣмъ извѣстно это другому; то сей пусть не спѣшитъ обличать его въ невѣжествѣ, но наединѣ сообщитъ ему свое мнѣніе. Ибо отъ сего въ низшихъ раждается гордость предъ высшими.. Посему, хотя бы кто и полезный далъ отвѣтъ, но не по праву, подлежитъ наказанію за нарушеніе порядка.

Вопросъ XLVI. О томъ, что не должно скрывать ни чужихъ, ни своихъ грѣховъ.

Отвѣтъ. Всякой грѣхъ, по заповѣди Господней, должны открывать Настоятелю или сами, учинившіе грѣхъ, когда они не могутъ врачевать самихъ себя,— или другіе, знающіе о грѣхѣ. Ибо сокрываемый грѣхъ есть тайная болѣзнь души. Если же мы не называемъ своимъ благодѣтелемъ человѣка, который внѣд-

ряетъ болѣзнь во внутренность нашего тѣла; а напротивъ почитаемъ таковымъ того, кто, не смотря на мученіе и разсѣченіе, выводитъ болѣзнь наружу, дабы, хотя и съ рвотою мы извергли изъ себя вредное, или вообще, открывши болѣзнь, удобнѣе излѣчились отъ ней: то по этому сокрывать грѣхъ, не иное что значитъ, какъ готовить больнаго къ смерти. Ибо, по слову Апостола, *жало смерти грѣхъ* (1 Кор. 15, 56); *обличенія откровенна лучше тайныя любве* (Прит. 27, 5). Итакъ мы не должны скрывать грѣховъ ни предъ другими (дабы, вмѣсто братолюбцевъ, не сдѣлаться братоубійцами), ни предъ самими собою. *Не изцѣляяй себе во своихъ дѣлахъ*, говоритъ премудрый, *братъ есть погубляющему себе самаго* (Прит. 18, 9).

Вопросъ XLVII. О тѣхъ, которые не пріемлютъ постановленій, сдѣланныхъ Настоятелемъ.

Отвѣтъ. Кто не пріемлетъ постановленій, сдѣланныхъ Настоятелемъ, тотъ долженъ открыто или наединѣ пред-

ставить ему возраженіе, если только имѣетъ въ виду неоспоримую причину, сообразную съ Писаніемъ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ въ молчаніи исполнять все, что повелѣно. Если же самъ онъ постыдится сдѣлать первое, то пусть употребитъ посредниками другихъ, дабы въ томъ случаѣ, когда постановленіе окажется противнымъ Писанію, онъ могъ и себя самаго и братію предохранить отъ вреда; а если окажется правильнымъ, то и себя избавилъ бы отъ неосновательной и опасной недовѣрчивости (*сомняяйся*, говоритъ Апостолъ, *аще ястъ, осуждается, зане не отъ вѣры* Рим. 14, 23), и другимъ простѣйшимъ не подалъ бы повода къ непокорности (*унѣе ему было бы*, говоритъ Господь, *аще жерновъ оселскій облежалъ бы о выи его, и вверженъ въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго* Лук. 17, 2). Если же нѣкоторые будутъ упорствовать въ непокорности, питая тайный ропотъ, но не обнаруживая впрочемъ своего недовольства; таковые, какъ виновники не-

строенія въ братствѣ, подрывающіе уваженіе къ заповѣдямъ, и какъ учители преслушанія и непокорности, должны быть изгнаны изъ общежитія. Ибо сказано: *изжени отъ сонмища губителя, и изыдетъ съ нимъ прѣніе* (Прит. 22, 11); и въ другомъ мѣстѣ: *измите злаго отъ васъ самѣхъ; яко малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 6. 13).

Вопросъ XLVIII. О томъ, что не должно любознательно изслѣдывать распоряженія Настоятеля, но каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ.

Отвѣтъ. Дабы не впасть кому либо въ недугъ недовѣрчивости, къ собственному и другихъ вреду, должно быть общимъ и первымъ закономъ въ братствѣ, чтобы никто не изслѣдывалъ любознательно распоряженій Настоятеля, и не вмѣшивался въ дѣла его, изключая только тѣхъ, которые и по своему достоинству, и по благоразумію ближе другихъ къ Настоятелю (таковыхъ людей онъ непремѣнно долженъ приглашать къ себѣ для совѣщанія и разсужденія о дѣлахъ, касающихся братства, слѣдуя

внушенію мудраго, который сказалъ: *безъ совѣта ничесоже твори* Сир. 32, 21). Если мы ввѣрили ему попеченіе о душахъ своихъ, какъ человѣку, который имѣетъ дать отчетъ въ нихъ предъ Богомъ: то вовсе безразсудно, не оказывать ему довѣрія въ вещахъ маловажнѣйшихъ, и самимъ питать неосновательныя подозрѣнія противъ брата, и другимъ подавать поводъ къ тому же. Итакъ, дабы не могло сего случиться, каждый долженъ пребывать въ томъ, къ чему призванъ, и совершенно посвятивъ себя исполненію своихъ обязанностей, не подвергать своему суду чужихъ дѣлъ, памятуя о святыхъ ученикахъ Господа, изъ коихъ ни одинъ, хотя бесѣда съ Самарянкою могла подать поводъ къ подозрѣнію, не сказалъ однакожъ: *чесо ищеши, или что глаголеши съ нею* (Іоа. 4, 27)? —

XVII.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО

СЛОВО

О молитвѣ Господней.

Отче нашъ, иже на небесѣхъ. Лук. 11, 2.

Когда великій Моусей приготовлялъ Израильтянъ къ принятію таинъ, открытыхъ на горѣ; то не прежде призналъ ихъ достойными явленія Божія, какъ предписавши всему народу совершить очищеніе, состоявшее въ соблюденіи чистоты и въ омовеніи. Впрочемъ и послѣ такого приготовленія Израильтяне не дерзнули быть созерцателями Божественной силы, но устрашились самыхъ признаковъ Богоявленія, — огня, мрака, дыма, трубнаго звука. Посему они, отступивъ отъ горы, умоляли законодателя, дабы онъ былъ посредникомъ ихъ и провозвѣстникомъ воли Божественной, потому что сами не могли

приблизиться къ Богу, и устоять при видѣ Божественнаго явленія. Напротивъ Законодатель нашъ и Господь Іисусъ Христосъ, дабы допустить насъ къ благодати Божіей, открываетъ намъ въ словѣ своемъ не Синайскую гору, покрытую мракомъ, и дымящуюся отъ огня; не трубные гласы, съ невнятными и страшными звуками; не соблюденіемъ тридневной чистоты и не водою, омывающею только скверны тѣлесныя, Онъ очищаетъ нашу душу; и не одному только человѣку,—оставивъ весь прочій сонмъ при подошвѣ горы,—повелѣваетъ взойти на ея вершину, окруженную мракомъ, сокрывающимъ Божію славу: но во первыхъ, вмѣсто горы, Онъ возводитъ людей на самое небо, указавъ имъ въ добродѣтели путь къ оному; во вторыхъ, содѣлываетъ ихъ не зрителями токмо, но и причастниками Божественной силы, такъ что приближающихся къ Богу вводитъ какъ бы въ родство съ Высочайшимъ Существомъ. Онъ не скрываетъ во мракѣ Божественную славу, дабы она не зрима была для желающихъ видѣть ее;

но всеозаряющимъ свѣтомъ своего ученія разгоняя мракъ, содѣлываетъ то, что чистые сердцемъ ясно созерцаютъ неизреченную славу. Онъ даруетъ намъ для очищенія воду, которая течетъ не изъ чуждыхъ источниковъ, но внутрь насъ самихъ струится; хотя бы кто назвалъ сею водою источники слезъ, изъ очей ліющіеся, хотя бы чистую совѣсть сердца. Заповѣдавъ избѣгать не токмо беззаконнаго сообщенія съ женами, но и всякаго чувственнаго и порочнаго вожделѣнія, Онъ такимъ образомъ чрезъ молитву приводитъ насъ къ Богу. Ибо такова сила словъ молитвы, что мы, произнося ихъ, не простые только издаемъ звуки, составляющіеся изъ сочетанія слоговъ, но получаемъ познаніе о восхожденіи къ Богу, которое совершается посредствомъ возвышенной дѣятельности. Самыя слова молитвы откроютъ намъ таинственный путь, ведущій къ Богу.

Егда молитеся, говоритъ Іисусъ Христосъ (Лук. 11, 2). Онъ не сказалъ: когда дѣлаете обѣтъ (εὔχησθε), но когда

молитеєь (προσεύχησθε), давая чрезъ это разумѣть, что мы должны исполнить обѣтъ прежде, нежели приступимъ съ молитвою къ Богу. Какое же различіе въ значеніи сихъ словъ? Обѣтъ (εὐχή) есть обѣщаніе посвятить Богу какой либо даръ по благочестивому усердію; а молитва (προσευχή) есть прошеніе у Бога благъ, съ покорностію возсылаемое къ Нему. Итакъ, поелику намъ нужно имѣть дерзновеніе, когда мы приступаемъ къ Богу съ прошеніемъ благъ: то необходимо должны прежде исполнить обѣтъ, дабы совершивъ оный, могли мы получить дерзновеніе предъ Богомъ и удостоиться Его милостей. Посему-то Пророкъ говоритъ: *совершу Тебѣ обѣты мои, которые произнесли уста мои* (Псал. 65, 13. 14); и еще: *полагайте и совершайте обѣты Господу Богу вашему* (Псал. 75, 12). Также изъ многихъ другихъ мѣстъ Писанія можно видѣть, что обѣтъ, какъ мы сказали, есть обѣщаніе принесть Богу благочестивый даръ; а молитва есть приближеніе къ Богу, слѣдующее за исполненіемъ обѣ-

та. Сіе изъясненіе научаетъ насъ тому, чтобы мы не прежде просили чего либо отъ Бога, какъ уже по принесеніи Ему благопріятнаго дара, то есть, обѣтъ долженъ предшествовать молитвѣ, точно такъ, какъ сѣяніе предшествуетъ собиранію плодовъ. Надлежитъ прежде посѣять сѣмена обѣта, а потомъ уже собирать и возрастшій отъ нихъ плодъ, пріемля сіе даяніе чрезъ молитву. Такимъ образомъ, если не возможно съ дерзновеніемъ молить Бога о дарованіи благъ, не принесши Ему предварительно обѣта и дара: то очевидно, что обѣтъ долженъ предшествовать молитвѣ. И вотъ, какъ бы уже исполнено было сіе условіе, Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: *егда молитеся, глаголите: Отче нашъ, иже на небесѣхъ.*

Кто дастъ мнѣ крылѣ, яко голубинѣ, сказалъ въ одномъ изъ Псалмовъ своихъ (Псал. 54, 8) великій Давидъ. Дерзну и я произнесть подобныя слова: кто дастъ мнѣ такія крылья, чтобы я могъ возлетѣть мыслію на выспреннюю высоту славы? чтобы могъ отрѣшиться отъ

всего земнаго, проникнуть сквозь весь воздухъ, разлитый между землею и небомъ, достигнуть прекраснаго эѳира, донестись къ звѣздамъ и узрѣть всю красоту ихъ? чтобы мнѣ не остановиться и на нихъ, но миновавъ ихъ, выступить за предѣлы всего движимаго и измѣняемаго, и приблизиться къ тому вѣчному Существу, къ той недвижимой, самобытной силѣ, которая всѣмъ управляетъ, которая хранитъ все существующее,—все, что только получило бытіе отъ неизреченной премудрости и Божественной воли? чтобы наконецъ, отвративъ сердце свое отъ всего преходящаго и измѣняемаго, съ твердымъ и непоколебимымъ дерзновеніемъ, вступить мнѣ въ духовное общеніе съ Существомъ непреходящимъ и неизмѣняемымъ, и тогда уже наименовать Его сладчайшимъ именемъ: *Отче!*

Въ самомъ дѣлѣ, произносящій сіе имя какую долженъ имѣть душу, какое дерзновеніе, какую совѣсть, чтобы уразумѣвъ, по возможности, Бога и неизреченную славу Его изъ усвояемыхъ Ему

наименованій, и познавъ, что Божественная природа есть сущая благость, святость, веселіе, сила, слава, чистота, вѣчность, всегда неизмѣнная, всегда сама себѣ подобная,—чтобъ изъ Божественнаго Писанія и посредствомъ собственнаго размышленія понявъ все, что только можно представить о Божественномъ Существѣ, — дерзнулъ онъ произнесть столь высокое имя, и столь великое Существо назвать своимъ Отцемъ? Такъ, если сей человѣкъ имѣетъ сколько нибудь смысла, то, не находя въ самомъ себѣ подобныхъ совершенствъ, не дерзнетъ вознесть къ Богу сего гласа, и сказать: *Отче!* Благій по естеству, очевидно, не можетъ быть Отцемъ существа злаго; Святый—Отцемъ не чистаго по жизни; неизмѣняемый—непостояннаго; Отецъ жизни—мертваго грѣхомъ; чистый и нескверный—зараженнаго нечистотою страстей; Благодѣтель—любостяжателя; словомъ: Тотъ, Кто обладаетъ всѣми совершенствами, не можетъ быть Отцемъ поработившихъ себя злу. Посему, ежели человѣкъ,

имѣющій еще нужду въ очищеніи, вникнувъ въ самаго себя, и находя порочную совѣсть свою исполненною скверны и обезображенною грѣхомъ,—ежели такой человѣкъ, прежде очищенія себя отъ столь многихъ и столь великихъ золъ, осмѣливается присвоять себѣ родство съ Богомъ, и неправедный Праведнаго, нечистый Чистаго именуетъ: *Отче!*— то очевидно, слова его суть дерзновенное богохульство. Онъ называетъ Бога Отцемъ собственной скверны, ибо наименованіе—*Отецъ* означаетъ причину того, что произошло отъ него. Итакъ, если человѣкъ, имѣющій порочную совѣсть, назоветъ Бога Отцемъ своимъ; то симъ обнаружитъ, что онъ почитаетъ Его началомъ и виною злыхъ дѣлъ своихъ. Но *кое общеніе свѣту ко тьмѣ?* вопрошаетъ Апостолъ (2 Кор. 6, 14). Нѣтъ, свѣтъ сообщается только со свѣтомъ, праведное съ праведнымъ, благое съ благимъ, нетлѣнное съ нетлѣннымъ. Противныя симъ свойства могутъ соединяться только съ однородными себѣ: ибо *не можетъ древо добро*

плоды злы творити (Мат. 7, 18). Итакъ, если человѣкъ, по выраженію Писанія, *тяжкосердый, и ищущій лжи*. (Пс. 4, 3), дерзаетъ произносить слова молитвы; то пусть таковый вѣдаетъ, что онъ призываетъ не небеснаго Отца, но духа преисподней, который и самъ лжецъ, и отецъ есть лжи, каждымъ изъ насъ произносимой; онъ есть грѣхъ, и отецъ грѣха. Посему тѣ, коихъ душа порабощена страстямъ, называются у Апостола *чадами гнѣва* (Еф. 2, 3); тотъ, кто отпалъ отъ жизни, именуется *сыномъ погибельнымъ* (Іоан. 17, 12); человѣкъ изнѣженный и женоподобный—сыномъ дѣвъ играющихъ. Напротивъ люди, имѣющіе чистую совѣсть, называются *чадами свѣта* (Еф. 5, 8), а утвержденные Божественною силою именуются сынами крѣпости.

Итакъ, когда Господь учитъ насъ въ молитвѣ называть Бога Отцемъ своимъ: то симъ самымъ предписываетъ намъ высокій образъ жизни. Ибо истина внушаетъ намъ, чтобъ мы не лгали, т. е. чтобы не называли себя тѣмъ, чѣмъ

не являемся на самомъ дѣлѣ, и не усвояли себѣ такого имени, которое намъ не прилично; но чтобы, именуя Отцемъ своимъ Нетлѣннаго, Праведнаго и Благаго, подтверждали истинность сего родства самою жизнію. Теперь видишь ли, какое требуется отъ насъ расположеніе, какая жизнь, какое тщаніе для того, дабы совѣсть наша получила высокое дерзновеніе взывать къ Богу: *Отче нашъ!* Но если ты стараешься о пріобрѣтеніи богатства; если преданъ житейскимъ суетамъ, или ищешь славы человѣческой; если порабощенъ чувственнымъ пожеланіямъ, и однакожъ произносишь устами своими сію молитву: то что, думаешь, скажетъ тебѣ Тотъ, Кто видитъ жизнь твою, и слушаетъ молитву? Мнѣ кажется, я слышу, что Господь вѣщаетъ къ тебѣ такъ: „и ты, растлѣнный по своей жизни, именуешь Отцемъ своимъ Отца нетлѣнія! Для чего нечистымъ гласомъ своимъ оскверняешь пречистое имя Мое? Для чего злоупотребляешь имъ? Для чего безславишь непорочное естество?—Если бы ты

былъ сынъ Мой, то жизнь твоя ясно отпечатлѣвала бы въ себѣ Мои совершенства. Но Я не узнаю въ тебѣ образа естества Моего. Твои свойства противоположны Моимъ свойствамъ. Какое общеніе между свѣтомъ и тьмою? Какое сродство у жизни съ смертію? Какое единеніе между чистымъ по естеству и нечистымъ? Велико разстояніе между благодѣтелемъ и любостяжателемъ; несовмѣстна противоположность между милостивымъ и жестокимъ: Другой есть отецъ злыхъ твоихъ качествъ; Мои чада украшаются свойствами Отца ихъ. Сынъ Милостиваго—милостивъ; сынъ Чистаго—чистъ; разтлѣнный чуждъ Нетлѣннаго; отъ Благаго раждается только благій; отъ Праведнаго—праведный. Но Я не знаю, откуда вы."—Итакъ нечистому по жизни опасно, произнося молитву, называть Бога Отцемъ своимъ.—

Но обратимся снова къ словамъ молитвы; можетъ быть, при частомъ повтореніи, мы проникнемъ сколько нибудь въ сокровенный смыслъ оныхъ.— *Отче нашъ, иже на небесѣхъ!* Достато-

чно уже выше показано нами, что человѣкъ посредствомъ добродѣтельной жизни долженъ приходить въ общеніе съ Богомъ. Но я думаю, въ словахъ молитвы скрывается еще иная глубочайшая мысль. Онѣ напоминаютъ намъ о томъ отечествѣ, изъ котораго мы низпали, о томъ высокомъ достоинствѣ, которое мы утратили.—Въ притчѣ о юношѣ, оставившемъ отеческій домъ и вдавшемся въ нечистую жизнь (Лук. 15, 11), Слово Божіе, въ видѣ повѣствованія, изображаетъ бѣдствіе человѣка, описывая удаленіе его отъ Бога и невоздержную жизнь, и не прежде возвращаетъ ему первобытное блаженство, какъ въ то время, когда онъ, ощутивъ бѣдственное свое положеніе, входитъ въ самаго себя, и произноситъ слова покаянія. Сіи слова, по значенію своему, имѣютъ нѣкоторое сходство со словами молитвы. Ибо въ оной притчѣ сынъ говоритъ: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою* (ст. 18). Онъ въ своемъ исповѣданіи, конечно, не упомянулъ бы о грѣхѣ противъ неба, если бы не былъ увѣренъ, что

небо, удалившись отъ коего онъ учинилъ грѣхъ, есть его отечество. И таковое искреннее исповѣданіе возвращаетъ ему любовь отца, такъ что сей самъ шечетъ на встрѣчу къ нему, падаетъ на выю его, лобызаетъ его (паденіемъ на выю и лобзаніемъ означается духовное иго, которое Евангельскою проповѣдію возлагается на человѣка, сложившаго съ себя древнее иго заповѣди, и оставившаго законъ, который данъ былъ ему въ руководителя), облекаетъ его не въ иную, но въ прежнюю одежду, отъ которой онъ обнажился чрезъ преслушаніе, и лишеніе коей ощутилъ тотчасъ по вкушеніи своемъ отъ запрещеннаго плода.—Перстень на рукѣ, вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ, указываетъ на возстановленіе образа Божія въ человѣкѣ. Наконецъ ноги сына покрываются обувію для того, дабы онъ не язвенъ былъ зміемъ, попирая его обнаженною стопою. — Итакъ, какимъ образомъ въ сей притчѣ виною отеческой любви къ юношѣ представляется возвращеніе его въ родительской домъ (а сей домъ есть небо, противъ

коего сынъ признаетъ себя согрѣшившимъ): такъ, я думаю, и Господь, научая насъ въ молитвѣ призывать Отца небеснаго, симъ пробуждаетъ въ насъ воспоминаніе о блаженномъ отечествѣ, дабы возродивъ въ душѣ пламенное желаніе благъ, поставить насъ на путь, ведущій къ оному. Путь же, ведущій человѣка къ небу, не можетъ быть иной, какъ только бѣгство и удаленіе отъ пороковъ. А удаленіе отъ пороковъ не иначе совершается, какъ чрезъ уподобленіе Богу. Уподобиться же Богу, значитъ сдѣлаться праведнымъ, святымъ и благимъ, и украситься другими подобными совершенствами. Кто напечатлѣлъ въ себѣ черты сихъ совершенствъ въ возможной ясности; тотъ легко и удобно преселится изъ земной жизни въ небесную страну. Поелику Божество не мѣстомъ отдѣлено отъ людей, такъ чтобы для насъ нужно было употреблять какую либо машину или искуство для перенесенія этой тяжелой, грубой и земной плоти въ невещественное и мысленное жилище, но отдѣляется духов-

но, какъ добро отъ зла: то человѣку нужно имѣть только твердую волю, чтобъ быть тамъ, куда влечетъ его сердце. Поелику же нѣтъ никакого труда избирать доброе, а за избраніемъ слѣдуетъ и достиженіе избраннаго: то ты тотчасъ будешь на небѣ, лишь только мыслію своею обымешь Бога. Если *Богъ на небеси* (Еккл, 5, 1), какъ говоритъ Екклезіастъ, и если ты, по слову Пророка, *прилѣпился Богу* (Псал. 72, 28): то очевидно, что соединившись съ Богомъ, ты находишься тамъ, гдѣ Богъ пребываетъ. Итакъ Іисусъ Христосъ, научая тебя въ молитвѣ называть Бога Отцемъ своимъ, симъ самымъ повелѣваетъ тебѣ уподобляться небесному Отцу богоугодною жизнію; что, въ другомъ мѣстѣ, еще яснѣе Онъ заповѣдуетъ, говоря: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. 5, 28).

Такимъ образомъ, если мы уразумѣли смыслъ Господней молитвы, то время и намъ благоустроить души свои такъ, чтобы съ дерзновеніемъ могли взывать и произносить сіи слова молитвы: *Отче*

нашъ, иже еси на небесѣхъ! Извѣстны признаки уподобленія Богу, кои всякаго могутъ содѣлать сыномъ Божіимъ: *елицы бо пріяша Его*, говоритъ Писаніе, *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоа. 1, 12); а Бога пріемлетъ въ себя тотъ, кто достигаетъ совершенства въ добрѣ. Равнымъ образомъ и злобное существо имѣетъ свои отличительные признаки, и кто запечатлѣнъ ими, тотъ не можетъ быть сыномъ Божіимъ, потому что носитъ на себѣ Богопротивный образъ. Ты хочешь знать свойства злобнаго существа? Зависть, ненависть, клевета, гордость, любостяжаніе, порочныя пожеланія, недугъ тщеславія: вотъ черты, составляющія образъ противника Божія!—Итакъ, если человѣкъ съ душею, оскверненною сими пороками, будетъ призывать отца: то какой отецъ услышитъ его? Конечно тотъ, который имѣетъ сродство съ призывающимъ; а этотъ отецъ не небесный, но преисподній. Ибо съ кѣмъ человѣкъ имѣетъ сходство, тотъ естественно узнаетъ въ немъ свои собствен-

ные признаки. Слѣдственно молитва порочнаго человѣка, доколѣ онъ пребываетъ во злѣ, есть призываніе діавола. Напротивъ кто отринулъ зло, и живетъ для добродѣтели, тотъ гласомъ своимъ призываетъ благаго Отца. Посему, приступая къ Богу, мы прежде всего должны обратить вниманіе на жизнь свою, и разсмотрѣть, имѣемъ ли мы что либо достойное общенія съ Богомъ; а потомъ уже съ дерзновеніемъ возносить къ Нему оную молитву. Ибо Заповѣдавшій намъ называть Бога своимъ Отцемъ не благоизволилъ, чтобъ мы говорили ложь. Итакъ, кто провождаетъ жизнь приличную причастнику естества Божественнаго; тотъ смотритъ прямо на градъ небесный, называетъ Отцемъ своимъ Царя небесъ, и отечествомъ-небесное блаженство.

Какая же цѣль сего разсужденія? Та, чтобы мы помышляли о горнемъ, гдѣ пребываетъ Богъ; чтобы тамъ полагали основанія жительства своего; туда собирали свои сокровища; туда устремляли сердце свое (ибо гдѣ сокровище, тамъ и

сердце); чтобы непрестанно созерцая красоту Отца нашего, по образу ея, украшали и собственную душу.—*Нѣсть на лица зрѣнія у Бога* (Рим. 2, 11), говоритъ Писаніе: да не будетъ таковой нечистоты и въ твоемъ образѣ. Божество непричастно зависти и другимъ порокамъ: и тебѣ не должно имѣть ни ненависти, ни гордости, словомъ, ничего такого, что оскверняетъ Богоподобную красоту. И ежели ты уже достигъ сей чистоты; то дерзай именовать Бога сладчайшимъ именемъ, и Господа всяческихъ называть Отцемъ своимъ. Онъ воззритъ на тебя отеческими очами, облечетъ тебя въ Божественную одежду и украситъ руку твою перстнемъ, обувію Евангелія покроетъ ноги твои и уготовитъ ихъ къ восхожденію въ горняя; Онъ приведетъ тебя въ небесное отечество о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

XVIII.

СВЯТАГО ВАРСАНУФІЯ И ІОАННА, УЧЕНИКА И СПОДВИЖНИКА ЕГО, ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ.

Нѣкоторый братъ просилъ великаго Старца помолиться за него, дабы Богъ даровалъ ему духовное преспѣяніе.

Отвѣтъ. Братъ мой! моли благость Того, Который *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4), дабы Онъ даровалъ тебѣ духовное бодрствованіе, возжигающее духовный *огнь*, который *пришелъ низвесть на землю* Владыка неба и земли (Лук. 12, 49). Вмѣстѣ съ тобою, по силамъ своимъ, буду молиться и я, дабы сей даръ получилъ ты отъ Бога, подающаго всѣмъ, неотступно просящимъ, благодать свою, которая пришедши наставитъ тебя на истину. Ибо она просвѣщаетъ очи, исправляетъ умъ

прогоняетъ сонъ унынія и нерадѣнія, очищаетъ оружіе, заржавевшее въ землѣ лѣности, вымываетъ одежду, зачернѣвшую въ плѣну враговъ, заставляетъ возненавидѣть скверную пищу ихъ, и возжелать насытиться духовной жертвы, пожертой Великимъ Архіереемъ нашимъ. Сія-то жертва, по прозрѣнію Пророка, очищаетъ грѣхи, изглаждаетъ беззаконія, плачущихъ утѣшаетъ, смиреннымъ даетъ благодать, достойными пріемлется, и чрезъ нее наслѣдуютъ они жизнь вѣчную о имени Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Тотъ же братъ просилъ великаго Старца помолиться за него, дабы удостоиться ему мертвенности Іисусовой.

Отвѣтъ. Съ радостію прошу Господа совершить всякое благое ваше прошеніе, и вѣрую, что Онъ совершитъ. Ибо не ложенъ Тотъ, Кто сказалъ: *просите и дастся вамъ* (Мат. 7, 7). Итакъ да исполнитъ Господь прошенія ваши. Аминь. Впрочемъ не будь и самъ беззаботенъ, но потрудись нѣсколько; ибо ищущіе у Царя высокаго достоинства, хотя и мно-

гихъ имѣютъ ходатаевъ, однакожъ и сами подвергаются скорбямъ, бѣдствіямъ и трудамъ, пока не получатъ желаемаго. Равнымъ образомъ и ты понеси хотя не большой трудъ, чтобы обрѣсть тебѣ великую милость. *Много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема* (Іак. 5, 16). Скажи и живущему съ тобою, возлюбленному о Господѣ брату, который всегда тебя вразумляетъ, и чрезъ это оказываетъ тебѣ великую милость, чтобы онъ не ослабѣвалъ въ наказаніи; ибо, *егоже любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. 12, 6). Цѣлую всѣхъ васъ о Господѣ, и прошу молиться за меня любви ради.

Тотъ же братъ просилъ молитвъ великаго Старца, дабы избавиться ему ветхаго человѣка.

Отвѣтъ. Послушай, братъ возлюбленный, и приклони сердце твое къ уразумѣнію возвѣщаемыхъ тебѣ Божественныхъ глаголовъ, которые происходятъ не отъ человѣка, но отъ Духа Святаго. Іисусъ есть врачь душъ и тѣлесъ; ежели ты имѣешь язвы, я тебя введу къ

Нему, и буду просить Его, дабы Онъ изцѣлилъ тебя, если только ты самъ сего пожелаешь. Онъ есть податель всѣхъ благихъ даровъ, и потому можетъ подать тебѣ не только то, чего ты просишь, но и болѣе. Іисусъ, Сынъ Божій, есть и сила и премудрость и свѣтъ; Онъ воплотился отъ Святыя Дѣвы Маріи, явился на землѣ, пожилъ съ человѣками, и принесъ за насъ Самаго себя въ жертву живую, угодную Богу и Отцу, дабы содѣлать насъ *себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14), *Царское священіе, языкъ святъ* (1 Пет. 2, 9). Претерпѣвши за насъ страданія, Онъ оставилъ намъ образъ терпѣнія, и радуется, когда мы просимъ Его. Я прошу Его просвѣтить сердце твое, впрочемъ трудись и ты, подвизайся даже до пота лица своего. Ибо Сынъ Божій говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мат. 11, 28). Итакъ прося о тебѣ, я приступаю къ Нему съ дерзновеніемъ многимъ. Но если и самъ ты не приступишь къ Нему, то великій

стыдъ будешь. Іисусъ никого не отвергаетъ, Онъ и въ одиннадцатый часъ нанимаетъ дѣлателей въ вертоградъ свой. Приди къ Нему и потрудись нѣсколько, дабы и тебѣ получить награду наравнѣ съ другими. Сынъ Божій содѣлался для тебя человѣкомъ, содѣлайся и ты для Него существомъ благимъ. Богъ даровалъ тебѣ умъ, отдай его обратно Богу, возведи оный на небо, ища вышнихъ, помышляя о горнемъ, гдѣ Онъ самъ обитаетъ. Я буду молить Его, дабы ты поселился тамъ со всѣми любящими имя Его. Симъ только образомъ каждый изъ насъ свобождается отъ ветхаго человѣка!—

Іисусъ сказалъ Апостоламъ: *вы есте соль земли* (Мат. 5, 13); а тѣло названо въ Писаніи землею: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19). Будь для самаго себя солію, осоляя и изсушая гнилости, и тѣмъ истребляя червей, т. е. злые помыслы. Если ты будешь сіе дѣлать, то и я, вмѣстѣ съ тобою, стану трудиться и осолять, дабы не

было зловонія, и другіе не гнушались нами.

Богъ и Спаситель нашъ хочетъ нашего спасенія; впрочемъ намъ и самимъ должно непрестанно взывать: „спаси насъ, Господи,“ и спасемся. Ибо нѣкоторые такъ взывали, и вошли *въ пристанище хотѣнія Его* (Псал. 106, 30), куда, надѣюсь, и ты войдешь, ежели ввѣришь себя посильному моему руководству. Размысли о сказанномъ, и послѣдуя сему наставленію, достигнешь желаемаго, какъ говоритъ Апостолъ: *тако текште, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Молись о мнѣ, братъ мой, дабы не подпасть мнѣ осужденію за то, что учу, а не дѣлаю.

Вопросъ того же брата, предложенный тому же Старцу, о различныхъ помыслахъ и совершенствѣ пути Божія.

Отвѣтъ. Все, что ты написалъ, братъ забывчивый, прося Бога чрезъ мое недостоинство, клонится къ тому, дабы совлещись ветхаго человѣка, и получить со всѣми Святыми Царствіе Божіе. Ибо такова, какъ я сказалъ, должна быть

цѣль наша, чтобы свободиться и очиститься отъ ветхаго человѣка, и получить освященіе души и тѣла. Побуждаемый любовію къ тебѣ, я прошу о семъ Бога болѣе, нежели ты самъ, и если ты не воспрепятствуешь сему своимъ уныніемъ и нерадѣніемъ, то прославишь Бога и удивишься, какъ Онъ приведетъ тебя изъ небытія въ бытіе. Богъ проститъ тебѣ и настоящія и будущія прегрѣшенія.

Касательно ночныхъ мечтаній скажу тебѣ, что діаволъ по зависти искушаетъ тебя ими. Ты приносишь Богу покаяніе, а духъ злобы хочетъ увѣрить тебя, что и всемощное покаяніе безполезно; но ты не уступай ему, ибо въ молитвахъ святыхъ мужей имѣешь великую помощь. Ежели согрѣшишь противъ кого либо словомъ или дѣломъ, заботься о томъ, дабы притти къ нему съ признаніемъ. Богъ, видя это, защититъ тебя отъ всѣхъ враговъ твоихъ.

О совершенствѣ же пути Божія теперь говорить нельзя, дабы не возродить въ тебѣ унынія. Но вѣруй, что

Богъ спасаетъ насъ туне, чрезъ молитвы Святыхъ; ибо они только могутъ умолять Его. Молись о мнѣ, братъ мой!

Вопросъ того же брата, предложенный тому же Старцу, о уныніи и нѣкоторыхъ другихъ помыслахъ.

Отвѣтъ. Единъ Богъ безгрѣшенъ, спасающій уповающихъ на Него. Да укрѣпитъ Онъ любовь твою, чтобы *преподобіемъ и правдою ты служилъ Ему вся дни живота своего* (Лук. 1, 75), въ храмѣ жертвеннаго олтаря внутренняго человѣка, гдѣ приносятся Богу духовныя жертвы,—злато, ливанъ и смирна; гдѣ закалается телецъ упитанный, и изливается честная кровь непорочнаго Агнца; гдѣ слышатся согласныя пѣнія Святыхъ Ангеловъ: *тогда возложатъ на олтарь твой телцы* (Псал. 50, 21). Когда же тогда? Когда придетъ Господь нашъ, великій Архіерей, приносящій и приносимый въ безкровной жертвѣ; когда о имени Его въ ушахъ хромаго, сидящаго при красныхъ дверяхъ, слышанъ будетъ радостный гласъ: *востани и ходи.* Тогда онъ войдетъ въ храмъ, *ходя и скача и*

хваля Бога (Дѣян. 3, 6. 8), тогда престанетъ сонъ унынія и невѣденія; тогда стрясется съ очей дреманіе лѣности; тогда пять мудрыхъ дѣвъ возжгутъ свои свѣтильники и внидутъ съ женихомъ въ святый чертогъ, безъ смущенія согласно воспѣвая: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 38, 9); *блаженъ мужъ, иже уповаетъ нань* (Пс. 33, 9). Тогда престанутъ брани и мятежи, водворится святый миръ Святыя Троицы, запечатается сокровище, и навсегда пребудетъ цѣлымъ. Молись, чтобы ты уразумѣлъ сіе, и возрадовался о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Вопросъ того же брата, предложенный тому же Старцу, о преспѣяніи души.

Отвѣтъ. Повѣрь мнѣ, братъ любезнѣйшій, что ты, при помощи Божіей, находишься не внѣ вратъ Царства небеснаго. Но стани добрѣ, со тщаніемъ внимая самому себѣ, дабы не быть оттуда изгнаннымъ. Ибо отъ Бога зависитъ ввесть туда человѣка, внявши молитвамъ Святыхъ своихъ; а отъ чело-

вѣка зависитъ утвердиться тамъ, или быть оттуда изгнаннымъ. По волѣ Божіей, я постепенно веду тебя на высоту совершенства. Итакъ благодушествуй о Господѣ, неослабно шествуй путемъ Его, и получишь отъ Него помощь о имени Его.

Вопросъ того же брата, предложенный другому Старцу: что дѣлать начавшему безмолвствовать, когда имя его сдѣлается славнымъ, дабы не понести вреда отъ того, что совсѣмъ отъ него не зависитъ? Ибо Отцы сказали: горе тому человѣку, котораго имя славнѣе, нежели дѣла! Притомъ, нужно ли безмолвствующему съ кѣмъ нибудь имѣть общеніе, или совершенно ни съ кѣмъ?

Отвѣтъ. Стяжать имя, или славу о своихъ дѣлахъ, ни мало не вредно тому, кто не прельщается сею славою, и совсѣмъ иначе о себѣ мыслитъ, нежели другіе, прославляющіе его, также какъ и для оклеветываемаго въ убійствѣ, который вовсе невиненъ въ ономъ. Прославляемый другими долженъ помышлять

самъ въ себѣ: „вотъ какое люди имѣютъ обо мнѣ мнѣніе; а я совсѣмъ не таковъ!"— Чтожъ касается до того, чтобы съ нѣкоторыми имѣть общеніе, а съ нѣкоторыми не имѣть его, однихъ принимать, а другимъ отказывать,—сіе показываетъ то, что мы хотимъ судить людей. Кто хочетъ быть безпечаленъ (по неразумію моему говорю); тотъ хорошо сдѣлаетъ, ежели признаетъ свою немощь.

Вопросъ того же брата, предложенный великому Старцу: прошу тебя, честный Отецъ, снизойди моей немощи: ежели кто изъ Отцевъ захочетъ придти въ келью прочесть мнѣ молитву, позволь мнѣ принимать его; ибо я чувствую тяжесть унынія, доколѣ Господь, вашими молитвами, не укрѣпитъ тѣлесныхъ и душевныхъ моихъ силъ.

Отвѣтъ. Молю любовь твою, братъ мой, не думай о мнѣ высоко; ибо я несмысленъ и превозношусь, между тѣмъ мнѣ бы надлежало имѣть увѣренность,

что я стою внизу. „Снизойди", говоришь ты, и симъ показываешь, что я стою на высотѣ, вверху. Но ужели не знаешь, что стоящій на высотѣ можетъ быть поставленъ ниже всякаго человѣка? Стоящему же внизу некуда снизойти.

Ты имѣешь наставленіе Святаго Апостола, который говоритъ: *вся искушающе: добрая держите* (1 Сол. 5, 20). Всякое дѣло, которое совершаетъ человѣкъ въ страхѣ Божіемъ, приноситъ пользу душѣ его. Итакъ, если приноситъ тебѣ пользу общеніе съ другими, я не препятствую твоей пользѣ, и не могу препятствовать; ибо самъ окаяннѣйшій есмь изъ всѣхъ, которые приходятъ молиться къ тебѣ, и приносятъ тебѣ пользу. Посему будешь ли ты имѣть общеніе, или не будешь, Господь Іисусъ да укрѣпитъ искреннюю любовь твою. Твоя польза составляетъ для меня радость. Имѣя же общеніе съ приходящими къ тебѣ Святыми, проси ихъ молиться и за меня любви ради, дабы и собственныя мои за себя молитвы были благоуспѣшнѣе. Моя мысль такова, что

и общеніе во имя Божіе полезно, и уединеніе во имя Божіе также полезно. Будь здоровъ.

Прошеніе того же брата, предложенное тому же великому Старцу, касательно молитвы и совершеннаго безмолвія.

Отвѣтъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Благословеннаго и Вышняго Бога, да укрѣпитъ и содѣлаетъ васъ достойными принятія Святаго Духа Его, Который своимъ пришествіемъ да научитъ васъ всему, да просвѣтитъ сердца ваши, и наставитъ васъ на истину, чтобы мнѣ увидѣть васъ, подобно финикамъ, цвѣтущими въ раю Божіемъ; да будете, какъ маслина плодовитая, посреди Святыхъ; какъ лоза плодоносная на нивѣ Божіей, вся истинная. Да удостоитъ васъ Господь испить отъ источника премудрости; ибо тѣ, которые пили отъ него, свободились отъ страстей, совлекшись ветхаго человѣка, и отъ источника премудрости перешли къ иному источнику,—къ источнику любви никогда не престающей. Возвы-

сившись на сію степень совершенства, они пріобрѣли неизмѣнное и постоянное блаженство, содѣлавшись всѣ умомъ, всѣ окомъ, всѣ жизнію, всѣ свѣтомъ, всѣ совершенствомъ, всѣ Богомъ; потрудились, возвеличились, прославились, просвѣтились, оживотворились, бывъ прежде мертвыми; они теперь радуются и радуютъ,—радуются о нераздѣльной Троицѣ, и радуютъ вышнія Силы. Возжелайте чина ихъ, теките путемъ ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ, стяжите смиреніе ихъ, терпѣніе во всемъ, дабы и вамъ получить наслѣдіе ихъ. Пріобрѣтите любовь ихъ, которая никогда не отпадала, дабы наслѣдовать неизглаголанныя блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9). Касательно безмолвія скажу тебѣ, что ты долженъ еще нѣсколько упражнять себя въ ономъ, и Господь сотворитъ съ тобою милость свою.

Вопросъ того же брата, предложенный тому же Старцу, о томъ, позволитъ ли онъ сохранять ему совершенное безмолвіе.—

Отвѣтъ. О безмолвіи я сказалъ любви твоей, братъ возлюбленный, чтобы ты еще подождалъ нѣсколько, и сказалъ это не потому, чтобы не хотѣлъ допустить тебя до сего совершенства: да не будетъ! Напротивъ я желаю и прошу Бога, дабы Онъ даровалъ тебѣ и еще большее совершенство. Ибо преспѣяніе ваше есть великая для меня радость. Но дарованія духовныя ниспосылаются отъ Бога въ свое время. Онъ самъ призываетъ, и помогаетъ, и сохраняетъ; ибо Писаніе говоритъ: *не хваляй себе сей искусенъ, но егоже Богъ восхваляетъ* (2 Кор. 10, 18). Итакъ, если ты хочешь созидать себѣ домъ, приготовь прежде матеріалы, и все прочее, что къ сему нужно, а потомъ призови художника, чтобы онъ началъ строеніе. Къ строенію же потребна твердая вѣра—для сооруженія стѣнъ. Нужны деревянныя свѣтлыя оконницы, сообщающія солнечный свѣтъ для освѣщенія дома, дабы не было въ немъ никакой темноты. Сіи оконницы означаютъ пять чувствъ, утвержденныхъ въ честномъ крестѣ Христовомъ, чрезъ кои

проходитъ свѣтъ умнаго солнца правды, и не оставляетъ никакой темноты въ домѣ, т. е. темноты врага, ненавидящаго добро. Далѣе, ты долженъ покрыть кровлею домъ свой, да *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію* (Псал. 120, 6). Кровлею можно назвать любовь къ Богу, которая, покрывая домъ, никогда не падаетъ, и не допускаетъ *зайти солнце во гнѣвѣ нашемъ* (Ефес. 4, 26), дабы не увидѣть его намъ обличителемъ въ день судный, жгущимъ насъ въ огнѣ геенскомъ, ни луну не допускаетъ быть свидѣтелемъ нощнаго унынія и лѣности нашей. Наконецъ домъ долженъ имѣть дверь, вводящую и ограждающую живущаго въ домѣ. Когда я говорю дверь, ты разумѣй, братъ мой, подъ чувственною, умную дверь Сына Божія, говорящаго о себѣ: *Азъ есмь дверь* (Іоан. 10, 9). Если, такимъ образомъ, ты приготовишь домъ свой, т. е. когда въ немъ не будетъ ничего ненавистнаго Сыну Божію, то Онъ придетъ къ тебѣ съ благословеннымъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, сотворитъ обитель у тебя, нау-

читъ тебя тому, что есть безмолвіе, и исполнитъ сердце твое радостію неизглаголанною.

Прошеніе тогоже брата, предложенное томуже Старцу, касательно молитвы и наставленія въ добродѣтельной жизни.

Отвѣтъ. Богъ нашъ Іисусъ Христосъ да просвѣтитъ очи сердца твоего, вожделѣннѣйшій и любезнѣйшій сынъ мой! дабы возсіялъ въ нихъ свѣтъ святыя, единоначальныя и животворящія Троицы, и дабы ты уразумѣлъ чудныя Его таинства, возрадовался вѣчною радостію, изшелъ изъ Египта, разсѣкъ море жезломъ, избѣжалъ рукъ мысленнаго Фараона, прославилъ Бога, принося и снѣдая пасху во святыни, т. е. исполнивши уста свои святою и пречистою Его кровію, и притомъ имѣя препоясанныя чресла, держа жезлъ въ чистыхъ рукахъ, и нося сапоги на ногахъ. Да напитаешься ты небесною манною, приносимою служебными тебѣ облаками, да не обветшаетъ одежда твоя, ниже возрастутъ волосы на головѣ твоей, но да очиститъ-

ся сердце твое къ принятію закона Господня. Да сокрушишь ты, посреди людей твоихъ, изліяннаго тельца, да поглотитъ земля враговъ твоихъ, противоборствующихъ тебѣ, да возобладаешь надъ Царями Амморейскими, да изгонитъ Господь семь народовъ отъ лица твоего, и да наслѣдуешь землю ихъ во вѣки. Да прейдешь ты Іорданъ силою Божественнаго чудодѣйствія, да возмешь градъ Финикійскій, и спасешь Раавъ блудницу, увѣровавшую въ Бога твоего, да насѣешь и насадишь, и насытишься плодами, и прославишь Бога, даровавшаго тебѣ свою милость. Да не будетъ тебѣ Богъ инъ, поелику ты будешь святъ предъ Богомъ своимъ; и иноплеменники да не опустошатъ земли твоей, поелику ты будешь страшенъ для нихъ. Да убьешь ты Голіафа, чтобы царствовать вмѣстѣ съ Давидомъ, и скинешь ветхое, нашедши новое. Да вѣруешь во Христа, дабы съ Нимъ сораспяться, умереть, быть погребеннымъ, и наконецъ востать свѣтло, вознестись отъ земли славно, сожительствовать съ Нимъ вѣчно. Умяг-

чи сердце твое, и умягчится. Ибо смотря по тому, сколько ты умягчишь его, столько и помышленія свои увидишь устремленными въ жизнь вѣчную о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

Нѣкоторый Отецъ, изъ числа Пресвитеровъ, много потрудившись въ пустынахъ, и наконецъ вознамѣрившись безмолвствовать въ обители, спрашивалъ другаго Старца: Какъ должно начать безмолвіе?

Отвѣтъ. Іоаннъ Креститель сказалъ Владыкѣ нашему, Христу Богу: *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* (Матѳ. 3, 14). Впрочемъ хорошо вздумала святость твоя вразумить насъ собственнымъ смиреніемъ, дабы хотя этимъ заставить насъ устыдиться и признаться въ страстяхъ своихъ. Ибо *безъ всякаго прекословія, меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7). Итакъ ты долженъ меня врачевать. Ибо ты Пресвитеръ, Священникъ Божій, духовный врачь; ты, будучи призываемъ помазать елеемъ больныхъ, и врачуя ихъ отъ тѣлесной бо-

лѣзни, вмѣстѣ съ помазаніемъ подаешь имъ и отпущеніе грѣховъ. А я, не причтенный къ клиру, по недостоинству моему (ибо цвѣтъ бѣлыхъ волосъ моихъ не остановилъ во мнѣ юношескихъ пожеланій), какъ могу подавать совѣты высшему себя? Ежели бы вопрошающій былъ равный мнѣ; то моя говорливость не позволила бы мнѣ молчать, но непремѣнно заставила бы дать отвѣтъ; ибо я имѣю неудержимый языкъ. Я сказалъ бы ему, что какъ отрокъ, начиная съ нисшихъ наукъ, восходитъ къ высшимъ; такъ и ты, сказалъ бы я ему, будь въ молчаніи пять дней, и потомъ вступай въ общеніе съ братіею два дня. И ежели будетъ пріятно Богу твое молчаніе, т. е. ежели будешь знать, съ какою цѣлію ты предпринялъ оное, то избѣгнешь сѣтей, поставляемыхъ демономъ тщеславія. Человѣкъ, знающій то, за чѣмъ онъ пришелъ въ городъ, о своемъ дѣлѣ только и думаетъ, и ни къ чему болѣе не обращаетъ своего сердца; ибо боится, дабы не забыть того, за чѣмъ онъ пришелъ. Прости мнѣ, Отче,

что я не могу ничего болѣе сказать тебѣ, и молись о мнѣ, Господа ради; ибо я несмысленъ и въ словѣ и въ дѣлѣ.

Одинъ братъ спросилъ Авву Іоанна о нѣкоторомъ дѣлѣ, и получивъ отвѣтъ, съ тѣмъ же вопросомъ отнесся къ Аввѣ Варсануфію, скрывши отъ него, что онъ спрашивалъ уже другаго Старца. Варсануфій отвѣчалъ ему: „что сказалъ тебѣ братъ Іоаннъ, то и дѣлай."—Спустя нѣсколько, случилось еще тому же брату спросить нѣчто у Аввы Іоанна, и онъ, получивши отъ него отвѣтъ, опять спрашивалъ о томъ же Авву Варсануфія. Старецъ отвѣчалъ ему: „довольно съ „тебя сказаннаго отвѣта; у Варсануфія „и Іоанна одинъ Богъ."—Послѣ сего оный братъ не спрашивалъ уже обоихъ объ одномъ и томъ же, довольствуясь отвѣтомъ одного изъ нихъ.—

XIX.

ВЗГЛЯДЪ НА НЫНѢШНИХЪ ІУДЕЕВЪ.

Благодареніе Богу! дерзость вольнодумцевъ еще не простерлась до того, чтобы усомниться въ произхожденіи нынѣшнихъ Іудеевъ отъ тѣхъ самыхъ Израильтянъ, которыхъ Моисей вывелъ изъ Египта. Благодареніе Богу и за то, что Онъ доселѣ хранитъ народъ сей, какъ живой памятникъ глубочайшей древности! Существованіе потомковъ Іакова въ наше время, и притомъ въ великомъ множествѣ, есть явленіе необыкновенное.

Не будемъ говорить о временахъ отдаленной древности; замѣтимъ только, что въ теченіе послѣднихъ 18-ти вѣковъ произошли на землѣ многія и чрезвычайныя перемѣны. Что осталось отъ тѣхъ Грековъ, которые славились своимъ просвѣщеніемъ? Гдѣ воинственные Римляне, коихъ мечь сдѣлалъ властителями

свѣта? Великія Монархіи пали, могуще-ственные народы истребились, цѣлыя племена изчезли. Нынѣ все измѣнилось: иные нравы, иные обычаи, иная вѣра. Одни только Іудеи остались такими же, какими были издавна, съ прежними отличительными чертами своихъ предковъ, съ прежними понятіями и нравами, съ прежними надеждами и ожиданіями, съ прежнею привязанностію къ своей Религіи. Будучи разсѣяны по всѣмъ частямъ свѣта, они не имѣютъ теперь ни постояннаго мѣстопребыванія, ни Царей изъ своего племени, ни собственныхъ гражданскихъ постановленій; живутъ во всѣхъ климатахъ, между всѣми народами, посреди всѣхъ вѣроисповѣданій, покаряясь иноземнымъ Правителямъ и иноземнымъ законамъ. Однакожъ, не смотря на все это, жидъ за Китайскою стѣною и въ Амстердамѣ, жидъ въ Монголіи и Польшѣ, въ Египтѣ и Трансильваніи,- существенно одинаковъ. Тамъ и здѣсь тотчасъ можно узнать его; тотчасъ можно примѣтить въ немъ отличительныя черты древняго Іудеанина.

Можно ли найти другой народъ, который, не взирая на свое разсѣяніе, въ продолженіе слишкомъ 18-ти вѣковъ сохранилъ бы свой народный характеръ, свои народныя понятія, свои народные обычаи?

Не упоминая о Вавилонскомъ плѣненіи, и о тѣхъ притѣсненіяхъ, кои терпѣли Іудеи отъ Царей Сирійскихъ, вспомнимъ только, какія усилія употребляли Греки и Римляне къ ослабленію и уничтоженію ихъ. Отъ начала возмущеній, т. е. съ пятаго года по вознесеніи Іисуса Христа, до окончательнаго разрушенія Іерусалима, считаютъ не менѣе 2-хъ милліоновъ Іудеевъ, кои погибли отъ меча побѣдителей въ Іерусалимѣ, Александріи, Кесаріи, Скиѳополѣ, Селевкіи, Аскалонѣ, Дамаскѣ и Птоломаидѣ, не включая въ сіе число 97-ми тысячь, взятыхъ въ плѣнъ побѣдоноснымъ Титомъ. Сіи плѣнники частію были умерщвлены его воинами, а частію погибли на общенародныхъ зрѣлищахъ въ Римѣ и провинціяхъ, отъ руки мечебойцевъ и ярости дикихъ звѣрей. Но и послѣ сихъ бѣдствій, возмутительный духъ Іудеевъ, поднимавшихъ всюду

знамя бунта, заставилъ Трояна и Адріана выслать противъ ненавистнаго имъ народа свои Легіоны,—и Іудеи Палестинскіе, Египетскіе и Месопотамскіе потерпѣли въ это время ужасныя пораженія. Нѣкоторые изъ Писателей думаютъ, что при семъ случаѣ потеря ихъ простиралась до 4-хъ милліоновъ. a)

Разсѣяніе, преслѣдованіе и многократныя пораженія, по обыкновенному порядку вещей, ведутъ народъ къ окончательному его истребленію; но всѣ сіи мѣры относительно Іудеевъ были не дѣйствительны. Чему должно приписать продолжающееся до нынѣ существованіе Іудейскаго народа? Чудному дѣйствію Промысла, который чрезъ столько вѣковъ сохраняетъ сей народъ, какъ живой памятникъ, въ непрерѣкаемое свидѣтельство истинности небеснаго слова! Обращая взоръ на современныхъ намъ Іудеевъ, дѣйствительно нельзя не притти къ тѣмъ заключеніямъ, кои посрамляютъ невѣріе и вольнодумство, и даютъ но-

a) См. Zugaben zur Philosophie der Religion 1787. 3 B. 361 s.

вую твердость Божественной нашей Религіи.

Хотя бы въ настоящее время и не существовалъ уже тотъ народъ, которому Моисей далъ нѣкогда гражданское благоустройство, предписавъ мудрые законы касательно дѣлъ Вѣры и общественной жизни; мы и тогда имѣли бы важныя причины вѣрить его Исторіи. Но сколько новаго свѣта и новой твердости получаютъ сіи причины, когда видимъ предъ своими глазами самыхъ Іудеевъ!—Смотрите! на основаніи непрерывнаго преданія, переходившаго отъ отца къ сыну, Іудеи разсказываютъ о себѣ и предкахъ своихъ тоже самое, что читаемъ въ Моисеевыхъ и другихъ книгахъ Ветхаго Завѣта. Къ симъ книгамъ они имѣютъ глубочайшее уваженіе, хранятъ ихъ съ особенною заботливостію, защищаютъ оныя съ удивительнымъ постоянствомъ. Они совершенно преданы своей вѣрѣ, ученіе коей изложено въ сихъ книгахъ, и тщательно выполняютъ всѣ ея предписанія, сколько то позволяютъ

имъ время и обстоятельства. Ибо хотя они не имѣютъ теперь ни храма, ни жертвъ; однако же не хотятъ вовсе отказаться отъ исполненія закона обрядоваго. Кромѣ обрѣзанія, они наблюдаютъ различіе между чистыми и нечистыми родами пищи, совершаютъ извѣстные обряды очищенія, хранятъ субботы, празднуютъ свой Праздникъ Пасхи, Опрѣсноковъ, Пятьдесятницы и Кущей.

О если бы Іудеи такъ же были внимательны къ духу закона, какъ внимательны къ его буквѣ!—Но настоящая привязанность ихъ къ закону, не простирающаяся далѣе буквы, будучи безполезна для нихъ самихъ, полезна для насъ—Христіанъ. Не оправдывая ихъ упорства, она даетъ намъ въ пользу ихъ Исторіи такое свидѣтельство, противъ коего ничего нельзя возразить основательно. Ибо можно ли почитать извѣстныя событія вымышленными, когда и писменные памятники и устныя преданія открываютъ въ нихъ начало тѣхъ законовъ, которые вошли во всеобщее употребленіе у народа многочисленнаго,

которые въ дѣйствительномъ употребленіи своемъ пережили тысячелѣтія, и которые безъ оныхъ событій не могли бы получить ни такой силы надъ умами, ни такой долговременной неизмѣняемости?

Обращая вниманіе на теперешнее состояніе Іудеевъ, всякой легко себѣ представитъ, что оно не можетъ быть названо счастливымъ. Правда, между Іудеями и нынѣ можно находить людей, которыхъ счастіе надѣлило почестями, достоинствами и богатствомъ: но цѣлое народное тѣло томится въ унизительномъ рабствѣ. Лишенное главы, оно размѣтало свои члены по всей землѣ, между всѣми народами; Іудеи большею частію искупаютъ свое жалкое существованіе золотомъ. Нѣтъ уголка въ цѣломъ мірѣ, гдѣ бы разсѣянныя чада Израиля могли соединиться, образовать особенное Государство, и наслаждаться прежнею своею свободою. Вездѣ, гдѣ только терпятъ ихъ, вмѣстѣ съ симъ и презираютъ; вездѣ болѣе или менѣе преслѣ-

дуютъ ихъ, отказываютъ имъ въ правахъ Гражданскихъ, назначаютъ извѣстные сроки и мѣста для жительства, опредѣляютъ ихъ число, одежду, образъ общественной, а иногда и самой домашней ихъ жизни. Не есть ли все это подлинное рабство?

Но ничто такъ не прискорбно для потомковъ Израиля, какъ невозможность соблюдать во всей точности и обширности предписаній Вѣры отцевъ своихъ. И что говорить: во всей точности и обширности? Они не могутъ выполнять даже существеннаго; въ рукахъ ихъ осталась только скорлупа, а ядра давно уже не стало. Гдѣ ихъ храмъ? гдѣ Священническое сословіе? гдѣ жертвы?—А безъ храма, безъ Священства, безъ жертвъ, какая Религія?—Прочтите Писанія Моисея, и вы усмотрите, что все Богослуженіе онъ поставилъ въ тѣсной связи съ храмомъ (Второз. 12, 10—15), который, къ сожалѣнію, давно разрушенъ,—узаконилъ совершать оное однимъ Жрецамъ и Левитамъ, т. е. потомкамъ Левія и Аарона (Исх. 28, 1. Числ. 3, 6—12),

которые, по причинѣ давняго смѣшенія колѣнъ, теперь не могутъ быть узнаны. Въ настоящее время Іудеямъ нельзя уже приносить своихъ первенцевъ во храмъ для посвященія Богу (Исх. 13, 2); родильницы ихъ не могутъ выполнять въ немъ обрядъ очищенія (Лев. 12, 7. 8); мужескій полъ ихъ не можетъ трижды въ годъ поставлять себя предъ Господомъ (Второз. 16, 16). Хотя они и нынѣ могутъ праздновать предписанные Праздники; однако жъ не могутъ праздновать ихъ такъ, какъ предписано. Для каждаго Праздника опредѣленъ извѣстный даръ, извѣстный родъ жертвъ. Но у нихъ нѣтъ теперь ни жертвенныхъ животныхъ, ни десятинъ, ни начатковъ и пр.—Несчастныя чада Израиля! вы вѣруете въ Бога отцевъ своихъ, и хотите служить Ему такъ, какъ они служили. Но это рѣшительно не возможно; и не смотря на то, вы не хотите служить Ему иначе. Какія же слѣдствія вашего упорства?—Ахъ, вы не служите Богу! Вы чуждаетесь истинной Религіи, и между тѣмъ воображаете, что имѣ-

те Религію лучшую, нежели какую имѣютъ всѣ другіе народы!

Въ древности, когда отцы нынѣшнихъ Іудеевъ носили Вавилонское иго, рука Господня была еще съ ними. Богъ посылалъ къ нимъ своихъ Пророковъ,—Іеремію, Іезекіиля, Даніила, которые предсказывали имъ окончаніе рабства и возвращеніе въ отечество, озарялъ ихъ спасительнымъ ученіемъ, и ободрялъ утѣшительными обѣтованіями. Тогда Богъ милосердовалъ о нихъ, и не допускалъ бѣдствію и разстройству доходить до той степени, чтобы произошелъ разрывъ всѣхъ общественныхъ связей, и послѣдовало лишеніе всѣхъ Гражданскихъ и Церковныхъ властей. Онъ располагалъ къ плѣннымъ сердца Царей и ихъ подданныхъ, такъ что Іудеи, сверхъ чаянія, находили въ своихъ побѣдителяхъ кротость и великодушіе. Но со времени послѣдняго изгнанія ихъ изъ отечества, небо совсѣмъ, кажется, заключилось для нихъ; рука небеснаго правосудія тяготѣетъ надъ ними. Они молятся, стенаютъ, плачутъ, постятся;—и все на-

прасно! Не является ни ожидаемый ими Мессія, чтобы освободить ихъ отъ рабства, ни вдохновенный Пророкъ, чтобы утѣшить ихъ близкою, или хотя отдаленною надеждою благоденствія. Одни льстецы и обманьщики, пользуясь суевѣріемъ народа, обѣщаютъ ему счастливую будущность.

Столь великое бѣдствіе Іудеевъ еще усугубляется чрезвычайною слѣпотою, какою поражены умы ихъ. Они не понимаютъ самыхъ ясныхъ мѣстъ Писанія, отвергаютъ самыя уважительныя преданія отцевъ своихъ, пренебрегаютъ толкованія древнихъ Учителей Израиля, и слѣдуютъ изъясненіямъ позднѣйшихъ Раввиновъ, не имѣющихъ ни личной важности, ни достаточныхъ свѣденій. Вспомните, какія нелѣпости встрѣчаются на каждой страницѣ ихъ Талмуда,—книги, которую они считаютъ Богодухновенною, и уважаютъ почти наравнѣ съ Св. Писаніемъ. „Богъ каждую ночь трижды, подобно льву, испускаетъ рыканіе, и громко восклицаетъ: горе мнѣ! кто раззорилъ домъ мой, кто сожегъ

храмъ мой, и увлекъ чадъ моихъ къ народамъ чуждымъ? а). Занятія Бога суть слѣдующія: первые три часа дня Онъ занимается изученіемъ закона, три слѣдующіе обучаетъ тѣни умершихъ дѣтей, потомъ управляетъ міромъ. Остальное время дня Онъ проводитъ въ забавахъ, особливо же въ игрѣ съ огромнымъ дракономъ Левіаѳаномъ. Ночью Онъ садится на крылатаго Херувима, и посѣщаетъ осмнадцать сотворенныхъ Имъ міровъ. Такъ располагаетъ Онъ временемъ съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ сіи міры. А прежде Онъ непрестанно творилъ ихъ, и опять разрушалъ. б). На пиршествѣ, которое будущій Мессія дастъ своему народу въ землѣ Ханаанской, предложатся въ пищу самыя крупныя животныя, самыя крупныя рыбы, и самыя крупныя птицы, а вмѣстѣ и лучшее вино. Это вино приготовилъ еще Адамъ, и съ тѣхъ поръ береглось оно. Тогда заколютъ огро-

---

а) Buch. Berachot. I K. См. Mart. Raym. pugn. fid. p. 3. dist. 3. c. 22.

б) Buch. Herodes Zara 1. K. см. тамъ же.

мнаго вола Бегемота, пожирающаго ежедневно траву на тысячи горахъ, которая однакожъ вновь выростаетъ для него въ продолженіи одной ночи" а).—Нельзя имѣть довольно терпѣнія, чтобы слушать подобныя нелѣпости; между тѣмъ, въ понятіи Іудея, все это неоспоримыя, священныя истины, за которыя онъ, въ случаѣ нужды, готовъ пожертвовать всѣмъ своимъ благомъ. Жалкое ослѣпленіе!

Таковое состояніе Іудеевъ, которыхъ мы видимъ предъ собою, не служитъ ли очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что на семъ несчастномъ народѣ сбылись до послѣдней іоты всѣ страшныя угрозы и проклятія, какія читаемъ въ книгахъ Моисея и Пророковъ:—изгнаніе изъ отечественной страны (Псал. 68, 26), разрушеніе храма и Іерусалима, безъ надежды возстановленія ихъ (Іер. 19, 11. Амос. 5, 1), лишеніе Правительственнаго и Священническаго сословія (Дан. 9, 26, 27), разсѣяніе между чуждыми народами (Іер. 9, 16), рабство, безъ наде-

a) Puxdorf. de Synag. Iud. I, 50.

жды освобожденія (Втор. 28, 32), и крайнее ослѣпленіе (Втор. 28, 28. Псал. 68, 24)?—

Боже великій! какъ могъ народъ, называвшійся по преимуществу народомъ Твоимъ, воспитанный среди чудесъ, и самъ бывшій постояннымъ чудомъ,—народъ, пользовавшійся благоволеніемъ Кира, Дарія, Артарксеркса и Александра великаго, удостоенный дружественнаго союза съ Римлянами и Спартанцами,—какъ могъ сей народъ дойти до такого бѣдственнаго, жалкаго состоянія, и остаться въ немъ въ продолженіе 18 вѣковъ, не видя ни откуда себѣ помощи? Какъ могъ этотъ народъ, который чрезъ столько вѣковъ одинъ только зналъ и чтилъ единаго истиннаго Бога, упасть столь глубоко, дойти до ужаснаго ослѣпленія и суевѣрія, и притомъ въ такое благодатное время, когда другіе народы, блуждавшіе во тмѣ безбожія, при свѣтѣ Христіанской Вѣры, дѣлаютъ быстрые успѣхи въ просвѣщеніи? Для че-

го нынѣ не помогаешь ему Ты, Господи Боже Израилевъ?

„Доколѣ вы пребудете вѣрны Мнѣ и Моему закону; дотолѣ Я буду защищать васъ, осыпать милостями, хранить и избавлять отъ враговъ. Если же вы уклонитесь отъ закона Моего, Я изгоню васъ изъ отечества, разсѣю между чуждыми народами, предамъ васъ въ рабство. Но и опять помилую васъ, введу въ прежнія ваши владѣнія, благословлю прежнимъ благоденствіемъ, какъ скоро обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ:" (Втор. 30 1—9). Таково обѣтованіе Бога Израилева, данное Имъ чрезъ Моисея своему народу! Вспомни же, Господи, свои обѣтованія, и исполни ихъ! Іудеи, по видимому, нынѣ служатъ Тебѣ вѣрнѣе, нежели прежде; они совершенно преданы закону Твоему, и хотя могутъ соблюдать только малѣйшую часть его, однакожъ лучше хотятъ соблюдать, сколько могутъ, нежели, отказавшись отъ исполненія его, наслаждаться свободою и счастливою участью другихъ народовъ, среди коихъ они жи-

вутъ, и коимъ служатъ рабами.—Но все напрасно! Господь не спѣшитъ оказывать помощь бѣдствующему потомству Іакова.

Что жъ это значитъ? Обвинять Бога въ невѣрности Его обѣтованій значило бы богохульствовать. Итакъ должна быть иная причина, заключающаяся не въ Богѣ, но въ самыхъ Іудеяхъ, по коей они не видятъ теперь исполненія Божескаго обѣтованія, исполненіе коего столь многократно прежде видѣли надъ собою.

По премудрымъ судьбамъ Промысла, бѣдствія, постигавшія Іудеевъ, всегда были наказаніями за учиненныя ими беззаконія, и въ этомъ значеніи онѣ были предвозвѣщаемы ихъ Пророками. Посему и настоящее бѣдственное состояніе Іудеевъ не есть ли наказаніе за беззаконіе, котораго не можетъ загладить никакая привязанность ихъ къ закону? Но какое жъ это беззаконіе?—Безъ сомнѣнія, беззаконіе самое великое и ужасное; ибо настоящее наказаніе, и по своей тяжести, и по своей продолжительности, и по совершенному лишенію всякаго у-

тѣшенія, превышаетъ всѣ прежнія наказанія. Его нельзя почитать преступленіемъ какого либо частнаго лица, но всего народа; ибо наказаніе тяготѣетъ не столько надъ частными лицами, сколько надъ цѣлымъ народомъ. Нельзя также думать, чтобы сіе беззаконіе было идолопоклонство; ибо 70—лѣтнее Вавилонское порабощеніе изцѣлило народъ Іудейскій отъ сей гибельной заразы, и съ сего времени онъ уже не служилъ богамъ чуждымъ. Вмѣсто прежней склонности къ идолопоклонству, Іудеи получили сильнѣйшее къ нему отвращеніе, такъ что боятся теперь даже тѣни онаго.

Но можетъ быть, Іудеи несутъ еще наказаніе за идолопоклонство отцевъ своихъ? Можетъ быть, каждое бѣдствіе, претерпѣваемое ими, какъ они сами утверждаютъ, облегчаетъ нѣсколько тяжкій грѣхъ поклоненія золотому тельцу? Пусть сему вѣритъ тотъ, кто хочетъ противорѣчить Пророкамъ. Іезекіиль и Іеремія, именемъ Господа, увѣряли своихъ соплеменниковъ, что дѣти не бу-

дутъ отвѣчать за беззаконія отцевъ своихъ, если сами ихъ не дѣлали, и не принимали въ нихъ никакого участія (Іез. 18, 19. 20. Іер. 31, 29. 30). По крайней мѣрѣ, нынѣшнее рабство Іудеевъ не льзя ли почесть продолженіемъ Вавилонскаго; потому что тогда, какъ думаетъ Іудеанинъ Оровій, не вполнѣ сбылись страшныя угрозы, изреченныя Моисеемъ (Втор. 28, 15—68)? Но сія уловка вовсе неудачна. Ибо Даніилъ и Неемія относятъ сіи угрозы именно къ плѣненію Вавилонскому, и въ немъ видятъ полное ихъ исполненіе (Дан. 9, 11. Неем. 1, 8. 9).

Если жъ Іудеи подверглись настоящему бѣдственному состоянію за величайшее беззаконіе, за беззаконіе цѣлаго народа, которое однако не было идолопоклонство; то въ чемъ имянно состояло сіе беззаконіе? Извѣстно, что Іудеи потеряли гражданское бытіе свое послѣ того, какъ разрушенъ былъ Іерусалимъ и храмъ его, послѣ опустошенія Іудеи и разсѣянія жителей ея по разнымъ странамъ свѣта. Въ сіе время полити-

ческое тѣло ихъ раздробилось, и всѣ связи между членами его были расторгнуты. А такое бѣдствіе, конечно, поставило Іудеевъ въ рѣшительную невозможность учинить беззаконіе всенародное. Слѣдственно предполагаемое нами, страшное беззаконіе Іудеевъ должно быть содѣлано ими прежде сего событія; ибо злодѣяніе обыкновенно предшествуетъ наказанію.

Восходя далѣе сей эпохи, мы невольно останавливаемся на убіеніи Іисуса Христа, которое учинено Іудеями почти за 40 лѣтъ до разрушенія храма ихъ, и не задолго до начала тѣхъ бѣдствій, кои, низпровергнувъ Царство Іудейское, доселѣ тяготѣютъ на потомкахъ Израиля. Сіе убійство, по всей справедливости, должно почесть беззаконіемъ. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ пострадалъ совершенно невинно; злобные Іудейскіе судіи не могли найти даже лжесвидѣтельствъ къ Его обвиненію; самъ Пилатъ—языческій судія нѣсколько разъ, въ слухъ всего народа, объявлялъ Его невиннымъ. Сіе убійство было беззаконіе

всенародное. Ибо въ немъ принималъ участіе весь народъ Іудейскій, составлявшій тогда одно политическое тѣло.— Великій Синедріонъ, представитель народа, осудилъ Іисуса на смерть, и для исполненія своего приговора предалъ Его Римскому Прокуратору. Весь народъ съ неистовствомъ требовалъ у Пилата смерти невинному Страдальцу; весь народъ принималъ месть на себя и чадъ своихъ за пролитую кровь Его.—Все это также одобряемо было иноземными Іудеями, какъ видно изъ гоненій, которыя они воздвигали противъ послѣдователей Іисуса Христа; все это одобряютъ и нынѣ разсѣянные Іудеи, не измѣняя своей ненависти противъ Христа и Его Царства. Наконецъ сіе убійство было беззаконіе тяжкое и ужасное. Ибо Іисусъ Христосъ своимъ ученіемъ, чудесами, жизнію ясно давалъ разумѣть каждому, что Онъ есть великій Пророкъ, посланный отъ Бога. Посему убіеніе Его было намѣренное и всенародное преступленіе заповѣди, которая повелѣвала Іудеямъ повиноваться Пророку, посланно-

му отъ Бога, подъ опасеніемъ страшнаго Божескаго мщенія за ихъ ослушаніе. *Пророка возставлю имъ*, говоритъ Богъ чрезъ Моисея, *отъ среды братій ихъ, якоже тебе; и вдамъ слово Мое въ уста Его, и возглаголетъ имъ, якоже заповѣдую Ему. И человѣкъ той, иже не послушаетъ Его, елика возглаголетъ Пророкъ оный во имя Мое, Азъ отмщу отъ него* (Втор. 18, 18—19). И сей-то великій Пророкъ, равный Моисею, есть Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. Слѣдственно въ лицѣ Его Іудеи убили обѣтованнаго и давно ожиданнаго ими Мессію. Можно ли понять и выразить всю важность сего злодѣянія?—

Итакъ бѣдственная участь, какую несутъ Іудеи въ продолженіи 18-ти вѣковъ, есть слѣдствіе величайшаго злодѣянія, которое учинено ими въ убійствѣ Мессіи. Сію истину въ самомъ ясномъ свѣтѣ представляютъ намъ изреченія Пророковъ, и самаго Іисуса Христа.

Даніилъ, предсказывая отверженіе Іудейскаго народа, упраздненіе жертвъ,

разореніе Святилища, разрушеніе Іерусалима и ужасное опустошеніе Іудеи, поставляетъ всѣ сіи бѣдствія въ союзѣ *съ потребленіемъ Мессіи* (Дан. 9, 26 27). Давидъ, изобразивъ уничиженіе Мессіи, въ слѣдъ за тѣмъ описываетъ бѣдственное состояніе, въ которое повержены будутъ Его гонители. „Поелику они, говоритъ Псалмопѣвецъ, гнали и мучили Того, Кого самъ Богъ поразилъ за грѣхи міра; то вся тяжесть небеснаго гнѣва падетъ на главу ихъ. Умственныя очи ихъ помрачатся, и будутъ видѣть только земное, чувственное и плотское. Они будутъ изгнаны изъ своего отечества, и жилища свои оставятъ пустыми. Изъ одного грѣха они станутъ впадать въ другой, и не будутъ участвовать въ оправданіи, коего виновникомъ будетъ Мессія (Псал. 68, 24–28)." Исаія предсказываетъ своимъ соплеменникамъ, что Мессія будетъ для нихъ *камнемъ претыканія*, и они разобьются объ него (Ис. 8, 14. 15). Между тѣмъ сей камень, *который отвергли зиждущіе*, по выраженію Псалмопѣвца, *содѣлался гла-*

вою угла (Псал. 117, 22) въ другомъ, великолѣпнѣйшемъ зданіи!

Указывая на приведенныя нами пророческія изреченія, Іисусъ Христосъ неоднократно давалъ разумѣть, что предсказанное въ оныхъ непремѣнно исполнится надъ Іудеями за ихъ ожесточеніе противъ Него. Онъ есть тотъ камень претыканія и соблазна, о которомъ пророчествовали Давидъ и Исаія, и кто упадетъ на камень сей, разобьется (Мат. 21, 42. 44). Въ притчѣ о виноградникѣ Спаситель нашъ столь ясно изобразилъ свою участь и ожидающее Іудеевъ бѣдствіе, что они тотчасъ поняли значеніе притчи. „Смотри! вотъ идетъ наслѣдникъ, сказали виноградари другъ другу, убьемъ его, и виноградникъ намъ достанется." Сказано и сдѣлано. „Наслѣдникъ схваченъ, выведенъ вонъ изъ виноградника и убитъ. Но что жъ послѣдуетъ съ жестокосердыми виноградарями, когда придетъ господинъ виноградника? Безъ сомнѣнія, отвѣчали слушавшіе притчу, злодѣевъ сихъ онъ предастъ злой смерти; и виноградникъ от-

дастъ другимъ виноградарямъ (Мат. 21, 33—41):" Несчастные произнесли приговоръ на самихъ себя! Но образумившись, они тутъ же воскликнули: *да не будетъ*! (Лук. 20, 16),—да не постигнетъ насъ такое бѣдствіе! Однакожъ Іисусъ Христосъ рѣшительно сказалъ имъ: *отъимется отъ васъ царствіе Божіе, и дастся языку творящему плоды его* (Мат. 21, 43).—Мы не находимъ нужды присовокуплять что нибудь къ уразумѣнію сей притчи. Она была понятна для самыхъ Книжниковъ и Фарисеевъ. Но нынѣшніе Іудеи имѣютъ еще то преимущество предъ ними, что ясно видятъ, какъ точно сбылась сія притча, какъ ощутительно отступило отъ нихъ Царство Божіе, и сдѣлалось достояніемъ новыхъ *чадъ Авраама, воздвигнутыхъ отъ каменія* (Мат. 3, 9).

Взирая такимъ образомъ на состояніе современныхъ намъ Іудеевъ, ни одинъ здравомыслящій не можетъ усомниться въ томъ, что они суть живое, очевидное и непререкаемое свидѣтельство истинности того слова, которое *полезно*

естъ ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 16. 17).

XX.

О ХОЛОДНОСТИ КЪ ВѢРѢ, ПРИМѢЧАЕМОЙ ВЪ ЛЮДЯХЪ ОБРАЗОВАННЫХЪ.

Извѣстно, что Фарисеи составляли образованную часть народа Іудейскаго. Посвятивши себя изученію закона, исполняя оный со всею обрядовою точностью, свѣдущіе въ преданіяхъ отеческихъ, они пользовались народнымъ уваженіемъ, которое пріобрѣтали своимъ просвѣщеніемъ и наружнымъ благочестіемъ. И однакожъ сіи-то просвѣщенные люди болѣе всѣхъ соблазнялись ученіемъ и жизнію Господа нашего; сіи-то люди прежде всѣхъ начали сооружать для Него крестъ!

Итакъ у самой еще колыбели Христіанства мы замѣчаемъ странное явленіе, т. е. образованные люди первые обнаруживаютъ нерасположенность къ Іисусу Хри-

сту. Хотя къ стыду ума человѣческаго, должно впрочемъ сознаться, что сіе явленіе нерѣдко повторялось, и нынѣ повторяется въ исторіи Христіанства.

Отъ чего это происходитъ? Неужели тѣ прекрасные цвѣты Христіанскаго благочестія, которые могутъ расти даже на поляхъ невоздѣланныхъ, должны увядать на почвѣ, обработанной искусною рукою? И какой позоръ! Люди, просвѣтившіе себя науками, въ красѣ умственнаго своего образованія, стоятъ, какъ безжизненные истуканы, не имѣя въ себѣ Христіанскаго чувства и духа. Они подобны тѣмъ величественнымъ зданіямъ, воздвигнутымъ по всѣмъ правиламъ искуства, которыя, оставаясь въ запустѣніи, поражаютъ зрителя своимъ великолѣпіемъ на одно только мгновеніе, и тотчасъ производятъ сожалѣніе въ душѣ его. И пусть бы нравственное запустѣніе сихъ людей было гибельно только для нихъ одихъ; нѣтъ, оно соблазнительно еще для многихъ, привыкшихъ руководствоваться мнѣніями и примѣромъ мужей просвѣщенныхъ!—

Изъ какого же источника изливается сіе зло? Отъ чего многіе изъ образованныхъ Христіанъ питаютъ холодность къ своей Вѣрѣ? Этотъ вопросъ стоитъ того, чтобы заняться его рѣшеніемъ.

Слабое и одностороннее познаніе предмета всегда бываетъ причиною того, что или презираютъ, или не понимаютъ онаго. Наставленіе въ Религіи, получаемое въ школѣ, по большой части бываетъ слабо и недостаточно къ сдруженію нашего ума и сердца съ Религіею на всю жизнь. Умственныя силы юноши, подобно физическимъ, не достигаютъ въ училищѣ полнаго своего разкрытія. Въ такомъ духовно-незрѣломъ возрастѣ, конечно не легко уразумѣть важныя истины Христіанскаго ученія, во всей ихъ глубинѣ и чистотѣ, и постигнуть таинственные пути, по которымъ Промыслъ ведетъ человѣчество къ предположенной цѣли. Вотъ отъ чего многіе изъ Христіанъ, хорошо образованныхъ для общественной жизни, свѣдущихъ въ наукахъ и искуствахъ, открываютъ чрезвычайную колеблемость въ поня-

тіяхъ о Религіи, когда они должны бывают или защищать свое исповѣдованіе, или представлять причины своего маловѣрія! Исторія Вѣры и Церкви, исторія воспитанія человѣчества въ Іудействѣ и Христіанствѣ, едва имъ извѣстна. Еще менѣе они постигаютъ духъ Писанія, заключающійся въ буквѣ его, ясный впрочемъ для благочестиваго сердца и испытующаго ума. Они готовы думать, что пріобрѣтеніе такого знанія слишкомъ трудно, требуетъ много времени и усилій, а потому предоставляютъ оное однимъ только Пастырямъ Церкви, будто не всѣ равно обязаны знать то, что необходимо для нашего спасенія! Къ сему присоединяется какая-то постыдная боязнь—сознаться въ поверхностномъ знаніи предметовъ Религіи. Дѣйствительно, много ли можно найти людей, которые искренно сознались бы въ своемъ духовномъ невѣжествѣ? Много ли такихъ любознательныхъ, которые рѣшились бы возвратить опущенное, и съ ревностію, приличною зрѣлому возрасту, заняться Божественнымъ ученіемъ? Къ прискор-

бію, въ иныхъ господствуетъ даже гибельный предразсудокъ, будто основательное изученіе истинъ Религіи есть занятіе, свойственное только дѣтямъ, или людямъ ума ограниченнаго. Конечно бываютъ минуты, когда и въ ихъ душѣ пробуждается благочестивое чувство, и они искренно обращаются къ Религіи, ища въ ней сладостныхъ утѣшеній друга: но это святое чувство Вѣры не долго живетъ въ сердцѣ ихъ, и не успѣваетъ изгнать изъ него разсѣянности и легкомыслія. Оно само бѣжитъ изъ глубины грѣховнаго ихъ сердца; потому что Духъ Божій не уготовалъ въ немъ для себя жилища. Если жизнь людей, не утвержденныхъ въ Вѣрѣ, проходитъ иногда безъ внѣшнихъ преткновеній; то болѣе отъ хитраго искуства и навыка, не имѣющаго нравственной цѣны, нежели отъ свободнаго расположенія къ добру, отъ любви къ Богу, отъ Христіанскаго благочестія, производимаго живою вѣрою въ Іисуса Христа, источника всякаго блага.

Невѣденіе истинъ Христіанства есте-

ственно сопровождается невѣденіемъ спасительныхъ плодовъ онаго. Отсюда происходятъ тѣ жалобы, будто Христіанство не удовлетворяетъ потребностямъ нашего духа; будто Откровеніе представляетъ недостаточныя и неудовлетворительныя рѣшенія на многія задачи ума Философскаго. Одно невѣжество можетъ произносить сіи и подобныя симъ укоризны на ученіе Христіанское. Конечно Іисусъ Христосъ не со всѣхъ предметовъ Вѣры снялъ покровъ, скрывающій ихъ отъ ока смертнаго; но Онъ ясно открылъ все, что нужно человѣку для земнаго спокойствія и вѣчнаго блаженства; а сего—благодареніе свѣта Подателю!—достаточно для насъ, земныхъ странниковъ, только бы мы всегда понимали и вѣрно исполняли Его ученіе! Да и можно ли ожидать, чтобы духъ нашъ, связанный узами чувственности, омраченный заблужденіями и предразсудками, здѣсь—на первой ступени своего бытія, совершенно постигалъ всѣ глубины неисповѣдимой, Божеской премудрости? Нравственное совершенство есть

существенная обязанность, возлагаемая на насъ Христіанствомъ. И чтожъ, развѣ не довольно обширна сія обязанность? Исполнилъ ли ее кто-нибудь изъ смертныхъ во всемъ ея пространствѣ? Довольно для насъ истины, свѣта и надежды сіяетъ въ Словѣ жизни, лишь бы мы съ чистымъ сердцемъ принимали оное, и старались содѣлаться достойными, при Божественномъ озареніи, нѣкогда созерцать на небѣ то, что на землѣ было для насъ темно и гадательно. Нѣтъ и не было еще такого мудреца въ мірѣ, который бы открылъ намъ все прекрасное, заключающееся въ буквѣ Писанія, подъ одеждою чувственно-образною, и постигъ весь таинственно-глубокій смыслъ онаго!

Итакъ незнаніе, или поверхностное знаніе Христіанскаго ученія, есть одинъ изъ главныхъ источниковъ безразсудной холодности къ Вѣрѣ людей образованныхъ! По истинѣ жалокъ, если не вовсе достоинъ презрѣнія, тотъ земледѣлецъ, который на удобренной нивѣ не хочетъ

посѣвать сѣмени, приносящаго плодъ сторичный и никогда не гибнущій!—

Не менѣе важною причиною равнодушія къ Вѣрѣ, примѣчаемаго въ образованныхъ людяхъ, должно почитать незнаніе послѣдней цѣли земной нашей жизни. Нравственное достоинство всѣхъ нашихъ ощущеній, мыслей и дѣйствій зависитъ отъ истиннаго понятія о нашемъ назначеніи. Только тогда можетъ водвориться миръ и радость въ нашемъ сердцѣ, могутъ быть для насъ вожделѣнными наши подвиги и труды, можетъ воцариться согласіе во всѣхъ силахъ нашего духа, когда мы вѣрно знаемъ, для чего существуемъ.

Человѣкъ естественный, не воспитанный въ училищѣ Іисуса Христа, однимъ своимъ разумомъ, никогда не постигнетъ высокаго своего назначенія, не разрѣшитъ задачи жизни, и не укажетъ человѣчеству конечной его цѣли. Самая возвышенная, самая благородная цѣль, какую только человѣкъ можетъ себѣ предположить, всегда будетъ ниже той, какую указалъ намъ Единородный Сынъ Божій. Хотя

Спаситель не уяснилъ намъ, *что будемъ* (1 Іоан. 3, 2), когда *тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 54); но то несомнѣнно, что главная обязанность въ земной нашей жизни есть усовершеніе, приготовленіе, воспитаніе себя для неба.

Конечно нельзя отвергнуть, что человѣкъ, какъ гражданинъ земли, доколѣ живетъ на ней, долженъ уважать условія и связи, которыми поддерживается благобытіе наше; долженъ стараться усовершать всѣ силы ума и сердца, и устремляя взоры свои къ небесному отечеству, въ то же время не забывать и земнаго, предуготовительнаго къ нему, училища. Въ самой природѣ доброе и полезное соединено съ изящнымъ и пріятнымъ. Плодъ не вырастаетъ на обнаженной вѣтви; онъ раждается изъ душистаго цвѣтка, и бываетъ одѣтъ красивымъ лиственнымъ вѣнкомъ. Но образованіе для настоящей жизни,—цѣль второстепенная; человѣкъ долженъ къ ней стремиться, отнюдь не давая ей

предпочтенія предъ главною цѣлію. Древо, сколько бы ни было величественно въ своемъ убранствѣ цвѣтовъ и листьевъ, не высоко впрочемъ цѣнится, если не приноситъ плода. Люди образованные, подобно сему древу, хотя бываютъ украшены цвѣтами наукъ и искуствъ, и умственною своею дѣятельностію разширяютъ область знаній; но они не достигаютъ главной цѣли, если не имѣютъ въ себѣ живой вѣры въ Сына Божія, посредствомъ коей пріобрѣтается наслѣдіе небесной жизни. Они стоятъ не выше той степени, на которую возвела чтителей своихъ неосвященная мудрость языческаго міра; ибо одно усиное исповѣданіе не даетъ еще права именоваться истинными Христіанами. Царь вѣчности и къ нимъ скажетъ нѣкогда: *отъидите отъ Мене; яко николиже знахъ васъ* (Матѳ. 7, 23).

Какъ жалки эти образованные люди! Умъ ихъ, обогащенный познаніями, свободно паритъ по обширной области наукъ; а сердце, не освященное Вѣрою, лишено истиннаго совершенства, и испол-

нено мерзостями грѣха. Если бы они обратились къ Господу, и приняли отъ Него, съ смиренною вѣрою, благодать небеснаго просвѣщенія: какими бы содѣлались опорами для Его Церкви! какими сильными провозвѣстниками Его славы! Но они предпочли *единому на потребу* (Лук. 10, 42) суетное украшеніе, которое вскорѣ отвергнетъ непостоянный вкусъ земной мудрости. Тяжка ихъ вина, тяжка будетъ и отвѣтственность; ибо *кому много дано, съ того много и взыщется* (Лук. 12, 48)! Какъ они дерзнутъ предстать нѣкогда предъ лице Господа съ одною своею ученостью, съ мнимою своею мудростью, не пріобрѣтши на землѣ важнѣйшаго сокровища сердечной вѣры? Неоспоримо, образованіе ума есть великое украшеніе человѣка, блистательный его нарядъ; но оно, само по себѣ, независимо отъ Религіи, есть ничто иное, какъ пустая оправа къ драгоцѣнному камню. Когда нѣтъ самой драгоцѣнности; что пользы въ этой блестящей оправѣ?

Но что сказать о тѣхъ людяхъ, ко-

торые образуютъ себя только для приличій свѣтской жизни, и также почитаютъ стыдомъ строго хранить правила и уставы истинной Вѣры? Они не знаютъ никакой другой цѣли, кромѣ удовлетворенія своей страсти къ шумнымъ удовольствіямъ свѣта. Достиженіе этой цѣли составляетъ верхъ ихъ счастія! Обольщенные призраками суеты, они не чувствуютъ стремленія ни къ чему высшему, благородныя движенія и порывы своего духа стараются усыплять въ сладкой дремотѣ, и внѣшнимъ блескомъ думаютъ прикрыть внутреннюю свою нищету. Они между людьми— красивыя, но ядовитыя растенія. Если они и не подвергаются грубымъ порокамъ и преступленіямъ; то однакожъ не страхъ Божій, не любовь къ Искупителю, не мысль о небесномъ воздаяніи удерживаетъ ихъ отъ сего зла, а одно только опасеніе, чтобы предавшись разврату, не заслужить людскаго презрѣнія. Спросите ихъ: какія побужденія заставляютъ васъ быть хладнокровными къ Вѣрѣ? Отъ чего не живете вы

такъ, какъ заповѣдалъ Сынъ Божій, не стремитесь къ той цѣли, которую Онъ указалъ, не бываете въ собраніи Его чтителей, и изгоняете духа Христіанскаго благочестія изъ домовъ вашихъ? Несчастные! они безотвѣтны. Только подражаніе или предразсудокъ причиною ихъ маловѣрія, которое впрочемъ они выставляютъ на показъ, какъ лучшій плодъ мнимаго своего просвѣщенія. Пусть бы еще образованіе ихъ обнимало собою всю совокупность важнѣйшихъ человѣческихъ знаній; но нѣтъ, имъ извѣстны только однѣ гнусныя произведенія болѣзненнаго воображенія! Они никогда не изучали вѣчнаго слова жизни, открывающаго высшія судьбы человѣка; имъ непонятны вѣщанія Христіанскихъ Учителей, изрѣкающихъ тайны Царствія Божія. Такой невѣжда, дерзая попирать святыню, дѣлаетъ себя достойнымъ всякаго презрѣнія!—

Такимъ образомъ холодность къ Вѣрѣ, примѣчаемая въ людяхъ образованныхъ, бываетъ слѣдствіемъ пагубнаго незнанія послѣдней цѣли земной нашей жизни.

Вмѣсто того, чтобы при свѣтѣ Христіанства, болѣе и болѣе приближаться къ небу, они низшую цѣль поставляютъ на мѣсто главной, живутъ для одной земли, и предаваясь маловѣрію, унижаютъ нравственное свое достоинство. О, когда истребится это пагубное ослѣпленіе? Когда люди постигнутъ высокое свое предопредѣленіе—быть свободными чадами неба, а не узниками земли?

Господи! сохрани насъ отъ сего зла. Да вселяется въ насъ богатно животворное Слово Твое, превысшее всякой мудрости человѣческой. Ибо въ царствѣ духа и истины одинъ *Ты—истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка* (Іоа. 1, 9)!

XXI.

РѢЧЬ

По рукоположеніи Преосвященнаго Агапита, Епископа Томскаго и Енисейскаго, въ 12-й день Августа 1834 года въ Успенскомъ Соборѣ говоренная Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ.

Преосвященный Епископъ Агапитъ!

Бога Отца прозрѣніемъ и предуставленіемъ, Царственнымъ вкупѣ и Священноначальственнымъ мановеніемъ Господа нашего Іисуса Христа, благодатію и дѣйствіемъ Святаго Духа, при молитвенномъ и рукоположительномъ служеніи Соепископовъ, пріялъ ты нынѣ часть Епископскаго дарованія, предназначеннаго, по изъясненію Апостола, *къ совер-*

шенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова (Еф. 4, 12).

Часть Епископскаго дарованія,—сказалъ я, не уменьшая твое настоящее пріобрѣтеніе но изъ указанія на цѣлое, къ которому принадлежитъ сія часть, желая извлечь полезныя и утѣшительныя для тебя мысли.

Какое жъ это цѣлое, котораго часть досталась тебѣ въ нынѣшнемъ дарованіи? Не меньше, какъ Епископство Христово. Ибо Самаго Іисуса Христа Апостолъ Петръ называетъ, по Славенскому переводу посланія, *посѣтителемъ*, по Греческому подлиннику, *Епископомъ душъ* (1 Петр. 2, 25). Онъ, раздѣляя Свое собственное Епископство душъ, примѣнительно къ потребностямъ Церкви, коей Онъ есть *глава* (Кол. 1, 18), *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители* (Ефес. 4, 11).

Видишь, какого чуднаго достоянія часть пріялъ ты нынѣ:—часть того дарованія, которымъ Благовѣстники предали и неповрежденнымъ сохранили Ев-

ангеліе Христово, которымъ Пророки освѣщали мракъ сокровеннаго и будущаго, которымъ Апостолы преобразили міръ языческій въ Христіанскій, которымъ Іоаннъ возгремѣлъ о Богѣ Словѣ, которымъ Петръ поколебалъ Синагогу, которымъ Павелъ *отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнилъ благовѣствованіе Христово* (Рим. 15, 19), которымъ Аѳанасій, Василій, Григорій утвердили православіе и низложили ереси, отъ котораго Іоаннъ златыми струями ученія усладилъ и напоилъ Церковь.

Помышляй о семъ, и воскриляй твой духъ, и возбуждай твою ревность, и утверждай твое упованіе на помощь свыше.

Немощь ли устрашаетъ тебя?–вспомни, что и Апостолу сказалъ Господь: *сила моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

Озабочиваетъ ли тебя то, что не на готовый идешь престолъ, но долженъ будешь самъ поставить и утвердить твое сѣдалище, и при томъ на такой

землѣ, гдѣ не многонасѣянную ниву Христову окружаютъ и плевелы и терніе?—Воззри на Павла, который не только не приходилъ въ смущеніе отъ подобныхъ затрудненій, но еще любилъ *благовѣстити не идѣже именовася Хрістосъ, и не на чужомъ основаніи созидать* (Рим. 15, 20).

Затрудняетъ ли тебя отдаленность паствы тебѣ ввѣряемой?—Опять воззри на Павла, который, не довольствуясь тѣмъ, что своимъ служеніемъ наполнилъ пространство отъ Іерусалима до Иллирика, еще побуждаемъ былъ Апостольскою ревностію распространить свои подвиги до Рима и до Испаніи; или—если трудно смотрѣть такъ далеко,—воззри на собственномъ твоемъ пути на Святаго Стефана Пермскаго, на Святаго Иннокентія Иркутскаго. Не добрые ли это предшественники? Не благъ ли путь, который лежитъ по слѣдамъ ихъ?

Пріими же благодушно и благонадежно сей, частію, если угодно, и путническій, наипаче же пастырскій жезлъ; и гряди въ крѣпости Господней, и совершай спа-

сеніе людей Божіихъ. По образу древняго Патріарха, *съ жезломъ симъ прейди* предѣлъ Европы, и да дастъ Господь, да *будеши* болѣе, нежели *въ два полка* (Быт. 32, 10) спасаемыхъ.

XXII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ МИССІОНЕРА

А. М—я.

1830 *года Окт.* 8. Борьба зимы съ осенью такъ испортила дорогу, что мы вовсе потеряли надежду отправиться въ началѣ сего мѣсяца *въ Сандыпскій форпостъ.* Дожди, сырость и слякоть удерживаютъ насъ въ крѣпости Бійска, и не позволяютъ имѣть сношенія даже съ тою частію города, гдѣ находятся домы людей, знакомыхъ съ нарѣчіями Татарскимъ и Калмыцкимъ. Но всего горестнѣе для насъ то, что болѣзнь брата В—я со дня на день усиливается.

Окт. 12. Мы познакомились съ Г. Полковникомъ К—мѣ, недавно возвратившимся съ Алтайскихъ горъ. Онъ полюбилъ Калмыковъ, хвалилъ честность ихъ, и совѣтовалъ намъ запастись теп-

лою одеждою, которая въ ихъ краю необходима; потому что холодъ въ тамошнихъ горахъ и среди лѣта напоминаетъ о зимѣ. Также посѣтилъ насъ Казачій чиновникъ Г. М—нъ, издавна знакомый съ Калмыками, и хорошо знающій ихъ языкъ. Мы читали ему молитву Господню: *Отче нашъ*, переложенную на Татарское нарѣчіе, и изъ замѣчаній его поняли, что нарѣчіе Алтайскихъ Калмыковъ сродно съ языкомъ здѣшнихъ Татаръ, хотя и имѣетъ много отличнаго и собственнаго.

Окт. 17. Мы нашли себѣ квартиру въ домѣ П—ра И—ча Б—на, простосердечнаго и благоговѣйнаго Христіанина. Близкое разстояніе ея отъ дома вдовы покойнаго Штабъ-Лѣкаря К—на, позволяетъ намъ каждый день посѣщать брата В—я. Но еще не успѣли мы расположиться на новой квартирѣ, какъ открылись во мнѣ дѣйствія лихорадки. Впрочемъ вечеромъ того дня я еще могъ заниматься съ Толмачемъ, служащимъ при здѣшней Полиціи, и написалъ на Татарско-сагайскомъ нарѣчіи нѣкое воззва-

ніе, приглашающее иновѣрцевъ въ Церковь Христову.

Окт. 23. Случай доставилъ намъ знакомство съ Бійскимъ мѣщаниномъ Х—мъ, который много превосходитъ другихъ въ знаніи нарѣчія Алтайскихъ Калмыковъ. Первое свиданіе съ нимъ доставило намъ разумѣніе нѣсколькихъ словъ и выраженій сего нарѣчія, и преложеніе на оное молитвы Господней: *Отче нашъ.* Воспользовавшись въ другой разъ посѣщеніемъ его, мы написали на языкѣ здѣшнихъ Калмыковъ увѣщаніе къ нимъ.

Нояб. 1. Супруга Священника П—а С—на сказывала мнѣ, что въ молодыхъ лѣтахъ она долго одержима была недугомъ, и никакія лѣкарства не помогали ей. Со слезами наконецъ она повѣдала скорбь свою Господу, и ей возвѣщено было въ сновидѣніи, что получитъ помощь отъ Анны Пророчицы. Послѣ сего она положила намѣреніе совершить молебенъ сей Угодницѣ Божіей; но сперва недосуги, а потомъ забвеніе сокрыли отъ ея вниманія этотъ случай. Напослѣдокъ она дѣйствительно избавилась

отъ недуга; но все однакожъ медлила и забывала исполнить священный обѣтъ свой. Однажды, когда мужъ ея служилъ утреню въ Церкви, а она еще спала, сквозь сонъ она услышала голосъ, который говорилъ ей: *вставай!* Тотчасъ пробудившись, она увидѣла предъ собою (хотя было и темно въ покоѣ) стоящую не высокаго роста жену, въ одеждѣ чернаго цвѣта, свойственнаго вдовицамъ, лице же ея было свѣтло и любезно, а глава повязана бѣлымъ убрусомъ. Тогда былъ день Сѵмеона Богопріимца и Анны Пророчицы. Видѣніе скоро сокрылось, и видѣвшая поспѣшила въ тотъ же день совершить обѣтъ свой, давно ею забытый.

Нояб. 3. Вчера вечеромъ О. П—ръ вмѣстѣ со мною помазалъ священнымъ елеемъ брата В—я; а сего дня утромъ сынъ вдовы Штаб-Лѣкарши, ходившій къ намъ учить Катихизисъ, принесъ намъ извѣстіе о чрезвычайномъ изнеможеніи болящаго. Мы тогда же пошли къ нему, и увидѣвъ его, подумали, что онъ не переживетъ сего дня. Священникъ

О. В—й еще разъ причастилъ его тѣла и крови Христовой, и казалось, что ему стало легче. Потомъ мы просили у него прощенія въ нашихъ предъ нимъ согрѣшеніяхъ, и простивъ его взаимно, получили отъ него благословеніе на продолженіе нашего служенія, какъ отъ старшаго уже брата, предваряющаго насъ своимъ отшествіемъ въ страну вѣчности, и хотя краткимъ, но добрымъ подвигомъ подвизавшагося на землѣ, и теченіе свое скончававшаго съ примѣрнымъ терпѣніемъ. Сложивъ молитвенно руки, и возведши взоры свои къ небу, онъ томнымъ голосомъ сказалъ: *Богъ благословитъ васъ!* и въ памятованіе о себѣ далъ намъ крестъ, которымъ благословила его бабка, также малой мѣры икону Богородицы, полученную имъ въ благословеніе отъ своей матери. Потомъ мы читали при немъ въ слухъ изъ Евангелія Іоаннова послѣднюю бесѣду Спасителя съ учениками своими.

Нояб. 7. Врачь прекратилъ назначеніе лѣкарствъ для брата В—*я*, какъ уже безполезныхъ, но небеснаго врачевства

Евхаристіи больной сподобился и сего дня. Въ сильномъ жару и бреду онъ не разъ называлъ по именамъ прежнихъ своихъ товарищей, и чаще всего поминалъ матерь свою. „Гдѣ моя маминька?" говорилъ онъ. Я разсказывалъ ему объ Архипастырской милости, съ каковою Преосвященный благоволилъ принять ее въ домѣ своемъ, во время ея возвращенія изъ Абалацкаго монастыря; и въ этомъ томившаяся душа его, по видимому, обрѣтала для себя утѣшеніе.

Нояб. 9. Воля Господня исполнилась! Братъ нашъ В—ій, нынѣ въ три часа по полудни, мирно предалъ духъ свой въ руки милосердаго Спасителя, соединившись съ Нимъ въ Божественнѣйшей Евхаристіи, послѣ исповѣди, совершенной имъ не задолго предъ кончиной въ полной памяти. Милости Божіей, Царства небеснаго и оставленія грѣховъ его у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего просимъ. Еще желаемъ, да утѣшитъ Господь небеснымъ своимъ утѣшеніемъ сердца родителей, лишившихся единственнаго сына; да не смущается

сердце и совоспитанниковъ его,—юныхъ чадъ святой Церкви, но да взираютъ они на кончину своего собрата какъ на одну изъ побѣдъ, за которыя уготованы небесныя почести и вѣнцы; да не угасаетъ въ нихъ духъ святой ревности, готовой по вся дни умирать ради Христа и Евангелія; насъ же немощныхъ да укрѣпляетъ Господь всемогущею своею благодатію, да наставляетъ, да наказуетъ, да очищаетъ, и да не отлучитъ отъ лика отроковъ своихъ. Помолитеся, молимъ васъ, Святіи Отцы и братія!

Нояб. 12. Сего дня мы предали погребенію тѣло брата В—я; на высокой горѣ ввѣрили землѣ сѣмя сіе, да воздастъ оно нетлѣніемъ, вмѣсто тлѣнія, въ день великой жатвы. Миръ праху твоему, братъ возлюбленный! По обѣтованію неложнаго Слова, *блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ! Ей глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 12)!

Нояб. 16. Нынѣшній день пришли письма отъ родителей В—я, почившаго

уже сномъ смертнымъ; одно къ нему, а другое ко мнѣ. Бѣдные! они такъ безпечальны и покойны; предчувствуютъ ли они, что это спокойствіе подобно тишинѣ на морѣ, предъ наступленіемъ великой бури? Сія буря нынѣ же понеслась къ нимъ, вмѣстѣ съ письмомъ моимъ. Да будетъ самъ Господь ихъ утвержденіемъ и утѣшеніемъ! Усопшій братъ нашъ, въ послѣдніе дни болѣзни своей, сильно желалъ получить грамотку отъ родителей; ему казалось, что она уже и пришла, и даже мнилось, не скрываемъ ли мы ея у себя: тогда письмо было въ дорогѣ!

Нояб. 21. По Архипастырскому благословенію, сего дня соединенъ мною, посредствомъ святыхъ Таинствъ Муропомазанія и Причащенія Тѣла и Крови Христовой, съ Православною Каѳолическою Церковію Католикъ, отставной казакъ М—ъ П—ій. Мы повторяли ему замѣчанія о важнѣйшихъ отступленіяхъ Папистическаго ученія, о вѣрности Восточной Церкви въ храненіи преданій самаго Господа Іисуса Христа, Его

Апостоловъ и Вселенскихъ Соборовъ. Потомъ старались представить ему въ связи, хотя и сокращенно, существенныя истины Христіанской Вѣры и благочестія. Наконецъ мы читали ему Евангельскія повѣствованія о жизни, смерти и прославленіи Господа нашего Іисуса Христа, и по прошенію его, отдали ему навсегда извѣстную книжицу подъ названіемъ: *чтеніе изъ четырехъ Евангелистовъ*. Сей присоединенный П—ій, природный Полякъ, и родина его близъ Варшавы. Въ 1812 году онъ служилъ въ арміи Наполеона, во время бѣгства полчищъ его изъ Москвы, взятъ былъ въ плѣнъ, и вмѣстѣ съ другими Поляками отправленъ въ Сибирь. Здѣсь онъ женился, нажилъ дѣтей, которые, равно какъ и мать ихъ, принадлежатъ православной нашей Церкви. Но и самъ онъ давно имѣлъ намѣреніе принадлежать съ семействомъ своимъ къ одному двору Христову, и съ сею склонностію въ душѣ предпринималъ путешествіе изъ Сибири въ Польское Царство, для свиданія съ матерью и братьями.

Эта склонность тамъ еще более созрѣла, ибо выдержала различныя искушенія; и можетъ быть, рѣшимость его не устояла бы, еслибъ въ сердцѣ матери не нашла подкрѣпленія противъ усилія братскихъ желаній. „Что вы хотите сдѣлать изъ брата, говорила она сыновьямъ своимъ, у него и жена и дѣти въ Сибири; пусть возвратится къ нимъ съ Богомъ!"—Казакъ П—ій читаетъ и разумѣетъ Русскія книги, и еще до настоящаго соединенія съ нашею Церковію, посѣщалъ наши храмы, и во время молитвословія произносилъ православный нашъ Символъ вѣры.

Нояб. 25. По прошенію моему и ходатайству Г. Исправника, здѣшнее градское общество опредѣлило мѣщанина П—а Х—ва служить намъ Толмачемъ, при случаяхъ пребыванія нашего въ Бійскѣ. Важнѣйшая услуга, какую сей Толмачъ успѣлъ доселѣ сдѣлать въ пользу нашу, есть переводъ *Символа вѣры* на нарѣчіе Алтайскихъ Калмыковъ.

XXIII.

НАПОМИНАНІЕ О ДОБРОМЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ВРЕМЕНИ.

Въ число дней нашей жизни должно включать только тѣ дни, кои посвящены добродѣтели. Честь и слава старца состоитъ не въ числѣ годовъ, но въ святости жизни. Одну чистую и непорочную жизнь можно назвать долгою жизнію. Истинный *возрастъ старости житіе нескверно* (Прем. 4, 9.), говоритъ Премудрый.

Послѣ сего, можешь ли ты сказать, что ты жилъ доселѣ? Тебѣ исполнилось тридцать или сорокъ лѣтъ; а легко станется, что не насчитаешь и одного года, въ который ты дѣйствительно жилъ. *Ты имѣлъ имя, будто живъ, но былъ мертвъ* для Бога (Апок. 3, 1.); ибо не сдѣлалъ ничего добраго для вѣчнаго спасенія своей души. Всѣ годы проведен-

ные тобою во грѣхахъ, почитай потерянными; ихъ сочтутъ только для того, дабы наказать тебя за ихъ потерю!—

Итакъ не время ли начать жить, и позаботиться о вознагражденіи потеряннаго? Если много ты потерялъ въ прошедшемъ; то чрезъ благоразумное употребленіе настоящаго еще много можешь пріобрѣсть для неба. *Блюдите*, учитъ Ап. Павелъ, *како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри: искупующе время* (Ефес. 5, 15. 16). Вотъ совѣтъ, которому долженъ слѣдовать всякой, кто дорожитъ собою и своимъ блаженствомъ!—

Путешественникъ, замедлившій почему либо на пути, удвояетъ свои шаги, дабы достигнуть предположенной цѣли. Ремесленникъ трудится съ большимъ усиліемъ, чтобы вознаградить потерянныя минуты. Такъ ли поступаемъ мы, зная о потерѣ времени, которое должны были бы употребить для пріобрѣтенія вѣчности? Ахъ! люди ничего, кажется, не теряютъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ теряютъ время. Одни

проводятъ его въ безполезныхъ посѣщеніяхъ и разговорахъ; другіе въ суетныхъ играхъ и забавахъ; иные въ непрерывныхъ заботахъ о земномъ, и во всегдашнемъ забвеніи о вѣчномъ.,, За что намъ сего дня приняться? Какъ намъ убить время?" спрашиваютъ другъ друга эти праздно любцы. Безразсудные! Время летитъ быстрѣе молніи. Мы думаемъ, что предлежитъ намъ путь долголѣтной жизни; а кто знаетъ, можетъ быть нынѣ же порвется нить ея, и страшная смерть поведетъ насъ въ оковахъ грѣха на судъ Божій. Но намъ не хочется умереть во грѣхахъ; и однакожъ, что мы дѣлаемъ, предаваясь пустымъ занятіямъ? Со дня на день коснѣемъ въ нечестіи; между тѣмъ, цѣлая вѣчность покаянія, говоритъ одинъ Учитель Церкви, еще не такъ была бы продолжительна, когда бы чрезъ нее можно было пріобрѣсть Бога, Котораго мы теряемъ, злоупотребляя временемъ.

Ты бережешь алмазъ, какъ самую драгоцѣнную вещь, которая можетъ доставить тебѣ жилище, покой и довольство. Но

Раевск

время жизни несравненно дороже сего алмаза; ибо чрезъ него ты можешь пріобрѣсть себѣ наслѣдіе вѣчнаго Царства. Время дано намъ для спасенія нашей души; посему оно должно имѣть въ глазахъ нашихъ такую же важность, какъ и самое благо небесное, которое покупается цѣною онаго. Къ томужъ мы можемъ располагать только настоящею минутою; но вовсе не знаемъ, сколько Богъ предоставилъ намъ времени для будущаго употребленія. Въ настоящую минуту ты можешь обратиться къ Богу, и снискать себѣ вѣчное блаженство; но кто сказалъ тебѣ, что и въ слѣдующую ты будешь имѣть возможность сдѣлать тоже? Каждая минута, проводимая во грѣхѣ, подвергаетъ насъ опасности потерять блаженство цѣлой вѣчности.

Мы не мало удивились бы, увидѣвъ нищаго, который бросаетъ въ воду не большое количество имѣющихся у него денегъ, и который въ оправданіе свое говоритъ намъ, что онъ дѣлаетъ это для препровожденья времени. Мы назва-

ли бы безмысленнымъ того человѣка, который съ величайшею опасностію погружается на дно моря, дабы достать оттуда горсть золотыхъ песчинокъ. Но что мы должны подумать о самихъ себѣ,—мы, столь бѣдные добрыми дѣлами, когда теряемъ время, въ которое могли бы обогатиться на всю вѣчность? Что мы должны сказать о самихъ себѣ, когда заботимся только о земномъ, и безполезно расточаемъ жизнь свою, коей каждое мгновеніе столь драгоцѣнно, что золотомъ всего свѣта нельзя вознаградить потерянной, и купить даже одной новой минуты?—

Въ свѣтѣ почитается неблагоразуміемъ опустить благопріятный случай къ устроенію своего счастія. Сколько жъ болѣе неблагоразумно поступаетъ тотъ, кто съ каждою минутою теряетъ случай къ пріобрѣтенію небеснаго блаженства! Положимъ, что какой нибудь Царь позволилъ тебѣ, въ продолженіе извѣстнаго времени, брать изъ его сокровищницы столько денегъ, сколько потребно для уплаты долговъ, и для будущаго

обезпеченія твоего благосостоянія, съ такимъ впрочемъ условіемъ, что какъ скоро въ назначенный часъ не возмешь нужнаго, подвергнешься смерти за нерадѣніе о своей судьбѣ, и пренебреженіе милости Царской. Чтожъ?—Не безразсудно ли бы ты поступилъ, когда, забывши воспользоваться благодѣяніемъ, пожелалъ бы въ этотъ часъ прогуливаться и рвать цвѣты? Съ равнымъ, или еще большимъ безрасудствомъ поступаютъ тѣ, кои предаются суетнымъ удовольствіямъ во время земной жизни. Эта жизнь, въ сравненіи съ вѣчностію, есть одно только мгновеніе. Но ежели въ сіе мгновеніе ты не успѣешь обогатить себя добродѣтелями, дабы содѣлаться приснымъ Богу; ежели при концѣ сей жизни недостанетъ у тебя хотя малаго, что могъ бы ты сдѣлать для царства небеснаго: то помни, что ты несчастенъ вѣчно!

Такъ, рано или поздо наступитъ тотъ день, когда мы горько восплачемъ, при воспоминаніи о многихъ часахъ и годахъ, кои провели въ праздной нѣгѣ, или удовольствіяхъ гибельныхъ. Мы бу-

демъ желать возвратить хотя одно изъ нихъ мгновеніе: но это будетъ уже не возможно. Святый Григорій пишетъ, что одинъ человѣкъ, постигнутый смертною болѣзнію во время ночи, которую проводилъ онъ въ преступномъ забвеніи Бога, жалостно восклицалъ: „Боже великій! продли мою жизнь хотя на нѣсколько дней. Господи! хоть только до завтра!" Ахъ! если бы сему несчастному дали тогда одну минуту времени, какое прекрасное онъ сдѣлалъ бы изъ ней употребленіе! Въ земной жизни одна минута можетъ быть довольна къ тому, дабы приблизить насъ къ небу; но по смерти и цѣлою вѣчностію нельзя искупить даже одного потеряннаго дня!

И такъ съ сего времени я начну жить; я стану святить себя повседневно, дабы содѣлаться жертвою, достойною неба. Тебѣ, Творецъ мой! принесу я скудный остатокъ своей жизни, который спасло отъ гибели одно Твое милосердіе. Помедли посѣкать безплодную смоковницу; не потребляй мгновенно грѣшника отъ земли живыхъ; еще разъ потер-

ній на мнѣ, и я потщусь непреткновенно ходить во свѣтѣ Твоихъ оправданій. Отнынѣ, при содѣйствіи Твоей благодати, возлюблю я святые подвиги; отнынѣ буду вооружаться противу злыхъ моихъ желаній, и не щадить силъ своихъ, дабы стопы мои совратились съ путей лукавыхъ. Боже мой! сколько я счастливъ, что Ты еще не потребилъ меня во гнѣвѣ своемъ; сколько доволенъ тѣмъ, что посредствомъ трудовъ кратковременныхъ могу избавиться отъ наказаній вѣчныхъ, праведно мною заслуженныхъ!—

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ 1834 ГОДА.

Стран.

I. ПИСАНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ:

Василія Великаго

Правила пространно изложенныя по вопросамъ и отвѣтамъ . . . 3. 115. 231.

Іоанна Златоустаго

Бесѣда на слова: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый* . . . . 24.

Исидора Пелусіота

Письма . . . . 40.

Григорія Нисскаго

Слово о молитвѣ Господней . . . 246.

Ѳеодора Студита

Четыре главы . . . . 139.

Варсануфія и Іоанна, ученика и сподвижника его

Душеспасительныя наставленія . . 264.

II. ИЗЫСКАНІЯ КАСАТЕЛЬНО ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ:

Взглядъ на нынѣшнихъ Іудеевъ . . 280.

III. ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ:

О благотворныхъ дѣйствіяхъ Христіанской Религіи въ человѣческомъ родѣ . . . . 164.

Разумъ и вѣра 191

Стран.

О холодности къ Вѣрѣ, примѣчаемой въ людяхъ образованныхъ. . . . . 310.

IV. ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ:

Рѣчь къ воспитанникамъ 1-й Санктпетербургской Гимназіи . . . . . 68.

Бесѣда о лжесвидѣтельствѣ, говоренная въ 1-й день Августа 1834 года, въ Тверскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, Синодальнымъ Членомъ *Григоріемъ*, Архіепископомъ Тверскимъ . . . . . 200.

Рѣчь по рукоположеніи Преосвященнаго Агапита, Епископа Томскаго и Енисейскаго, въ 12 день Августа 1834 года въ Успенскомъ Соборѣ, говоренная Синодальнымъ Членомъ *Филаретомъ*, Митрополитомъ Московскимъ. 324.

V. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ:

Отрывокъ изъ Церковной Исторіи Евсевія, Епископа Палестинской Кесаріи. . . . . 144.

Отрывокъ изъ Исторіи Георгія Кедрина . . . . 154.

Обращеніе Евнуха . . . . . . 58.

Отрывки изъ путевыхъ записокъ Миссіонера А. М—я. . . . . . . 329.

VI. НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ:

О сочиненіяхъ противныхъ Религіи. 80.

Стран.

Отрывокъ изъ записной книжки одного почтеннаго Священника . . . . 215.
Утреннее размышленіе . . . . 224.
Напоминаніе о добромъ употребленіи времени . . . . 338.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ НА 1834 ГОДЪ.

Страи.	Строк.	*Напечатано:*	*Читать должно:*
80.	16.	неизлечимымъ	неизлѣчимымъ
85.	17.	бешенствѣ	бѣшенствѣ
94.	11.	произвенія	произведенія
102.	6.	не годуютъ	негодуютъ
107.	26.	во все	вовсе
125.	15.	упражяться	упражняться
—	19.	условленія	уловленія
239.	11.	*языцы*	*языки*

XVII.

СВЯТАГО АНДРЕЯ КРИТСКАГО

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

Святителю и Чудотворцу Николаю.

Человѣкъ Божій, вѣрный рабъ, строитель таинъ Христовыхъ, мужъ желаній духовныхъ! прими въ даръ приносимое тебѣ отъ насъ слово. Вмѣни оное въ благодарность за тѣ милости, кои ты являешь намъ въ чудномъ и тепломъ своемъ предстательствѣ. Мы именуемъ тебя столпомъ и утвержденіемъ Церкви, свѣтиломъ міра; ибо ты содержишь слово жизни (Фил. 2, 16). Дѣла твои даровали тебѣ многія славныя имена; никакая добродѣтель не была чуждою тебѣ, добрый изъ Пастырей, Николай! Ибо всѣ преславныя добродѣтели ты вложилъ въ душу свою, какъ драгіе бисеры въ злату сокровищницу, за что

ѐдва ли не всѣ, живущіе подъ солнцемъ, прославляютъ тебя. Не столько освѣщаетъ внутренность храмины свѣтильникъ, поставленный на высокомъ и златомъ свѣщникѣ: сколько ты, поставленный отъ Христа, истиннаго свѣта, на Святительскомъ престолѣ, просвѣщалъ въ темной странѣ міра сего всѣхъ пасомыхъ тобою, руководя ихъ къ немерцающему свѣту, и какъ бы съ нѣкоего возвышеннаго мѣста осіявая чистымъ свѣтомъ духовнаго познанія, не только близкихъ, но и дальнихъ. Ангельская жизнь твоя содѣлала тебя поистинѣ высокимъ. Чистота души и стремленіе къ истинному соединенію съ Богомъ вознесли тебя превыше небесныхъ круговъ. Изъ сего-то источника проистекаютъ и многоразличныя твои добродѣтели. Подобно пчелѣ, облетая вертоградъ жизни Святыхъ, и собирая съ нихъ цвѣты добродѣтелей, ты обогатилъ себя дѣятельною мудростію. Какой добродѣтели Святыхъ не поревновалъ ты? Кому изъ нихъ не послѣдовалъ ты съ величайшимъ преуспѣяніемъ? Или лучше, съ какимъ

мужемъ добродѣтели ты не сравнился чрезъ подражаніе?—

Праведный Авель заслужилъ похвалу за дары свои: а ты, праведнѣйшій отецъ, всего себя посвятилъ въ духовный даръ Богу, Который не имѣетъ нужды ни въ какихъ вещественныхъ дарахъ. Еносъ надѣялся на Господа: но ты взиралъ ясно и на то, что приготовлено для надѣющихся. Енохъ, угодившій Богу, былъ преселенъ: ты, устремляя всѣ мысли души своей отъ земли на небо, и весь выходя изъ границъ для Бога (2 Кор 5, 13), премѣнилъ преходящее на вѣчное. Праведный Ной сдѣлался любезенъ Богу приношеніемъ Ему пріятныхъ жертвъ, посему и спасъ онъ въ ковчегѣ не только домъ свой, но и всѣ роды животныхъ отъ потопа, покрывшаго всю землю: ты приносишь Богу словесныя жертвы въ таинственномъ служеніи, и въ ковчегѣ Церкви Христовой, православнымъ своимъ ученіемъ спасаешь отъ гибели сонмы еретиковъ, какъ нѣкіе роды животныхъ. Авраамъ прославляется за принятіе странныхъ и любовь къ Богу, и

ублажается за то, что безъ закланія заклалъ Богу повелѣнную жертву—сына обѣтованія: ты пріемлешь и питаешь ежедневно самаго Христа, пріобщая духовной трапезѣ приходящихъ къ Нему, и закалаешь не возлюбленнаго сына и не овча, которое указано, вмѣсто сына, принесть въ жертву, но предаешь всего себя Богу во всегдашнее всесожженіе, и полагаешь, по слову Евангельскому, душу свою за овцы (Іоан. 10, 15). Исаакъ похваляется за правду: ты, какъ бы нѣкое правило правды, повсюду водворяешь духъ ея, и съ великимъ дерзновеніемъ удерживаешь стремящихся къ неправдѣ, ясно открываясь самымъ Царямъ въ сновидѣніяхъ. Іаковъ славится простотою нравовъ и многочадіемъ; онъ видѣлъ лѣствицу, которая простиралась до небесъ, и предъизображала высокое таинство: ты не престаешь раждать Патріарховъ, Пастырей и овецъ Пастыреначальнику Христу, ввѣрившему тебѣ стадо свое, *и положивъ восхожденія въ сердцѣ своемъ* (Псал. 83, 6), ты возвышаешься съ степени на степень, прео-

бразуешься отъ славы въ славу, и возносишься отъ земли въ горняя. Іовъ знаменитъ незлобіемъ и терпѣніемъ въ несчастіяхъ: ты не только не усомнился подражать ему, но и не поколебался отъ нападеній еретическихъ; пусть, думалъ ты, волны ударяются объ утесъ, только бы сохранить мнѣ сокровищницу отъ всякаго хищенія! Іосифъ славенъ цѣломудріемъ и раздаяніемъ хлѣба: ты всего себя показалъ образцемъ чистоты, и медоточнымъ ученіемъ своимъ изобильно насыщалъ всю Паству Ликійскую. Моѵсей, прославленный за кротость и законодательство, именуется богомъ Фараона, и руководителемъ Израильскаго народа: ты, будучи кротчайшимъ для всѣхъ, строгъ только для грѣшниковъ, уча ихъ удаляться пороковъ, и возстающія на насъ страсти, какъ другое Фараоново войско, погружаешь въ морѣ твоихъ подвиговъ. Мужественный Давидъ всеоружіемъ духа сразилъ высокомѣрнаго Голіаѳа: ты, мужественнѣйшій, ежедневно поражаешь мысленнаго тирана душъ, отгоняя отъ словеснаго стада

Христова еретиковъ, сихъ волковъ хищныхъ. Кратко сказать, исполненіемъ Божественныхъ заповѣдей ты сопричислилъ себя къ славному лику Праведниковъ и Пророковъ, подражая однимъ изъ нихъ въ дерзновеніи, другимъ въ ревности, однимъ въ смиреніи, другимъ въ милосердіи, а инымъ въ высотѣ жизни. И не только подражалъ ты Ветхозавѣтнымъ Святымъ, но и ученикамъ Христовымъ, чрезъ которыхъ благодать и истина открыла намъ таинства истиннаго служенія Богу, раздравъ завѣсу прообразованій закона. Ты явился точнымъ послѣдователемъ ихъ, содѣлался окомъ Церкви, по причинѣ неусыпной своей заботливости, и благозвучною ея трубою. О тебѣ прилично сказать сіи слова Писанія: *память праведныхъ съ похвалами* (Притч. 10, 7); и еще: *въ память вѣчную будетъ праведникъ* (Псал. 111, 6). Поистинѣ, похвала воздаваемая Праведнику веселитъ многіе народы.

Но кто можетъ восхвалить тебя, и достойно прославить величіе дѣлъ твоихъ? Если мы и будемъ говорить о те-

бѣ, то наше слово не вполнѣ выразитъ истину. Если мы вознамѣримся сравнивать чьи либо подвиги съ твоими, то, безъ сомнѣнія, наши примѣры далеко останутся назади.

Какъ же назовемъ тебя? *земледѣльцемъ*? Такъ! сіе имя, взятое въ духовномъ значеніи, прилично тебѣ. Ибо ты, истребивъ во всей области Ликійской плевелы невѣрія, удобрилъ умныя пажити, посѣялъ на нихъ живое слово благочестія, и собралъ въ души, какъ въ нѣкія житницы, духовную жатву.—Назовемъ ли тебя *Архитектономъ*? Не погрѣшимъ. Ибо орудіемъ слова своего ты разрушилъ идольскіе жертвенники—эти гнѣздилища демоновъ, воздвигъ Церкви Христу, устроилъ святые храмы въ честь Мучениковъ, и какъ трудолюбивый земледѣлецъ, содѣлалъ плодоносным новонасажденный виноградъ сей, а зодчествомъ духа, какъ мудрый Архитектонъ Церкви, утвердилъ оную на основаніи истинной Вѣры.—Назовемъ ли тебя *воиномъ*? Названіе будетъ справедливо. Ибо сражаясь съ невидимыми си-

лами, ты, какъ нѣкій Военачальникъ, пріялъ всеоружіе духовное: *препоясалъ чресла свои истиною, облекся въ броню праведности, и обулъ ноги въ твердость Евангелія мира* (Ефе. 6, 14. 15). Отражая *шлемомъ спасенія* нападенія страстей, ты оставался твердымъ и неподвижнымъ, подобно камню. Защищаясь *щитомъ вѣры* и непоколебимой надежды отъ стрѣлъ вражескихъ, ты поражалъ противниковъ своими ударами, и разрушая всѣ ихъ коварства, мужественно ограждалъ отъ нихъ паству свою. *Мечемъ глагола Божія* ты посѣкъ до корня ересь раздѣленія Аріева и соединенія Савелліева. Равно и всѣхъ тѣхъ, которые дерзали раздѣлять Единаго отъ Единыя и Святыя Троицы Христа, истиннаго Бога, пріявшаго плоть для нашего спасенія, неправильно понимая таинство воплощенія,—или осмѣливались не признавать въ лицѣ единаго Христа и Бога соединенія двухъ естествъ безъ смѣшенія оныхъ, или допускали въ нихъ раздѣленіе,—всѣхъ сихъ неправыхъ умствователей, уклонявшихъ-

ся либо на ту, либо на другую сторону, ты, какъ Финеесъ, поразилъ однимъ ударомъ меча, умилостивляя всемѣрно Бога всяческихъ.—Назвать ли тебя *Ангеломъ*? Подлинно, ты малымъ чемъ не достигаешь безтѣлесности Ангельской, будучи безтѣлеснымъ въ тѣлѣ, какъ бы человѣкомъ воздушнымъ, или земнымъ Ангеломъ для живущихъ на землѣ. Ибо явиться во снѣ Царю, устрашить его, намѣревавшагося въ слѣдующее утро совершить неправедную казнь, удержать его руку, простертую на умерщвленіе, вразумить его бичемъ, не нанесшимъ ранъ, и невинно осужденныхъ мужей, внезапнымъ предстательствомъ исхитить отъ смерти,—такія дѣйствія многимъ ли разнятся отъ Ангельскаго паренія? Не быстрота ли это Ангела, который перенесъ Аввакума изъ Сіона въ Мидійскій градъ Вавилонъ, дабы доставить пищу Даніилу, сидѣвшему во рвѣ со львами?— Назвать ли тебя *кормчимъ*? И это будетъ справедливо. Поелику твое ходатайство предъ Богомъ служитъ вмѣсто кормила для плы-

вущихъ по пространному морю жизни, а неусыпныя молитвы твои, прелагая бурю и волненіе въ тишину, вѣрно руководствуютъ ко брегу безстрастія прибѣгающихъ къ тебѣ съ вѣрою. Не доказываетъ ли сего тотъ случай, когда ты въ ясномъ сновидѣніи открылъ себя пловцамъ въ видѣ морскаго путника? Пристань Адріатская знаетъ сіе событіе. Когда голодъ тяготилъ твою Митрополію, и когда нѣкоторые плаватели, имѣвшіе на кораблѣ своемъ запасъ хлѣба, намѣревались плыть мимо той пристани, ты заставилъ ихъ войти въ оную, давъ имъ въ залогъ три златницы (что тотчасъ сдѣлалось для всѣхъ извѣстнымъ), и такимъ образомъ, доставивъ пищу алчущему народу, отвратилъ отъ него мученіе глада. Послѣ сего, могъ ли укрыться отъ жителей Ликійскихъ покровитель ихъ и питатель? Живя еще во плоти, прежде отшествія своего ко Христу, ты являлся къ обремененнымъ различными бѣдствіями, подавалъ имъ скорѣйшую помощь въ нуждахъ, и исторгалъ жертвы смер-

ти изъ самыхъ ея челюстей. Все это не показываетъ ли того, что ты достигъ Ангельской безтѣлесности, и потому невозбранно совершаешь чудныя дѣла?

Сверхъ сего, кто не удивится твоему великодушію? твоему тихому и кроткому нраву? твоему миролюбивому и смиренному духу? Нѣкогда ты, какъ повѣствуютъ, осматривая лозы винограда Христова, и встрѣтившись съ мужемъ блаженной памяти Ѳеогніемъ (онъ былъ тогда Маркіанитскимъ Епископомъ), словами Писанія обличалъ его въ заблужденіи до тѣхъ поръ, пока не обратилъ отъ лжи къ истинѣ. Но поелику въ немъ таилось раздраженіе, произшедшее отъ сего обличенія, ты замѣтивъ это, возвышеннымъ гласомъ произнесъ къ нему сіе Апостольское увѣщаніе: „*да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ нашемъ* (Еѳе. 4, 26). Братъ мой! примиримся!“—

Но теперь, когда ты, Отецъ отцевъ, свѣтильникъ вселенныя, твердыня Церкви, огражденіе вѣрныхъ, скорый засту-

никъ обидимыхъ, соединился уже съ нераздѣльною и достопокланяемою Троицею, теперь ты несравненно болѣе промышляешь о благополучіи нашемъ. Паря съ ликами Ангельскими окрестъ престола славы, ты взираешь на насъ свыше, о священная, и по дарованіямъ, Апостольская глава! Не преставай же укрѣплять и вооружать насъ противу грѣха. Ограждай истиною ревнителя святой жизни твоей, отдаленнаго отъ тебя многимъ временемъ, но близкаго къ тебѣ сѣдинами. Сохраняй и сыновъ его, а твоихъ потомковъ. Духовнымъ оружіемъ слова своего прогоняй отъ возлюбленныхъ тобою словесныхъ овецъ нападающихъ на нихъ враговъ. Животворнымъ и неложнымъ ученіемъ благочестія исхищай отъ страха малое стадо, котораго ты самъ былъ Пастыремъ. Защищай Священниковъ и Христолюбивый народъ величіемъ твоихъ знаменій. Ты имѣешь великое дерзновеніе къ Богу; ибо ты приблизился къ Нему, и освѣщаешься чистѣйшими лучами Троичнаго свѣта.

Величаю тебя, Митрополія Ликійская! ты стяжала Пастыря чадолюбиваго; ты пріяла на главу свою драгій и нетлѣнный вѣнецъ. Кто это?—Николай, предстающій въ нуждахъ съ небесными утѣшеніями, неукоснительный защитникъ въ обидахъ, подающій собою примѣръ Пастырямъ, великій въ чудесахъ и страшный въ явленіяхъ, спасающій невинныхъ отъ погибели, разрушающій сновидѣніями неправедныя предпріятія. Блаженъ ты изъ градовъ, Мѵры! ты вмѣщаешь въ нѣдрахъ своихъ столь великаго благодѣтеля. *Пріидите, пойдемъ свѣтомъ* его (Иса. 2, 5), *и поживемъ въ сѣни его* (Пл. Iер. 4, 20). Ты имѣешь и трехъ сподвижниковъ его: Крискента, Діоскорида и Никокла, озаренныхъ свѣтомъ Троицы, коихъ самъ Тріединый Богъ достойно почтилъ наградами царствія, за ихъ подвиги. Сей славный союзъ увѣнчанъ столь же славною главою! Ибо Николай совершилъ мужественно равный съ ними подвигъ, и былъ мученикъ своею готовностію. И что еще болѣе,—его воодушевленіемъ и ревностію

оные Герои соплели себѣ мученическій вѣнецъ.

Итакъ, вѣрующіе слушатели, стекшіеся нынѣ во храмъ сей! совершая благословенную память Богоноснаго Отца нашего, будемъ праздновать священный и торжественный сей праздникъ, отложивъ всякую мірскую пышность, всякое наружное украшеніе, и все, что носитъ на себѣ видъ жалкаго заблужденія языческаго, что изобрѣтено людьми, по внушенію обманчивой плоти. Все это достойно посмѣянія, а вмѣстѣ и плача. Мы увѣнчаемъ Святаго благоухающими розами добрыхъ дѣлъ, и цвѣтами духовныхъ пѣснопѣній. Вотъ какое празднованіе любитъ Святый Отецъ нашъ, Николай! Сіе-то торжество пріятно ему, а не то, которымъ язычники хотѣли угодить ложнымъ богамъ своимъ. Се, и тройственное сочетаніе мужественнѣйшихъ сподвижниковъ величитъ славу своего Наставника! Съ ними Николай водворяется въ небесныхъ селеніяхъ, съ ними осіявается свѣтомъ, съ ними ликуетъ духомъ, созерцая Бога, сколько

сіе возможно. Предстательствомъ сихъ Мучениковъ, и твоими Богопріятными молитвами, Отче! да избавимся всѣ мы отъ всякаго еретическаго и демонскаго навѣта, отъ всякихъ болѣзней, какъ тѣхъ, кои общи людямъ, такъ и тѣхъ, коими неожиданно поражаютъ насъ люди,—да избавимся и отъ всѣхъ другихъ бѣдствій, по благодати, милосердію и человѣколюбію искупившаго насъ честною и жизнодательною, истекшею изъ ребра, кровію Христа Іисуса Господа нашего, Коему подобаетъ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ всякая честь и слава, держава и величіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XVIII.

СВЯТАГО МАКАРІЯ ВЕЛИКАГО

БЕСѢДА

О томъ, что дары Божественной Благодати сохраняются и умножаются смиреніемъ и ревностнымъ стараніемъ, а отъ гордости и нерадѣнія теряются.

Истиннолюбивыя и Боголюбивыя души, желающія съ полною надеждою и вѣрою совершенно облечься во Христа, не имѣютъ большой нужды въ наставленіи другихъ. Хотя сіе небесное желаніе и любовь къ Господу иногда въ нихъ и умаляется; но какъ скоро онѣ всецѣло пригвоздятъ себя ко кресту Христову, то ощущаютъ въ себѣ ежедневно болѣе и болѣе духовной приверженности къ духовному Жениху своему. Будучи же уязвлены небесною любовію и снѣдаемы

жаждою правды добродѣтелей; сіи души сильно и ненасытимо желаютъ просвѣщенія отъ Духа. Впрочемъ и въ то время, когда за свою вѣру онѣ удостоиваются получить познаніе Божественныхъ таинъ, и когда содѣлываются причастницами веселія небесной Благодати,— онѣ не предаются самонадѣянности, и не думаютъ, чтобы онѣ что нибудь значили: но чѣмъ болѣе удостоиваются духовныхъ даровъ, тѣмъ болѣе, по ненасытимости небеснаго своего желанія, стараются искать оныхъ; чѣмъ болѣе ощущаютъ въ себѣ духовнаго преспѣянія, тѣмъ болѣе алчутъ и жаждутъ пріятія и умноженія Благодати; чѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ духовнаго богатства, тѣмъ бѣднѣе становятся сами предъ собою, имѣя сильное духовное стремленіе къ небесному Жениху, какъ говоритъ Писаніе: *ядущіи мя еще взалчутъ, и піющіи мя еще вжаждутся* (Сир. 24, 23). Таковыя души, нося въ себѣ пламенную и ненасытимую любовь къ Господу, являются достойными вѣчной жизни. Посему онѣ и удостоиваются осво-

божденія отъ страстей, и непремѣнно получаютъ просвѣщеніе отъ Духа Святаго, и входятъ съ нимъ въ неизреченное, таинственное и полное благодатное общеніе.

Напротивъ слабыя и нерадивыя души не ищутъ сихъ духовныхъ даровъ. Находясь во плоти, онѣ не надѣются посредствомъ своего подвига и терпѣнія получить совершенное освященіе сердца, и придти въ полное, истинное и опытное общеніе съ Утѣшителемъ Духомъ, и чрезъ сего Духа избавиться отъ порочныхъ страстей. Если же онѣ и удостоиваются Божественной Благодати; то, обольщаемыя злобою, предаются безпечности и нерадѣнію. Ибо какъ скоро онѣ получаютъ благодать Духа, и испытываютъ утѣшеніе Благодати, т. е. миръ души, горячность сердца и духовное услажденіе; то на семъ и успокоиваются, превозносятся, предаются безпечности, не чувствуютъ сокрушенія въ сердцѣ, ни смиренія въ мысли, не стараются достигать полной мѣры безстрастія, и не стремятся со всевозможнымъ

тщаніемъ и вѣрою къ тому, чтобы совершенно исполниться Благодатію, но остаются довольными и спокойными; а остановясь на маломъ утѣшеніи Благодати, преуспѣваютъ болѣе въ гордости, нежели въ смиреніи. Таковыя души, за безпечное нерадѣніе и суетную и горделивую самонадѣянность свою, лишаются и того дара, который принять сподобилисѣ.

Душа истинно Боголюбивая и Христолюбивая, хотя бы тысячу сдѣлала добрыхъ дѣлъ, но по ненасытимому своему желанію Господа, такъ о себѣ думаетъ, какъ будто она ничего не сдѣлала. Хотя бы изнурила тѣло свое постами и бдѣніями, она полагаетъ, что еще не начинала трудиться для добродѣтелей. Хотя бы удостоилась получить различныя духовныя дарованія, или откровенія и небесныя таинства, но по безмѣрной и ненасытимой любви своей къ Господу, она даже не чувствуетъ, чтобы какое нибудь стяжала благо, напротивъ ежедневно алчетъ и жаждетъ вѣры и любви, непрестанно пребываетъ въ моли-

ствѣ, и пламенно желаетъ таинствъ Благодати и всякой добродѣтели. Любовь духовная, небесная любовь уязвляетъ сію душу, и она, будучи укрѣпляема всегда присущею ей Благодатію, постоянно стремится къ небесному Жениху, посредствомъ духовнаго освященія, желаетъ въ полной мѣрѣ удостоиться таинственнаго и неизреченнаго общенія съ Нимъ, откровеннымъ лицемъ, устремленными очами взираетъ на сего небеснаго Жениха, лицемъ къ лицу созерцаетъ Его во свѣтѣ духовномъ и неизглаголанномъ, прилѣпляется къ Нему всею крѣпостію вѣры, сообразуется смерти Его, съ величайшею радостію всегда ожидаетъ смерти за Христа, и несомнѣнно надѣется помощію Духа получить совершенное освобожденіе отъ грѣха и отъ мрака страстей, дабы очистившись силою Духа, освятившись внутренно и внѣшно, удостоиться быть чистымъ сосудомъ къ пріятію небеснаго помазанія, и жилищемъ небеснаго и истиннаго Царя Христа. И тогда-то, т. е. содѣлавшись уже чистымъ жилищемъ Святаго

Духа, она удостоивается вѣчной жизни.

Вдругъ и безъ всякихъ искушеній, душа не можетъ притти въ сіе состояніе, но она получаетъ духовное возрастаніе и преспѣяніе посредствомъ многихъ трудовъ и подвиговъ, по долговременномъ терпѣніи и тщаніи, подвергшись испытаніямъ и различнымъ напастямъ, доколѣ не достигнетъ совершенной степени безстрастія, дабы тогда-то уже, охотно и мужественно претерпѣвши всѣ злобою насылаемыя искушенія, удостоиться великихъ почестей, духовныхъ дарованій и небеснаго богатства, и такимъ образомъ содѣлаться наслѣдницею царствія небеснаго, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава во вѣки. Аминь.

XIX.

БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА ПИСЬМО КЪ ЛЕТѢ О ВОСПИТАНІИ МАЛОЛѢТНОЙ ДОЧЕРИ.

Апостолъ Павелъ, назидая святымъ ученіемъ юную Христову Церковь, въ числѣ многихъ заповѣдей даетъ и слѣдующую въ Посланіи своемъ къ Коринѳянамъ: *жена, аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть* (1 Кор. 7, 13. 14). Можетъ статься, иной и до сихъ поръ находитъ слишкомъ кроткими сіи наставленія, и почитаетъ довольно неосмотрительною подобную снисходительность въ Христіанскомъ Учителѣ: пусть

же таковый обратитъ вниманіе на домъ родителя твоего,—мужа знаменитаго и отлично образованнаго, только еще доселѣ блуждающаго во мракѣ язычества; онъ увидитъ, сколь спасителенъ совѣтъ Апостола. Совѣтъ сей произвелъ то, что отъ горькаго корня произрасли сладкіе плоды, и ничтожныя лозы источили драгоцѣнный бальзамъ. Отъ супружества разновѣрныхъ лицъ родилась ты; отъ тебя и моего Токсоція произошла Павла. Кто бы могъ повѣрить, что у Албина, языческаго первосвященника, родится внука по обѣщанію Мученика,—что дитя, предъ глазами восхищающагося дѣда, въ честь Христу будетъ нѣмотствующимъ языкомъ лепетать *аллилуія*,—что оный старецъ будетъ покоить на лонѣ своемъ юную дѣву, обреченную Богу на храненіе дѣвства? Какъ же счастливо сбылись наши ожиданія! Святый и вѣрный домъ освящаетъ невѣрнаго мужа. Тотъ уже близокъ къ вѣрѣ, кого окружаютъ вѣрные дѣти и внуки. Мнѣ кажется, самъ даже Юпитеръ могъ бы увѣровать во Христа,

если бы онъ жилъ среди такого семейства. Конечно Албинъ, пробѣгая эти строки, станетъ негодовать или издѣваться надо мною; можетъ быть, назоветъ меня глупымъ и безразсуднымъ: но такъ поступалъ и зять его, пока не покорился Вѣрѣ. Христіанами не раждаются, но дѣлаются.

Вотъ Капитолій, блиставшій позолотою, представляетъ теперь самое жалкое зрѣлище! Всѣ языческіе храмы Рима покрыты пылью и паутиною. Городъ въ движеніи, и народъ, мимо полуразрушенныхъ капищъ, толпами стремится къ гробамъ Мучениковъ. Теперь кто не хочетъ быть вѣрнымъ по убѣжденію совѣсти: тотъ, по крайней мѣрѣ, долженъ сдѣлаться таковымъ, по требованію приличія.

Лета, благочестивая дщерь во Христѣ! я говорю это для того, дабы ты не отчаявалась касательно спасенія своего родителя. Тою же самою вѣрою, которая даровала тебѣ дщерь, ты пріобрѣтешь и отца, и тогда вполнѣ насладишься семейственнымъ благополучі-

емъ. Помни, что сказано Господомъ: *невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. 18, 27). Обращеніе никогда не можетъ быть позднимъ. Разбойникъ съ креста переселился въ рай. Навуходоносоръ, Царь Вавилонскій, сдѣлавшись по тѣлу и душѣ скотоподобнымъ, жилъ въ пустынѣ среди дикихъ звѣрей: однакожъ въ послѣдствіи ему возвращенъ былъ умъ человѣческій. Но для чего обращаться намъ къ сказаніямъ древности, которыя невѣріе привыкло считать баснословными? Припомните, какъ родственникъ вашъ Гракхъ, носившій имя благороднаго Патриція, въ послѣдніе годы своего градоправительства низпровергъ, разрушилъ и уничтожилъ пещеру бога Миѳра и всѣ чудовищныя изображенія, которыя чествуетъ языческое суевѣріе, и совершивши предварительно сей подвигъ въ залогъ своей искренности, наконецъ испросилъ себѣ крещеніе во имя Христово.

Подлинно, для язычника многолюдный городъ сталъ уже пустынею. Боги,—предметъ поклоненія народовъ,—со-

крыты подъ кровлями храминъ, въ убѣжищѣ ночныхъ птицъ. На хоругвяхъ воиновъ видится изображеніе креста. Багряницы Царей и вѣнцы ихъ, осыпанные блестящими камнями, украшены также изображеніемъ сего спасительнаго знаменія. Самые Египтяне, чтители Сераписа, покланяются уже Христу. Марнасъ (*), стѣсненный въ Газѣ, рыдаетъ, и ежемгновенно трепещетъ за свой храмъ, которому грозитъ разрушеніе. Изъ странъ Индіи, изъ Персіи и Ееіопіи, каждый день являются къ намъ полки пустынножителей. Армянинъ сложилъ свой колчанъ, Гунны изучаютъ псалмы Давидовы, среди льдовъ Скиѳіи пылаетъ пламень Вѣры. Рыжевласый Гетъ носитъ въ рядахъ своихъ скиніи, посвященныя въ храмъ Спасителю, и, быть можетъ, отъ того съ равнымъ успѣхомъ воюетъ противу насъ, что уповаетъ на того же Бога.

Но кажется, я уклонился къ другому предмету, и предположивши построить хижину, противъ воли вывелъ па-

*) Имя Юпитера.

даты. По желанію святой Маркеллы и по твоей просьбѣ, я намѣренъ былъ бесѣдовать съ тобою, какъ съ матерью, и преподать тебѣ наставленіе какъ воспитать нашу Павлу, которая посвящена Христу еще до рожденія своего, и принесена въ даръ Богу прежде, нежели зачата тобою во чревѣ.

Нынѣ, предъ глазами нашими, отчасти повторились событія священной древности. Анна, испытавши горесть безчадія, напослѣдокъ получила силу дѣторожденія. Ты, испытавши муки рожденія, содѣлалась матерію долгожизненнаго потомства. Я рѣшительно утверждаю, что ты будешь имѣть сыновъ, коль скоро первый плодъ посвятила Господу. Такъ посвящаемы были первенцы во времена подзаконныя. Припомнимъ младенчество Самуилово, обстоятельства рожденія Сампсона и Іоанна Крестителя, который возрадовался и взыгралъ, при вступленіи Маріи въ домъ Захаріинъ. Онъ слышалъ глаголы Господа, изрекаемые устами Дѣвы, и потому изъ чрева матери своей порѣвземъ

былъ восторгомъ въ срѣтеніе Ему. И такъ дитя, рожденное по обѣтованію должно получить отъ родителей и воспитаніе, соотвѣтственное своему происхожденію.

Самуилъ воспитывался во храмѣ; Іоаннъ приготовлялъ себя въ пустынѣ. Одинъ не возлагалъ желѣза на верхъ освященной главы своей, отрекся отъ вина и напитковъ, и еще въ дѣтствѣ бесѣдовалъ съ Господомъ; другой бѣгалъ шума городовъ, носилъ кожаный поясъ, ѣлъ акриды и дикій медъ, и, въ прознаменованіе проповѣдуемаго имъ покаянія, имѣлъ одежду изъ власовъ согбеннаго животнаго. Вотъ примѣры, по которымъ ты можешь образовать душу, предназначенную быть храмомъ Божіимъ!

Наблюдай, чтобы Павла слышала отъ другихъ, и сама говорила единственно то, что можетъ питать страхъ Божій. Выраженія, оскорбляющія приличіе, должны быть для ней непонятны; мірскія пѣсни должны быть ей неизвѣстны. Пусть дѣвственныя уста освящаются сладкими звуками псалмовъ. Удаляй отъ

нее подозрительныхъ молодыхъ людей; самыя подруги и прислужницы при ней не должны быть знакомы съ свѣтскимъ кругомъ, дабы заимствованные въ ономъ худые примѣры онѣ не передали ей еще въ худшемъ видѣ.

Приготовь для Павлы азбуку, вырѣзанную изъ буковаго дерева, или слоновой кости; и пусть каждая буква получитъ приличное ей названіе. Дитя можетъ забавляться этими буквами, и играючи учиться. Она должна изучить ихъ въ порядкѣ; что для нея будетъ очень легко, когда всѣ названія буквъ, по дѣтской привычкѣ, она станетъ напѣвать вмѣсто пѣсни. Но нужно иногда и перемѣшивать азбуку, и ставить послѣднія буквы съ средними, а среднія съ первыми: тогда она пріучится отличать ихъ не только по звуку, но и по виду. Когда же наступитъ время взяться за перо: тогда пусть опытная рука водитъ ея непривычными перстами, или пусть на тетради будутъ сдѣланы очерки письменъ; пиша по означеннымъ чертамъ, она не выступитъ

ни изъ строки, ни за предѣлы страницы. За изученіе складовъ можно дарить ее какими нибудь бездѣлками, которыми впрочемъ дорожатъ въ ея возрастѣ. Не худо ей учиться въ сообществѣ подругъ, чтобы она могла соревновать имъ, и была не совсѣмъ нечувствительна къ похваламъ, которыя онѣ будутъ заслуживать. Если она не въ состояніи будетъ успѣвать за ними, въ такомъ случаѣ не нужно строго взыскивать съ ней: гораздо лучше поощрять ее похвалами, чтобы ей пріятно было превзойти своихъ подругъ, и прискорбно отставать отъ нихъ. Особенно нужно остерегаться, чтобы ей не опротивѣло ученье. Иначе, если въ дѣтскихъ лѣтахъ родится отвращеніе къ наукамъ, то оно продолжится во всю жизнь. Для складовъ надобно предлагать ей не кое-какія слова, а преимущественно имена Пророковъ и Апостоловъ, и всю родословную Патріарховъ, начиная съ Адама, которая изложена у Матѳея и Луки. Такимъ образомъ, изучая первыя стихіи языка, она можетъ собрать въ своей памяти

запасъ свѣдений, полезныхъ для будущаго времени.

Избери учителемъ для Павлы человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, который съ неукоризненною жизнію соединялъ бы основательное образованіе. Мнѣ кажется, истинно образованный человѣкъ не почтетъ для себя низкимъ оказать близкой по родству, или и всякой благородной дѣвицѣ, то благодѣяніе, которое Аристотель оказалъ сыну Филиппа, рѣшившись преподать ему начала языка, что было обыкновеннымъ занятіемъ пошлыхъ грамотѣевъ. Отнюдь не должно почитать низкимъ то, безъ чего не льзя достигнуть великаго. Самое произношеніе буквъ, которое обыкновенно составляетъ первый урокъ, бываетъ иное въ устахъ образованнаго класса людей, иное въ устахъ простаго народа. Наблюдай, чтобъ неосторожныя ласки женщинъ не пріучили твое дитя не договаривать какихъ либо словъ, или забавляться золотыми вещами и пурпуровыми тканями: ибо сколько первое вредитъ языку, столько послѣднее чистотѣ нравовъ. За чѣмъ въ

нѣжномъ возрастѣ привыкать къ тому, отъ чего ей въ послѣдствіи отвыкать должно? Пишутъ, что въ Гракхахъ даръ слова, еще въ младенчествѣ, развивался отъ разговоровъ матери. Красноречіе Гортензія также взлелѣяно на лонѣ родительскомъ. Трудно изглаждать тѣ впечатлѣнія, которыя врѣзались еще въ неопытную душу. Попытайся, возможно ли дать первоначальную бѣлизну волнѣ, окрашенной въ багряной цвѣтъ? Новый сосудъ долго будетъ отзываться тѣмъ, чѣмъ его сначала наполнили. Греческіе дѣеписатели разсказываютъ, что Александръ, этотъ могущественный Монархъ и всемірный властелинъ, не въ силахъ былъ отстать отъ нѣкоторыхъ странныхъ пріемовъ и дурной походки, которые еще въ дѣтствѣ перенялъ онъ у своего наставника Леонида. Нѣтъ ничего легче, какъ перенять что нибудь худое. Случается, что мы не въ состояніи бываемъ послѣдовать чьимъ либо высокимъ добродѣтелямъ: но очень легко можемъ усвоить себѣ его недостатки.

Кормилица твоей Павлы должна быть трезвой и цѣломудренной жизни и не болтлива. Нянька при ней должна быть женщина скромная, воспитатель-человѣкъ степенной. Пріучи, чтобы малютка, увидавши дѣда, бросалась къ нему на шею, прижималась къ его груди, и не смотря на то, расположенъ или не расположенъ онъ слушать ее, напѣвала ему: *аллилуія*. Бабка должна восхищать ее. Отцу своему она должна улыбаться весело, и всѣмъ сдѣлаться любезною, такъ чтобы всѣ родные могли любоваться этою розою, которая возникла среди ихъ. Не забудь заблаговременно внушить ей, что у нея есть и еще бабка и тетка. Затверди ей притомъ, для какого Вождя, и на какое служеніе она готовится: Пусть она стремится своею мыслію къ тѣмъ благочестивымъ женамъ; пусть даже угрожаетъ тебѣ, что она уйдетъ къ нимъ отъ тебя.

Нарядъ и одежда у Павлы должны быть таковы, чтобы они могли напоминать ей, къ чему она предназначена. Ни подъ какимъ видомъ не допускай пронимать

ей уши. Не безобразь бѣлилами или румянами этого лица, которое должно выражать благоговѣйную преданность Іисусу Христу. Не отягощай выи ея златомъ и жемчугомъ; не обременяй главы драгоцѣнными камнями; не подкрашивай ея власовъ подъ златовидный цвѣтъ,— не напророчь ей чрезъ это геенскаго пламени. Пусть она украшается другимъ жемчугомъ, за который въ послѣдствіи могла бы пріобрѣсть одну безцѣнную жемчужину. Однажды Претекстата, знатнѣйшая женщина, послушавшись мужа своего Гимеція, вздумала нарядить и убрать, какъ можно лучше, племянницу его, дѣвицу Евстохію. Изъ волосъ, о коихъ Евстохія ни мало не заботилась, тетка ея сдѣлала модную прическу, съ намѣреніемъ подавить въ этой дѣвицѣ расположеніе къ Богобоязненной жизни, и уничтожить благочестивые виды ея матери въ разсужденіи своей дочери. Вотъ, въ туже самую ночь, Претекстата видитъ во снѣ Ангела, который, вошедши къ ней, началъ грозить ей наказаніемъ, и страшнымъ голосомъ сказалъ: „какъ?

и ты дерзнула своего мужа, давшаго тебѣ повелѣніе, предпочесть Христу? ты дерзнула святотатственными руками коснуться главѣ обреченной Богу дѣвы? Тяжкія мученія вразумятъ тебя, руки твои изсохнутъ, и послѣ пяти мѣсяцевъ ты сойдешь во адъ. А если будешь еще упорствовать въ своемъ преступленіи; то не увидишь болѣе ни мужа, ни дѣтей!" Все это въ свою пору свершилось надъ нею, и смерть, безвременно постигшая сію несчастную женщину, показала, что она поздно уже раскаялась. Такъ наказуетъ Христосъ осквернителей храма Его! такъ Онъ хранитъ тѣхъ, которые составляютъ драгоцѣнность и красу Христіанскаго общества!

Разсказывая сіе обстоятельство, я вовсе не имѣю въ виду издѣваться надъ бѣдствіями несчастныхъ; я хочу только внушить, съ какою заботливостію и предусмотрительностію должна ты хранить свое дитя, которое обрекла Богу. Первосвященникъ Илій прогнѣвалъ Бога преступленіями дѣтей своихъ. По смы-

слу заповѣди Апостольской, тотъ не можетъ быть Епископомъ, у кого дѣти распутны и непокорны. Напротивъ того, пишется о женѣ, что она *спасется съ рожденными ею дѣтьми, если пребудутъ въ вѣрѣ и любви, и въ святости съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 15). Но коль скоро поведеніе дѣтей вмѣняется родителямъ, даже тогда, когда онѣ бываютъ уже возрастными и пользуются свободою: то не гораздо ли болѣе оно вмѣнится имъ, когда дѣти находятся въ младенческомъ, нѣжномъ возрастѣ, и по слову Господню, не могутъ еще разпознать *десницы своея, ниже шуйцы своея* (Іон. 4, 11), т. е. не въ состояніи различать худаго отъ добраго? Ты, конечно, примешь надлежащія предосторожности, чтобы гдѣ нибудь не уязвила дочь твою ехидна: такъ ужели же не позаботишься о томъ, чтобы *млатъ всея земли* (Іер. 50, 23) не поразилъ ее? чтобы не пила она изъ *златой чаши Вавилона* (Іер: 51, 7)? чтобы не выходила, по примѣру Дины, съ намѣреніемъ познакомиться съ дщерями чуждой зе-

мли (Быт. 34, 1)? чтобы не *играла ногами* и не *влекла ризъ* (Ис. 3, 16)? Желая дать отраву, всего чаще приправляютъ ее медомъ: намѣреваясь прельстить грѣхомъ, обыкновенно сообщаютъ ему свойства и образъ добродѣтели. Ты возразишь: „какъ же сказано, что грѣхи отцевъ не взыскиваются съ дѣтей, ни грѣхи дѣтей съ ихъ родителей, но *душа согрѣшающая, та умретъ* (Iез. 18, 20)?" Это сказано о такихъ дѣтяхъ, которыя могутъ совершенно водиться собственнымъ умомъ, такъ что ко всякому изъ нихъ можно примѣнить сіи Евангельскія слова: *самъ возрастъ иматъ, самъ о себѣ да глаголетъ* (Iоа. 9, 21). Если же дѣти еще младенцы, и *по младенчески мыслятъ* (1 Кор. 13, 11): то какъ добрые, такъ и худые поступки ихъ вмѣняются родителямъ до тѣхъ поръ, пока не укрѣпится въ нихъ съ лѣтами собственный разсудокъ, и пока не станутъ онѣ на то распутіе, которое Пиѳагоръ символически изобразилъ буквою Υ *). Нельзя согласиться и

*) Правая сторона сего изображенія предста-

на то мнѣніе, будто дѣти Христіанскихъ родителей, до принятія крещенія, однѣ несутъ на себѣ всю вину грѣха. Ужели ты можешь думать, что тѣ родители свободны отъ всякаго преступленія, которые не позаботились просвѣтить дѣтей таинствомъ крещенія, особенно въ то время, когда дѣти еще не властны были отрекаться отъ крещенія? Съ другой стороны неоспоримо, что спасеніе младенцевъ составляетъ пріобрѣтеніе для ихъ родителей. Въ твоей было власти посвятить, или не посвятить дочь свою Богу (хотя впрочемъ ты была уже обязана посвятить ее Богу, потому что, еще до зачатія своей дочери, изрекла приговоръ о судьбѣ ея): но коль скоро обрекла ее Богу, то уже не можешь безопасно оставить

вляетъ крутой, утесистой восходъ, и означаетъ многотрудный путь добродѣтели; напротивъ лѣвая сторона, имѣющая удобный восходъ, показываетъ путь порока. Человѣкъ достигаетъ сего распутія въ томъ возрастѣ, когда начинаетъ уже разсуждать, какимъ путемъ лучше ему слѣдовать.

ее безъ особенной попечительности. Кто приноситъ въ жертву хромое или увѣчное, или съ какимъ бы то ни было недостаткомъ; тотъ, по приговору закона, подлежитъ одинаковой участи съ святотатцами (Лев. 22, 22): слѣдственно, не гораздо ли тягчайшую заслуживаетъ участь тотъ, кто, имѣя долгъ привесть на лоно Царя рожденное отъ плоти своей,—дѣвственную душу во всей ея чистотѣ, небрежетъ о своей обязанности?

Когда Павла начнетъ подростать, и по примѣру Жениха своего, *преуспѣвать въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ* (Лук. 2, 52): тогда пусть идетъ она съ своими родителями во храмъ истиннаго Отца, но духомъ да не изходитъ съ ними изъ храма. Они могутъ искать ее на распутіяхъ міра, между народомъ и въ толпѣ родственниковъ: но нигдѣ не должны находить ее, какъ только въ святилищѣ Писанія, вопрошающею Пророковъ и Апостоловъ о духовномъ бракѣ. Она должна подражать Маріи, которую Гаврі-

илъ нашелъ одну въ ея чертогѣ, и отъ того-то, вѣроятно, смутилась Пресвятая Дѣва, что посѣщеніе мужа показалось ей необыкновеннымъ. Пусть же дщерь твоя соревнуетъ Той, о Которой сказано: *вся слава дщере Царевы внутрь* (Псал. 44, 14). Пусть и она, бывъ уязвлена стрѣлою любви, говоритъ объ избранномъ: *введе мя Царь въ ложницу свою* (Пѣсн. 1, 3). Горе, если она когда либо выйдетъ вонъ! Бродящіе по городу нападутъ на нее, будутъ бить ее, уязвятъ ее, сорвутъ съ нее одежду скромности, и обнаживъ оставятъ ее обагренною кровію (Пѣсн. 5, 7). Если бы даже кто сталъ ударять въ двери ея; она должна отвѣчать: *азъ стѣна, и сосцы мои яко столпи* (Пѣсн. 8, 10). *Умыхъ нозѣ мои, како оскверню ихъ* (Пѣсн. 5, 3)?

Не позволяй своей Павлѣ садиться за большой столъ, на примѣръ, дома въ присутствіи гостей, чтобы она не увидала тамъ такихъ яствъ, къ которымъ легко можетъ пристраститься. Хотя нѣкоторые и поставляютъ великую добродѣ-

тель въ томъ, чтобы видѣть удовольствіе и презирать оное: напротивъ, по моему мнѣнію, гораздо надежнѣе то воздержаніе, когда мы отказываемся вовсе смотрѣть на обольстительные предметы. Помню, что еще въ дѣтствѣ читалъ я въ училищѣ сей стихъ: „тяжело отставать отъ того, къ чему позволили себѣ привыкнуть:" Пусть Павла заранѣе пріучается не чувствовать ни какой надобности въ употребленіи вина, которое полагаетъ начало невоздержной жизни. Но поелику до совершеннаго возраста опасно и тяжело для молодыхъ людей строгое воздержаніе: то до тѣхъ поръ, въ случаѣ нужды, она можетъ ходить въ баню, пить нѣсколько вина для желудка, и подкрѣплять себя мясною пищею; иначе силы могутъ измѣнить ей прежде, нежели вступитъ она на поприще. Это говорю я по снизходительности, а не въ видѣ повелѣнія; отнюдь я не намѣренъ учить роскоши, а боюсь слабости людей, начинающихъ подвиги спасенія. Ибо если даже суевѣрный Іудей наблюдаетъ строгое воздержаніе относитель-

но извѣстнаго рода животныхъ и извѣстныхъ снѣдей; если Индійскіе Брахманы и Египетскіе Гимнософисты довольствуются только ячною кашею, похлебкою и древесными плодами: то почемужъ Христовой дѣвѣ не подвизаться во всѣхъ родахъ воздержанія? Если простое стекло въ такой цѣнѣ: то менѣе ли драгоцѣнною должна быть жемчужина? Кто получилъ жизнь въ слѣдствіе обѣтованія: тотъ долженъ и жить подобно людямъ, родившимся по обѣтованію. Равная благодать вызываетъ на равные подвиги.

Пусть Павла закроетъ свое ухо для мусикійскихъ звуковъ. Какая нужда знать ей, для чего устроена свирѣль, лира и арфа? Лучше каждый день, въ видѣ урока, пусть она изустно прочитываетъ предъ тобою избранные тексты изъ Библіи, и такимъ образомъ подноситъ тебѣ какъ бы нѣкую вязь цвѣтовъ, собранныхъ на полѣ Священнаго Писанія. Весьма полезно изучать ей и Греческихъ Поэтовъ, и ни мало не теряя времени, должно заставить ее

заняться Латинскою словесностію, тѣмъ болѣе, что если съ самаго начала не будутъ образованы нѣжные органы слова, то легко въ родной языкъ могутъ войти чужіе звуки, и отечественныя слова будутъ носить на себѣ недостатки иноземнаго выговора. Ты сама должна быть наставницею своей дочери; на тебя должна съ удивленіемъ взирать неопытная юность: но ни въ тебѣ, ни въ отцѣ своемъ она не должна видѣть ничего такого, что бы могла перенять ко вреду своей невинности. Напечатлѣйте въ своей памяти, родители юной дочери, что вы несравненно лучше можете научать ее примѣромъ, нежели словами.

Скоро отцвѣтаютъ цвѣты; скоро знойный вѣтръ сушитъ фіалку, шафранъ и лилію. Берегись же, чтобы безъ тебя нигдѣ не показывалась Павла въ общенародныхъ собраніяхъ. Ни при гробницахъ Мучениковъ, ни во храмахъ она не должна являться безъ матери, чтобы не встрѣтить двусмысленной улыбки отъ какого нибудь молодаго человѣ-

ка или моднаго щеголя. Присутствуя при Богослуженіи, въ навечеріе великихъ праздниковъ, и при отправленіи всенощныхъ бдѣній, наша дѣвица ни на шагъ не должна отходить отъ своей матери.

Не хорошо, если Павла почасту будетъ перешептываться съ какою нибудь изъ своихъ служанокъ, и за это любить ее болѣе, чѣмъ другихъ. Что говоритъ она съ одною, то непремѣнно должны знать и всѣ. Не та изъ подругъ должна ей нравиться, которая лучше другихъ убирается, красивѣе наружностію, у которой есть въ глазахъ выраженіе страсти, и которая свѣтлымъ голосомъ умѣетъ пѣть пріятныя пѣсни, — но подруга степенная, съ лицемъ блѣднымъ, въ нарядѣ самомъ обыкновенномъ, съ выраженіемъ печали на челѣ.

Приставь къ Павлѣ пожилую дѣвицу, вѣрную, честную и цѣломудренную. Пусть она руководствуетъ дочь твою, и собственнымъ примѣромъ научитъ ее, среди безмолвія ночи, вставать на молитву и псалмопѣніе; утромъ пѣть

священные гимны; въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу становиться на брань, какъ прилично воину Христову; и при сіяніи свѣтильника приносить вечернюю жертву. Такъ пусть будутъ протекать дни, и ночи застигать ее въ трудахъ. Чтеніе должно смѣнять молитву, молитва чтеніе. Время, проходя среди столь разнообразныхъ занятій, покажется очень краткимъ.

Пріучай также свою дочь обработывать волну, ходить съ лейкою за огородомъ, и съ корзиною для собиранія плодовъ, владѣть веретеномъ и прясть полотна. Ткани шелковыя, шерстяныя издѣлія Серійцевъ (*), золотыя парчи не должны занимать ее. Пусть она дѣлаетъ себѣ одежду, но не такую, чтобы изъ подъ оной могли быть видимы члены тѣла, но которая могла бы защищать ее отъ холода.

Пищу ея должны составлять овощи, мука и изрѣдка рыба. Но чтобъ не распространяться о діетѣ, о чемъ я подробнѣе писалъ въ другомъ мѣстѣ, ко-

(*) Индійскій народъ.

ротко скажу: Павла должна принимать столько пищи, чтобы всегда оставалась нѣсколько голодною, такъ чтобы прямо послѣ стола она способна была и читать и пѣть. Съ другой стороны, мнѣ не нравятся, особенно въ нѣжномъ возрастѣ, продолжительные и неумѣренные посты, простирающіеся на цѣлыя недѣли, во время коихъ запрещаютъ себѣ употребленіе масла въ пищѣ и древесныхъ плодовъ. Я замѣчалъ, что если молодой оселъ утомится въ пути, то онъ въ сторону своорачиваетъ съ дороги. Пусть такого рода посты наблюдаютъ поклонники Изиды и Цибелы, которые, во дни своего невоздержнаго пощенія, пожираютъ фазановъ и жареныхъ горлицъ, лишь бы только не коснуться даровъ Цереры (*). При большомъ постѣ надобно стараться, чтобы на продолжительномъ пути силы оставались въ своей свѣжести; иначе, если пустимся съ быстротою въ началѣ поприща, то принуждены будемъ пасть на серединѣ дороги. Впрочемъ (о чемъ

(*) т. е. хлѣба.

я уже и прежде писалъ) во время четыредесятницы воздержаніе должно доходить до самой высшей степени: хотя и въ этомъ случаѣ иначе могутъ вести себя мірскіе люди, иначе дѣвы, посвятившія себя Богу, и монахи. Мірской человѣкъ четыредесятидневнымъ постомъ раздражаетъ свою алчность, и на подобіе улитки, насыщающейся собственнымъ своимъ сокомъ, въ чаяніи питательной влаги, приготовляетъ свое чрево для рѣдкихъ и тучныхъ яствъ, которыя его ожидаютъ. Напротивъ дѣва, посвятившая себя Богу, и монахъ, во дни четыредесятницы, должны дѣлать себѣ нѣкое послабленіе, въ той мысли, что имъ предлежитъ нескончаемое поприще. Подвигъ, который долженъ окончиться, можетъ требовать чрезвычайныхъ усилій; напротивъ, которому не предвидимъ конца, тотъ долженъ быть совершаемъ съ меньшими усиліями. Въ первомъ случаѣ мы надѣемся имѣть отдыхъ; въ послѣднемъ мы постоянно простираемся впередъ.

Когда ты выѣзжаешь за городъ, не о-

ставляй своей дочери дома. Пріучи, чтобъ она не хотѣла и не могла безъ тебя пріятно провождать время; чтобы ей страшно было остаться одной. Ей не должно вступать въ разговоры съ дѣвицами большаго свѣта; еще менѣе позволяй ей дружиться съ такими, которыхъ поведеніе сомнительно. Ей также не нужно быть при бракахъ слугъ, и мѣшаться въ игры шумныхъ собраній.

Не драгоцѣнные камни и не шелковыя ткани, но Божественныя книги должны привлекать Павлу, и въ сихъ послѣднихъ должны нравиться ей не золотыя фигуры и не узорчатыя изображенія, сдѣланныя на Вавилонской кожѣ, но приспособленное къ вѣрѣ, точное и мудрое расположеніе сихъ книгъ. Прежде всего ей нужно изучить Псалтирь; потомъ, миновавъ Пѣснь Пѣсней, учиться изъ Притчей правиламъ общежитія. Екклезіастъ научитъ ее презирать все мірское. Въ книгѣ Іова она усвоитъ себѣ образцы добродѣтели и терпѣнія. Перешедши къ Евангелію, она никогда не должна выпускать его изъ рукъ. Дѣянія

и посланія Апостольскія она должна напечатлѣть въ своей душѣ со всѣмъ добрымъ расположеніемъ. И когда симъ богатствомъ обогатитъ она сокровищницу своего ума: тогда пусть углубляется въ Пророковъ, въ Пятокнижіе, въ книги Царствъ и Паралипоменонъ, также въ писанія Ездры и книгу Есѳирь. Послѣ этого, ей можно будетъ, безъ всякаго опасенія, приступить и къ Пѣсни Пѣсней. А если она будетъ читать ее сперва; то, не понявъ, что подъ чувственными символами заключается здѣсь торжественная пѣснь, прославляющая таинственный бракъ, она можетъ помрачить въ себѣ чистоту мыслей. Пусть у ней постоянно будутъ подъ рукою Кипріановы сочиненія; пусть со всѣмъ должнымъ вниманіемъ прочтетъ она письма Аѳанасія и Иларіевы книги. Короче, она должна усвоять себѣ мысли и духъ тѣхъ писателей, въ книгахъ коихъ благочестіе утверждено на незыблемомъ основаніи. Писанія другихъ она можетъ читать болѣе для того, дабы умѣть сдѣлать объ нихъ надлежа-

щій отзывъ, а не для того, чтобъ слѣдовать ихъ наставленіямъ.

Ты скажешь: „я женщина свѣтская, могу ли все это выполнить, живя среди многолюднаго общества въ Римѣ?“ По этому-то и не должна ты брать на себя той тяжести, которую нести не можешь: но, отдоивши свою дочь, какъ Исаака (Быт. 21, 8), и одѣвши ее, какъ Самуила (1 Цар. 2, 19), отошли къ бабкѣ и теткѣ. Пожертвуй этотъ драгоцѣннѣйшій камень въ чертогъ Маріи, положи его въ колыбель младенчествующаго Іисуса (*). Пусть она воспитывается въ монастырѣ, и обращается въ кругу благочестивыхъ дѣвъ. Тамъ она не пріучится къ божбѣ, ложь будетъ почитать святотатствомъ, не будетъ знать свѣта, станетъ жить какъ Ангелъ, во плоти будетъ представлять безплотнаго, и всѣхъ людей станетъ почитать подобными себѣ самой. Не говоря о многихъ выгодахъ,—по крайней мѣ-

(*) Бл. Іеронимъ разумѣетъ здѣсь женскій монастырь, находившійся въ Виѳлеемѣ у яслей Господнихъ.

рѣ, она избавитъ тебя чрезъ это отъ трудной обязанности хранить ее и неразлучныхъ съ тѣмъ опасностей. Тебѣ легче будетъ познать горесть разлуки съ нею, чѣмъ съ утомительною заботливостію наблюдать: что она говоритъ? съ кѣмъ говоритъ? кого одобряетъ? на кого смотритъ съ особеннымъ удовольствіемъ? Вручи Евстохіи это дитя, котораго теперь даже самый вопль есть молитва за тебя. Препоручи ей сію сподвижницу святой жизни, будущую ея наслѣдницу. Бесѣда Евстохіи, ея поступь, ея одежда выражаютъ одну добродѣтель: потому Павла одну ее должна имѣть предъ глазами, ее особенно любить, ей воздавать съ раннихъ лѣтъ должную дань удивленія. Пусть твое дитя будетъ покоиться на лонѣ бабки, которая, безъ сомнѣнія, поставитъ для себя долгомъ внушить внукѣ своей тѣже самыя правила, въ которыхъ она воспитала нѣкогда и свою дочь. Долговременнымъ упражненіемъ она пріобрѣла уже навыкъ воспитывать дѣвъ, сберегать ихъ и доставлять имъ нужное о-

бразованіе. Лики подвижницъ, стекающихся къ ней, каждодневно вплетаютъ безчисленные цвѣты въ вѣнецъ чистоты ея. Счастлива эта дѣвица! счастлива, говорю, Токсоціева Павла! Добродѣтели бабки и тетки дѣлаютъ ее гораздо блистательнѣе, чѣмъ знаменитый родъ. О! если бы ты сама посмотрѣла на свою свекровь и родственницу, если бы увидѣла великія души въ немощныхъ тѣлахъ: я увѣренъ, что ты, по свойственному тебѣ цѣломудрію, сама упредила бы дочь свою; ты пожертвовала бы первоначальнымъ Божественнымъ опредѣленіемъ о супружествѣ (Быт. 2, 24) новому закону о дѣвствѣ, проповѣданному Евангеліемъ (Матѳ. 19, 12), и не только отказалась бы отъ удовольствія видѣть у себя другихъ дѣтей, напротивъ еще сама себя принесла бы въ даръ Богу. Но поелику есть *время обымати и время удалятися отъ обыманія* (Еккл. 3, 5); также: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ* (1 Кор. 7, 4); *кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7, 20); притомъ

же кто подъ ярмомъ, тотъ долженъ такъ бѣжать, чтобы не оставить спутника въ болотѣ: то ты можешь въ лицѣ своего дитяти исполнить все то, чего пока не въ состояніи сдѣлать съ собою. Анна, приведши къ Скиніи обреченнаго Богу сына, уже не взяла его назадъ. Ей казалось неприличнымъ воспитывать въ своемъ домѣ будущаго Пророка, когда еще сама она не отказалась отъ желанія имѣть другихъ дѣтей. Опять, по рожденіи Самуила, пока еще не исполнила даннаго Богу обѣта, она не дерзнула приступить ко храму, и безъ дара явиться предъ Господомъ. Но когда она принесла уже столь великую жертву: тогда, по возвращеніи въ домъ свой, въ награду за то, что своего перворechнаго обрекла Богу, она родила еще пять сыновъ. Ты завидуешь счастію святой жены? Подражай ея вѣрѣ. Отпусти свою Павлу: даю вѣрное слово, что самъ я буду ея учителемъ и воспитателемъ; буду самъ носить ее на раменахъ своихъ. При всей дряхлости своей, я позабочусь пріучить къ вѣр-

нымъ звукамъ лепещущія уста младенца, и тогда прославлюсь болѣе извѣстнаго всемірнаго Философа. Онъ воспиталъ Царя Македонскаго, который наконецъ погибъ отъ яду въ Вавилонѣ: я напротивъ воспитаю рабу и невѣсту Христову, которая готовится для небеснаго царства.

XX.

ХРИСТІАНСТВО И ВСЕНАРОДНОСТЬ.

Къ отличительнымъ чертамъ настоящаго времени, безспорно, принадлежитъ стремленіе давать общую извѣстность всѣмъ явленіямъ умственной дѣятельности. Нынѣ всякое открытіе въ области наукъ и искусствъ, всякая новая мысль, порожденная возвышеннымъ умомъ, дѣлается достояніемъ всего человѣчества. Умственный свѣтъ, въ наше время, почти столь же быстро распространяется по землѣ, какъ и свѣтъ физическій. Тысячи періодическихъ изданій различнаго содержанія и съ различными новостями, тысячи книгъ о разныхъ предметахъ и на разныхъ языкахъ готовы удовлетворять любознательности, пользѣ, желаніямъ и требованіямъ каждаго.

Но это усиліе повсемѣстно разлить свѣтъ умственнаго и эстетическаго образованія не есть плодъ земной мудрости. Оно родилось въ колыбели Христіанства и возмужало подъ вліяніемъ его духа. Еще въ ночи духовнаго невѣденія и нравственной дремоты человѣковъ, міръ услышалъ призываніе ко всеобщему просвѣщенію изъ устъ Божественнаго Учителя, Который далъ ученикамъ своимъ сію заповѣдь: *шедше научите вся языки* (Мат. 28, 19), и повелѣлъ имъ велегласно возвѣщать міру тайны небесной премудрости, которыя сообщалъ имъ въ дружескихъ бесѣдахъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ: и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Мат. 10, 27).

Дѣйствительно, Христіанство для того и основано, дабы познали его, и познали все; оно всегда преподавало и нынѣ преподаетъ такія истины, которыя составляютъ основаніе и временнаго благополучія нашего, и вѣчнаго блаженства. Въ ученіи его сообщаются новости, которыя нужно знать не одному

только извѣстному семейству, или одному извѣстному народу, но всему человѣчеству. Здѣсь говорится не о какихъ-либо открытіяхъ въ области наукъ и искусствъ, не о преніи въ какомъ нибудь древнемъ или новомъ судилищѣ, не о различныхъ состояніяхъ и успѣхахъ войны или мира между народами, не о борьбѣ мятежныхъ страстей въ вымышленныхъ фантазіею лицахъ: здѣсь объявляется невыразимо радостная и единственная въ лѣтописяхъ міра новость, что Творецъ неба и земли содѣлался человѣкомъ для спасенія своихъ тварей, что Царь вселенныя воплотился отъ Дѣвы въ одной изъ малѣйшихъ и незнатныхъ областей своего Царства, дабы освободить отъ грѣховнаго плѣна всѣхъ, кои истинно увѣруютъ въ Него, дабы возстановить падшее человѣчество въ первобытное его состояніе, и ввесть его въ храмъ вѣчной жизни и славы. Христіанство возвѣщаетъ намъ о совершившейся тайнѣ нашего искупленія, проповѣдуетъ о чудномъ мірѣ, который принесенъ съ неба Ангеломъ великаго Совѣ-

та, и говоритъ о тѣхъ чрезвычайныхъ благахъ, которыя отъ вѣка уготовалъ Богъ вѣрующимъ во Христа. Посему если какая новость должна быть обнародываема; то сія прежде и громче всѣхъ! Если о какой новости надобно знать всѣмъ людямъ; то о сей—необходимо!—

Самая Исторія ясно свидѣтельствуетъ, что всенародность есть существенный характеръ Христіанства. Когда сія святая Религія явилась на землѣ; то нашла одни слабые оттѣнки истины, существовавшіе въ мірѣ языческомъ, подъ именемъ преданій, и тщательно сокрываемые мудрецами отъ взоровъ народа. Всѣ религіи имѣли свои таинства; но истинное значеніе сихъ таинствъ было открываемо весьма не многимъ. Люди необразованные, по мнѣнію языческихъ мудрецовъ, не могли постигать сокровенный смыслъ таинствъ, и не достойны были обладать симъ сокровищемъ. Посему тщательно скрывая отъ нихъ сущность религіи, языческіе Философы питали умы ихъ нелѣпыми баснями и грубыми предразсудками.

„Трудно найти первую причину всѣхъ вещей, говорилъ знаменитѣйшій изъ мудрецовъ древняго міра (*), и хотя бы мы нашли ее; то невозможно было бы всѣмъ познать оную." Подобнымъ образомъ думаютъ Индейскіе Брамины; такогоже мнѣнія и всѣ слѣпые вожди народовъ, блуждающіе съ ними во тьмѣ ложнаго богопочтенія! Напротивъ Христіанство открываетъ свои святѣйшія истины всѣмъ и каждому; оно указываетъ путь къ небу Іудею и Еллину, и не дѣлаетъ ни какого различія между великими и малыми земли, между образованными и необразованными чтителями Бога. Въ немъ заключается торжественное обьявленіе Небеснаго Царя, посредствомъ коего сынамъ персти возвѣщено оставленіе грѣховъ и богатство наслѣдія, которое пріимутъ достойные въ Царствѣ блаженныхъ духовъ. Оно предназначено быть радостотворнымъ благовѣстіемъ для всего міра, коему въ дивномъ событіи открыта тайна непостижимой

(*) Plat. Timæus. p. 28

любви Божіей. *Се благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь во градѣ Давидовѣ* (Лук. 2, 10. 11), говорилъ Ангелъ, возвѣщавшій Іудейскимъ пастырямъ рожденіе Эммануила. Аѳинскій Ареопагъ, желавшій слышать новости изъ устъ Апостола Павла, услышалъ отъ него сію вѣчно радостную и всемірную новость: *лѣта невѣденія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаятися* (Дѣян. 17, 21. 30). Обтеките мыслію открытые пути первыхъ проповѣдниковъ небеснаго Слова, и вы увидите, что Апостолы, Евангелисты и ученики ихъ разливали благодатный свѣтъ Вѣры въ синагогахъ и храмахъ, въ чертогахъ и домахъ, на торжищахъ и стогнахъ, среди пустынь и мрачныхъ ущелій. Трубный *гласъ* воинства Іисусова *разносился по всей землѣ*, и достигалъ *предѣловъ вселенныя* (Рим. 8, 18). Религіи тайныя вездѣ падаютъ и исчезаютъ; но всенародная Іисусова Религія стоитъ непоколебимо

и неизмѣнно. Ея всенародность служитъ средствомъ къ ея распространенію и утвержденію.

Итакъ истинные сыны Вѣры чего должны желать, по отношенію къ своей Религіи, и къ чему стремиться?— Къ тому, чтобы Христіанство и нынѣ сохраняло древній свой характеръ— всенародность, чтобы тѣ самыя средства, которыя служатъ къ распространенію наукъ и познаній, къ увеличенію разнородныхъ, хотя большею частію вещественныхъ, выгодъ человѣчества, тѣмъ болѣе служили для умноженія духовнаго свѣта. Умственное и эстетическое образованіе тогда только можетъ быть благотворно, когда въ сердцѣ нашемъ будетъ возрастать сѣмя Божественнаго Слова, полезнаго *ко ученію, ко обличенію, къ исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2. Тим. 3, 16. 17). Христіанское ученіе есть сокровищница высокихъ истинъ, коими рѣшаются сомнѣнія нашего ума, которыя могутъ

отвѣтствовать на всѣ вопросы нашей совѣсти, которыя суть залогъ порядка и мира, спасенія и блаженства.

XXI.

НЕВѢ́РІЕ.

Въ человѣческой жизни, какъ и въ видимой природѣ, только средина спасительна. Самая жестокая стужа, какъ и самый сильный жаръ отнимаютъ жизнь у растеній, животныхъ и людей. На вершинахъ высочайшихъ горъ, какъ и въ глубинахъ подземныхъ пещеръ жить равно не возможно. Чрезвычайный расточитель, какъ и чрезвычайный скупецъ одинаково бѣдны; оба не умѣютъ наслаждаться своимъ богатствомъ. Грубый и суевѣрный народъ также страшенъ, по своей дикости и варварству, какъ и образованный, безбожный народъ, по своему своенравію и презрѣнію всякой правды и добродѣтели.

Нельзя не содрогнуться, представивъ себѣ дѣйствіе грубаго суевѣрія. Суевѣріе оскор-

бляетъ человѣческій разумъ, разрушаетъ спокойствіе нашей жизни, и заставляетъ человѣка поступать, подобно безумцу. Оно вноситъ противорѣчіе въ законы природы, поставляетъ нелѣпости на мѣсто благодѣтельной истины, приписываетъ мечтамъ воображенія такую силу, которая уничтожаетъ могущество Вѣчнаго. Оно превращаетъ Религію въ убійственное изувѣрство, которое огнемъ и мечемъ разрушаетъ счастіе нашихъ собратій.

Но менѣе ли ужасны дѣйствія невѣрія? О, кто можетъ описать, какъ пагубны тѣ люди, которые не имѣютъ ни вѣры, ни вѣрности! Они суть опаснѣйшіе враги человѣчества: ибо ничего другаго не любятъ, кромѣ собственной корысти; ничему другому не служатъ, кромѣ идоловъ своего сердца. Не зная ни Бога, ни вѣчности, они не знаютъ ни какой добродѣтели, которая отвергаетъ земныя удовольствія, и вступаетъ въ борьбу съ злыми страстями. Всякую Религію они почитаютъ изобрѣтеніемъ хитрости, или заблужденіемъ простодушныхъ.

фанатиковъ, которые умѣли обольстить другихъ своими мечтами.

Суевѣріе, при разливающемся свѣтѣ наукъ, нынѣ теряетъ свое владычество, и изчезаетъ съ лица земли: но невѣріе высоко поднимаетъ свою выю. Въ наше время тѣмъ охотнѣе предаются ему, что оно ходитъ подъ личиною просвѣщенія. Невѣрующему нынѣ даютъ названіе здравомыслящаго, и потому желаніе возвыситься надъ понятіями черни, побуждаетъ многихъ, вопреки чувству справедливости и добра, относить истину къ предразсудкамъ, и безвѣріе почитать мудростію.

Происхожденію сего зла, т. е. презрѣнія религіозной увѣренности въ истинѣ невидимыхъ предметовъ, наиболѣе благопріятствуетъ привязанность къ увеселеніямъ и роскоши. Человѣкъ, пристрастный къ удовольствіямъ, находитъ, что основательныя и глубокія мысли о Богѣ и вѣчности препятствуютъ ему свободно веселиться. Если онъ и не можетъ вдругъ отречься отъ своего Бога; однако ему пріятно менѣе

помышлять о Немъ, или воображать, что Творецъ вселенной не есть свидѣтель нашихъ дѣлъ и желаній. Если онъ и почитаетъ возможнымъ безсмертіе души; однако, для успокоенія себя, довольствуется разсужденіемъ: „мы о томъ ничего не знаемъ; никто не возвращался изъ области мертвыхъ, чтобы открыть намъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ."—Если онъ и не отрицаетъ того, что Іисусъ Христосъ былъ великій мудрецъ; однако готовъ думать, что Онъ не Сынъ Божій, и что Его ученіе о святости жизни слишкомъ строго, и превышаетъ силы человѣка, составленнаго изъ плоти и крови. Если онъ и не отвергаетъ достоинства добродѣтели, и не можетъ внутренно не воздавать ей высокаго уваженія; однако ему пріятно вѣрить, что весьма не многіе изъ людей имѣютъ истинную добродѣтель, и что главное дѣло въ томъ, дабы жить въ свѣтѣ, не нарушая его приличій. Такимъ образомъ склонность къ чувственности, овладѣвая умомъ и сердцемъ людей, не-

примѣтно дѣлаетъ ихъ служителями и защитниками невѣрія.

Къ умноженію невѣрія не мало способствуетъ еще вредное легкомысліе, по коему каждый, имѣющій способность предлагать остро и пріятно свои вымыслы, старается распространять ихъ повсюду. Что полуобразованные люди сочиняли и писали, то читается такими же полуобразованными, кои, по недостатку основательныхъ познаній, остроумное признаютъ за глубокомысленное, вѣроятное за достовѣрное, красивое за доброе. Чтеніе многихъ книгъ безъ выбора производитъ въ умахъ юношества, вмѣсто ясности, одно сбивчивое понятіе, а множество сбивчивыхъ свѣденій пораждаетъ въ нихъ высокоуміе и самодовольство, которое издѣвается надъ глубокимъ изслѣдованіемъ истины, называя его школьничествомъ. Полуобразованіе столько же обманчиво и опасно для ума, сколько слабый свѣтъ лунной ночи для ноги путника. Можно тогда видѣть, но такъ какъ во снѣ: образы имѣютъ другія черты, другой

ростъ; отдаленные предметы кажутся близкими, а близкіе отдаленными. Полуобразованные обыкновенно презираютъ трудность науки, думая, что одного воззрѣнія ума ихъ довольно къ познанію того, что должно быть дѣломъ постояннаго изысканія и размышленія. Посему они часто перемѣняютъ свои мнѣнія, и переходя отъ заблужденія къ заблужденію, падаютъ въ бездну невѣрія.

Равнымъ образомъ кичливость ума бываетъ причиною того, что невѣріе получаетъ свободный доступъ къ нашему сердцу. Люди, прельщенные своимъ умомъ, желая обо всѣмъ судить, и все извѣдать, весьма мало понимаютъ свойство и предѣлы познавательныхъ силъ своихъ, и стыдятся признать свое невѣденіе тамъ, гдѣ по необходимости признать его должно. Не смотря на то, что видимая природа представляетъ имъ множество неизъяснимыхъ таинъ, они смѣло рѣшаются конечнымъ умомъ обнять безконечное, и скудною пядію своего разумѣнія измѣрить безпредѣльное небо. Безъ свѣта Божія дерзая про-

никать въ міръ сверхъчувственный, они или забавляются мечтами фантазіи, или покушаются отвергать сверхъестественное, потому только, что въ мірѣ духовномъ видятъ предъ собою одинъ таинственный мракъ. Эти мудрецы не примѣчаютъ того, что выступать за черту разума, значитъ сдѣлаться безумнымъ, и что, если бы надлежало отвергать все то, что не понятно, значило бы отвергать бытіе собственнаго духа, которое столько же непостижимо само въ себѣ, сколько непостижимъ Богъ, и недовѣдома тайна существа Его.—

Мужъ двоедушенъ, по изреченію Апостола, *не устроенъ во всѣхъ путехъ своихъ* (Іак. 1, 8). Сомнѣвающійся лишенъ спокойствія, потому что не имѣетъ основанія, на которомъ бы онъ могъ утвердиться. Онъ блуждаетъ въ мучительной неизвѣстности, и находится въ тяжкой и непрерывной борьбѣ съ самимъ собою. Онъ видитъ чудесъ исполненную природу, и спрашиваетъ самаго себя: гдѣ Творецъ ея? Онъ допу-

скаетъ Провидѣніе, и спрашиваетъ: не случай ли это? Въ тысячелѣтіяхъ онъ находитъ согласіе всѣхъ народовъ касательно почитанія верховнаго Существа, однако сомнѣвается и недоумѣваетъ, весь ли родъ человѣческій, или только одинъ онъ стоитъ на пути истины? Внутренній голосъ говоритъ ему: ты не можешь уничтожиться, въ тебѣ есть нѣчто безсмертное; однакожъ онъ страшится имѣть увѣренность въ высшее призываніе духа своего къ безсмертной жизни. Онъ не можетъ не воздавать добродѣтели уваженія, однако Божество, къ которому она ведетъ его, кажется ему темнымъ. Онъ не хочетъ вѣрить ничему недоказанному, между тѣмъ какъ вѣритъ невозможному. Таковъ сомнѣвающійся!

Но что сказать о человѣкѣ, который изъ мрачнаго сомнѣнія падаетъ въ глубину невѣрія? Невѣріе есть жесточайшая болѣзнь его души. Въ порядкѣ міра, который разкрываетъ предъ нимъ свои чудеса, онъ видитъ медленный ходъ мертвой необходимости, или слѣпаго случая.

Всѣ существа, его окружающія, представляются очамъ его толпою безжизненныхъ тѣней. Для него нѣтъ на землѣ истиннаго счастія: хотя онъ и можетъ предаваться забавамъ, упоевать свои чувства веселіемъ; но быть внутренно довольнымъ никогда не можетъ. Ибо для него нѣтъ вселюбящаго Существа, Которое бы онъ смѣло назвалъ своимъ Богомъ и Отцемъ; нѣтъ Сына Божія, Котораго бы онъ могъ именовать своимъ Ходатаемъ и Искупителемъ; нѣтъ Царства духовъ, въ которыхъ бы онъ могъ признавать своихъ защитниковъ и хранителей. Для него не цвѣтетъ въ нѣдрѣ домашней жизни чистая радость: ибо кто умираетъ для его сердца, тотъ умираетъ навсегда. Изъ отдаленной вѣчности ему не блещетъ лучь надежды и утѣшенія;—его радости мгновенны, его печали безотрадны!

Можетъ ли когда либо суевѣріе столько мучить смертнаго своими мечтами и воображаемыми ужасами, сколько невѣріе своими подозрѣніями и внутренними противорѣчіями? Невѣріе не толь-

ко отравляетъ наслажденіе жизнію и отнимаетъ семейственное счастіе; нѣтъ, оно разрушаетъ и самое благосостояніе Гражданскаго Общества. Кто не находитъ въ себѣ мира, тотъ ищетъ цѣли своей жизни въ раболѣпствѣ низкимъ страстямъ. Кто не имѣетъ предметомъ вѣчности, тотъ живетъ для суеты настоящаго дня. Кто не знаетъ Бога, тотъ увеселяется землею. Кто отвергъ высокое назначеніе своего духа, для того что значитъ добродѣтель, справедливость, честность?— Религія для него баснь; ея почитатель лицемѣръ или изувѣръ; корысть для него божество; міръ его святилище; жизнь по смерти—пустая мечта!— Онъ не живетъ для блага человѣчества, но только для себя одного. Все, что называется великимъ и достопочтимымъ, для него изчезло, и потому онъ бѣжитъ отъ другихъ, удаляется отъ всего любви достойнаго и святаго; только однѣ животныя потребности, только страхъ поставляютъ его въ связи съ обществомъ. Вручите ему скипетръ власти: онъ будетъ играть счастіемъ

людей, только бы удовлетворить своимъ страстямъ. Поставьте его наравнѣ съ подобными ему: онъ будетъ шутить клятвою, онъ готовъ принять всякую личину, только бы достигнуть того, къ чему стремится его самолюбіе. Коварство и обманъ онъ будетъ почитать житейскою мудростію; благоразуміе и приличіе—справедливостію и добродѣтелію; для него нѣтъ ничего истиннаго, ничего изящнаго, ничего добраго, кромѣ того, что служитъ къ умноженію корыстныхъ его видовъ. Онъ находитъ смѣшнымъ жертвовать жизнію для блага Отечества; а для умноженія своихъ удовольствій готовъ былъ бы пожертвовать цѣлымъ міромъ, если бы имѣлъ къ тому силу и возможность. Вотъ къ какой гибели ведетъ людей религіозное невѣріе!

Еще и нынѣ указываютъ намъ на несчастіе протекшихъ столѣтій, на бѣдствіе людей, на погибель націй отъ невѣжества, суевѣрія и фанатизма! Будетъ время, когда, можетъ быть, также станутъ указывать на несчастіе нашихъ дней,—на дѣйствіе религіознаго невѣрія,

которое, разрывая узы, связующія Небо съ землею, колеблетъ Царства и волнуетъ народы!

Ты, Котораго я чту, и въ Котораго вѣрую, къ Которому взываетъ мое сердце, Котораго указываетъ мнѣ блистательнѣйшая природа въ милліонахъ чудесъ, Котораго прославляетъ Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ, Богъ жизни моей, Богъ моей вѣчности! подай мнѣ силы, чтобы я всегда былъ далекъ отъ мрачныхъ безднъ невѣрія, куда падаетъ столь много несчастныхъ жертвъ. Я буду держаться за десницу Твою, веди меня свѣтомъ твоихъ откровеній по прямому пути Вѣры. Чѣмъ яснѣе я познаю Тебя, чудный Боже! тѣмъ достойнѣе научаюсь почитать Тебя, тѣмъ крѣпче моя надежда на Тебя, тѣмъ чище и святѣе мое желаніе всегда ходить предъ Тобою!

XXII.

СЛОВО

Въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, и предъ торжественнымъ обѣтомъ сердовольныхъ вдовъ, въ Церкви Св. Марiи Магдалины, что во Вдовьемъ домѣ, Декабря 6 дня 1834 года говоренное Синодальнымъ Членомъ *Филаретомъ*, Митрополитомъ Московскимъ.

Помаза Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя. Дѣя. 10, 38.

Ко дню, именемъ Благочестивѣйшаго Императора украшенному, самое близкое слово было бы о нашемъ благополучiи подъ охранительною сѣнiю могущественнаго имени *Народопобѣдителя*, которое такъ счастливо всею полнотою

своего знаменованія встрѣтилось съ духомъ именуемаго, покаряющимъ себѣ народы троякою силою мудрости, могущества и любви.

Но мановеніе самаго Самодержца указуетъ иное направленіе моимъ мыслямъ, назначаетъ моему слову иной предметъ—бѣдствіе и сострадапіе. Ибо тогда, какъ мы совершаемъ праздникъ вѣрноподданической любви, Благочестивѣйшій Государь хощетъ, чтобы нынѣ же, именно здѣсь, былъ праздникъ Царскаго человѣколюбія. Тогда, какъ мы приносимъ къ сему Олтарю молитвы о Его безцѣнномъ для насъ здравіи, Онъ вноситъ сюда Свою сострадательную заботу о болящихъ, и поручаетъ намъ освятить живыя орудія Его собственнаго сердоболія.

Послѣдуемъ, братія, Христіанскому движенію сердца Царева, и помыслимъ о томъ особенномъ родѣ человѣколюбія, который имѣетъ предметомъ болящихъ.

И во первыхъ, потребуемъ сему роду человѣколюбія столько вниманія,

сколько онъ заслуживаетъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ человѣколюбія, которыя, по Евангелію, дадутъ право на благословеніе на судѣ Христовомъ, и на призывъ къ блаженству, представляются вниманію, не бывъ искомы, и предлагаютъ намъ сами себя. Алчущій, жаждущій, странникъ, нуждающійся въ одеждѣ, являются, приходятъ, сказываютъ о своей нуждѣ, показываютъ ее; въ нихъ добродѣтель человѣколюбія ходитъ за нами, преслѣдуетъ насъ, хочетъ втѣсниться въ наши домы: только не убѣгай; только не запирай дверей. Но бѣдствующій болѣзнію лежитъ: кто его увидитъ? Естьли онъ проситъ помощи: кто его услышитъ? А не рѣдко, чѣмъ болѣе нужна ему помощь, тѣмъ менѣе онъ можетъ изъяснитъ свою нужду, и даже понимать и чувствовать оную. Позаботьтесь же о сердоболіи къ болящимъ, которое менѣе другихъ родовъ человѣколюбія вамъ докучаетъ; подите, поищите сей добродѣтели, потому что она за вами ходить не можетъ.

Иногда причиною невнимательности благоденствующихъ къ нѣкоторымъ бѣдствіямъ полагать можно то, что ихъ не испытывали;—что не всегда вѣрятъ виду бѣдствія;—что почитаютъ бѣдствующаго виновнымъ въ его бѣдствіи. На примѣръ, что значитъ быть алчущимъ по недостатку хлѣба, сего по опыту не знаетъ большая часть изъ насъ даже въ то время, которое у другихъ называется голодомъ. Сострадаціе къ заключеннымъ въ темницу можетъ охлаждаться мыслію, что они заключили туда сами себя, собственными дѣлами. Не таково бѣдствіе болѣзни. Естьли ты и довольно долго, безпорочно, безопасно шелъ путемъ жизни, не встрѣчаясь съ онымъ, впрочемъ больше, нежели вѣроятно, что оно встрѣтитъ тебя далѣе, въ старости, предъ смертію. Итакъ при одрѣ болящаго сострашди ему,—и себѣ; и, вспомнивъ законъ Провидѣнія, который такъ часто можно читать въ произшествіяхъ, естьли бы онъ и не былъ написанъ въ Евангеліи: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мат. 7, 2),—

попекись утѣшить и облегчить болящаго, чтобы нѣкогда и тебѣ послано было Провидѣніемъ потребное утѣшеніе и облегченіе.

По великости бѣдствія велико должно быть сострадательное вниманіе къ бѣдствующему. Хотя же трудно опредѣлять великость бѣдствія, потому что бѣдствіе наше обыкновенно кажется намъ больше чужаго, и дѣйствительно испытываемое, больше слышимаго, или представляемаго въ мысляхъ: но примѣръ многострадальнаго Іова даетъ намъ разумѣть, какъ велико можетъ быть бѣдствіе болѣзни въ сравненіи съ другими нещастіями. Постигнутый нищетою и безчадіемъ, онъ еще разсуждалъ великодушно, и благословлялъ Бога: но пораженный болѣзнію, *отверзе Іовъ уста своя, и прокля день свой* (Іов. 3, 1).

По сей-то великости бѣдствія нѣкоторыхъ болящихъ, благотвореніе болящимъ представляется въ Евангеліи не только похвальнымъ дѣломъ добродѣтели человѣческой, но и высокимъ дѣломъ человѣколюбія Божественнаго, и между

человѣколюбивыми дѣяніями самаго Іисуса Христа блистаетъ особенною славою. И алчущихъ питалъ Онъ, какъ то напиталъ въ пустынѣ, однажды пять тысячь народа пятью хлѣбами, а въ другомъ случаѣ четыре тысячи семью хлѣбами; и болящихъ посѣщая или пріемля приходящихъ, исцѣлялъ всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ. Чудесенъ былъ и тотъ и другой родъ благотворенія: но когда надлежало Апостолу Петру, приготовляющему Корнилія и нѣкоторыхъ другихъ язычниковъ ко вступленію въ Христіанство, изобразить для нихъ Божественность Лица Іисусъ Христова, и высокую благотворность Его дѣяній, вниманіе Проповѣдника особенно остановилось на второмъ родѣ благотворенія. *Помаза*, говоритъ, *Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя.* Итакъ исцѣлять есть дѣло Божественное: посему и посѣщать болящихъ, утѣшать, облегчать, подкрѣплять въ духѣ, есть такое благотвореніе человѣческое,

которое идетъ слѣдомъ за Божественнымъ.

Нельзя наконецъ не упомянуть объ особенной важности посѣщенія болящихъ, въ томъ отношеніи, что состояніе болѣзни не рѣдко превращается въ преддверіе смерти. Важное поприще земной жизни—послѣднее, гдѣ успѣшнымъ окончательнымъ подвигомъ довершаются предъидущіе, и даже иногда, больше или меньше, восполняется недостатокъ оныхъ, или напротивъ, неувѣнчанный конецъ больше или меньше затмѣваетъ все дѣло;—гдѣ присутствіе духа въ рѣшительномъ сраженіи выигрываетъ вѣчную побѣду, или напротивъ малодушному и безполезному усилію спастись бѣгствомъ отъ смерти угрожаетъ невозвратный плѣнъ;—гдѣ не многими остальными шагами человѣкъ переступаетъ въ небо, или оступается въ бездну! Неудобопонятная, и потому неудобоуправимая и небезопасная послѣдняя брань тлѣнія съ нетлѣніемъ, ветшающаго человѣка съ обновляемымъ, связующаго тѣла съ освобождаемою душею, привы-

чекъ и привязанностей земныхъ съ желаніями небесными, воспоминаній прошедшаго съ надеждами и страхами будущаго! Иногда упадающія силы тѣлесныя, не отрѣшившуюся отъ тѣла душу, такъ сказать, засыпаютъ своими развалинами, и болящій не видитъ приближающейся смерти, не вспоминаетъ своихъ, заранѣе на сіе время воспріятыхъ, намѣреній, не примѣчаетъ важности наступающаго подвига, не ищетъ пособій. Приближься къ сему колеблющемуся подвижнику, свѣжій, запасный воинъ; напомни ему о приготовленіяхъ къ рѣшительной брани, поддержи его въ подвигѣ, подай ему духовныя оружія: щитъ вѣры, и шлемъ упованія спасенія; подкрѣпи его силою изъ сокровищъ благодати; помоги духу его, сквозь развалины плоти, возвышаться къ Отцу Духовъ; утѣшительнымъ и животворнымъ Божественнымъ словомъ, и тихимъ дхновеніемъ молитвы, расправь и возвысь крила отлетающей душѣ. Кто знаетъ? Можетъ быть, непогрѣшительно совершивъ свой горній полетъ, она, по вза-

имности любви невременной, возвратится нѣкогда къ тебѣ, какъ голубица къ Ною, съ неувядающею вѣтвію мира, когда настанетъ и твоей душѣ время выйти изъ ковчега смертнаго тѣла на землю живыхъ, безсмертныхъ.

Естьли сіи размышленія даютъ вамъ, братія, нѣкоторое понятіе о томъ, сколь достойное вниманія и упражненія дѣло есть человѣколюбивое и Христіанское посѣщеніе болящихъ: то мнѣ остается, во вторыхъ, указать кратко на расположенія, въ какихъ должно быть при таковомъ посѣщеніи, дабы оно было истинно полезно.

Посѣщеніе болящихъ должно быть предпріемлемо по чувству долга и вмѣстѣ по свободному расположенію. Одинъ произволъ не обезпечилъ бы постоянства въ семъ дѣлѣ, не рѣдко утомительномъ. При одномъ невольническомъ чувствѣ долга, дѣло сіе было бы холоднымъ и мертвымъ, безвкуснымъ для посѣтителя, непитательнымъ для посѣщаемаго. Посему-то въ особенности вамъ, призванныя сестры сердоболія, для испыта-

нія свободнаго расположенія, дается время приготовленія; а потомъ чувство долга подкрѣпляется обѣтомъ.

При посѣщеніи больныхъ неразлучною спутницею должна быть любовь Христіанская. Съ любовію, какъ всякое, такъ и сіе дѣло легко дѣлающему, и пріятно тому, для кого дѣлается. Наипаче же Христіанская любовь, какъ во всѣхъ отношеніяхъ есть, по изреченію Апостола, *исполненіе закона* (Рим. 13, 10), такъ и въ отношеніи къ болящимъ, одна можетъ замѣнить всѣ правила, или, естьли нужно, и дать оныя, и принять, и исполнить. Она постарается доставить больному всякое возможное утѣшеніе, кромѣ вреднаго; и позлатитъ ему горькое, но спасительное врачевство.

Сія же любовь призоветъ къ одру болящаго кротость и терпѣніе, на которыя впрочемъ особенное обращать должно вниманіе, чтобы онѣ отсюда не отлучались. Какъ о дѣйствіяхъ ветхаго человѣка сказалъ Апостолъ: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Рим. 7 20): такъ о расположеніяхъ больнаго

можно иногда сказать: это не онъ, а болѣзнь. Она бываетъ въ немъ необыкновенно раздражительна, нетерпѣлива, упорна: естьли въ обращеніи съ нимъ не сохраните съ своей стороны кротости и терпѣнія, то можете пролить масло на огонь, и притомъ на огонь истребительный.

Наконецъ приносите къ одру болящаго,—непремѣнно приносите, вѣру и молитву. Естьли уже находите его въ чувствованіяхъ вѣры и молитвы: прилагайте вашъ ѳиміамъ къ его ѳиміаму, и поддерживайте огнь кадила его дыханіемъ вашей молитвы. Естьли же, къ сожалѣнію, не возжено его кадило; не примѣтно въ немъ ни теплоты вѣры, ни благоуханія молитвы: тѣмъ не менѣе употребите и здѣсь вашу вѣру и молитву. Естьли мертвымъ горящимъ углемъ, чрезъ приближеніе, зажигается другой мертвый же холодный уголь: не паче ли сердце, одушевленное и воспламененное живою вѣрою и молитвою, можетъ возжечь тотъ же огнь въ другомъ, даже и совсѣмъ хладномъ, даже въ

полумертвомъ сердцѣ? Не усумнитесь приближить и къ сему невозженному углю вашу горящую кадильницу; и тихимъ, но постояннымъ направленіемъ воли, дѣйствующей съ Богомъ, навѣвайте на него животворящій духовный огнь. Можетъ быть, еще не поздно воздуть хотя малую искру жизни духовной, въ угасающей жизни плотской: и тогда—вы совершили не только величайшее благотвореніе человѣку, но и Апостольское служеніе Богу.

Для употребленія сихъ мыслей и совѣтовъ случаи могутъ встрѣчаться каждому: а для призываемыхъ нынѣ въ сердобольное служеніе болящимъ да будутъ оные напутствіемъ къ сему Богоугодному служенію. Аминь.

XXIII.

ПРОВИДѢНІЕ.

Бываютъ минуты, когда духъ нашъ, удрученный горестію, совершенно упадаетъ, и всѣ свѣтлыя надежды исчезаютъ во мракѣ. Бываетъ время, когда тучи золъ, стекаясь отвсюду, производятъ мятежныя сомнѣнія въ изнемогшей душѣ нашей, и потрясаютъ вѣру ея въ вѣчное Провидѣніе.

Разсматривая рядъ явленій, которыя міръ представляетъ нашимъ взорамъ, мы не рѣдко видимъ, что порокъ торжествуетъ, а невинность предается поруганію; видимъ истиннаго Христіанина, свято исполняющаго свои обязанности, въ нищетѣ, въ неизвѣстности, въ гоненіи, между тѣмъ какъ нечестивецъ успѣваетъ во всѣхъ своихъ замыслахъ, растетъ и высится, подобно кедру;

видимъ,—и съ болѣзненнымъ сердцемъ вопрошаемъ самихъ себя: ужели тамъ,— превыше звѣздной тверди, есть недремлющее око, которое непрестанно назираетъ пути человѣковъ?

Ахъ! сколько благочестивыхъ, мирныхъ семействъ сдѣлалось жертвою войны! Въ чемъ виновно семейство, что его жилище, обитель чистой добродѣтели и радости, въ одну минуту стало добычею опустошительнаго пламени?—Чѣмъ виновенъ согбенный старостію отецъ, что въ нѣсколько мгновеній похищено у него все благосостояніе, надъ которымъ онъ неусыпно трудился цѣлую жизнь? Ночи проведенныя въ заботахъ, дни проведенные въ трудахъ, рѣки пота, пролитыя имъ для счастія своего семейства, скорбь и надежда долговременной жизни,—все было напрасно! Чѣмъ виновно это бѣдное дитя, у котораго вражескій мечь отнялъ попечительность нѣжной, отеческой любви, и вдалекѣ отъ родительскаго крова заставилъ его скитаться отъ дома къ дому, и умолять о чуждой помощи? Взирая

на такія злоключенія, мы содрогаемся, и вопрошаемъ самихъ себя: благое ли Провидѣніе бдитъ надъ нами, или слѣпой, неумолимый случай произвольно играетъ жребіемъ сыновъ человѣческихъ?

Тамъ, предъ колыбелью малютки, стоитъ на колѣняхъ безутѣшная мать. Единственный сынъ ея, рожденный въ болѣзняхъ, лежитъ предъ нею, какъ увядающій цвѣтокъ. Она возводитъ къ небу омоченныя слезами очи, и съ надеждою опускаетъ ихъ на страждущаго младенца. Еще разъ онъ открываетъ взоръ свой, еще разъ невинно улыбается предъ лицемъ матери, и простираетъ руки къ ея объятіямъ, какъ бы желая спокойно заснуть въ нихъ сномъ непробуднымъ. Ахъ! онъ предчувствуетъ одиночество той, которая полагала въ немъ все счастіе жизни, и неохотно разстается съ нѣжными ея лобзаніями. Но смерть скоро отторгаетъ любовь отъ любви, сердце отъ сердца. Несчастная мать, простершись надъ бездыханнымъ тѣломъ, не знаетъ предѣла своей горести. Тщетно питала она ты-

сячи надеждъ, тщетно проливала слезы, умоляя небо о возвращеніи здоровья своему первенцу. Земля даетъ ей въ удѣлъ неизреченную скорбь, свыше не приходитъ къ ней ни какой отрады! Уныло блуждаетъ мысль ея въ ночи жизни, она всюду ищетъ помощи и утѣшенія,—и нигдѣ не находитъ оной. Тяжкій вздохъ, исторгшійся изъ стѣсненной груди ея, кажется, вопрошаетъ небо: гдѣ Провидѣніе, и для чего оно оставляетъ меня сиротою въ мірѣ?

Когда, въ страшную бурю, рѣка покидаетъ ложе свое, и на хребтѣ шумящихъ волнъ несетъ въ бездну неисчетное множество жертвъ, тщетно молящихъ о своемъ спасеніи; когда разверзаются нѣдра земли, и въ одну неизмѣримую могилу падаютъ тысячи мужей и женъ, юношей и старцевъ, добрыхъ и злыхъ, такъ что не остается и слѣда человѣческой жизни тамъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали многолюдные города: кто не содрогнется при сихъ ужасныхъ явленіяхъ, и не предложитъ себѣ вопроса: это ли должно происходитъ

въ мірѣ, подъ вседѣтельнымъ правленіемъ благаго Промысла?

Такъ, отягченный скорбію духъ нашъ, подобно слѣпцу, не рѣдко блуждаетъ во мракѣ сомнѣній, и уклоняясь съ пути вѣры, испытываетъ однѣ мученія страждущаго сердца. Въ эти печальныя минуты намъ кажется, что мы забыты небомъ, и преданы на жертву слѣпому року, который безъ причины одного возвышаетъ, а другаго низвергаетъ.

Но сколь бы ты ни былъ, слабый смертный, далекъ отъ неба, безпредѣльный покровъ его повсюду будетъ простертъ надъ тобою. Око небеснаго Отца всегда отверсто, и неутомимо бдитъ надъ тобою: только ты не можешь усматривать чудныхъ его мановеній, когда ходишь по землѣ съ поникшимъ взоромъ. Испытай безпристрастно самаго себя, и тогда легко узнаешь, откуда происходитъ слабость колеблющейся вѣры твоей въ Божественное Провидѣніе.

Никто не можетъ отвергать, что большая часть людей начинаетъ размышлять о Провидѣніи въ то время, ко-

гда гроза бѣдствій разразится надъ ними. Наслаждаясь земнымъ счастіемъ, живя въ спокойствіи и довольствѣ, умъ нашъ боязливо встрѣчается съ мыслію о Промыслѣ, который по волѣ своей располагаетъ жребіемъ смертныхъ. Дѣйствительно, въ ясные дни благополучія, мы безпечно пьемъ чашу наслажденій; и только лишеніе радости заставляетъ насъ возчувствовать истинную цѣну утраченнаго блага. Тогда-то, отягченные болѣзнями, мы обыкновенно обращаемъ взоръ свой къ небу, и начинаемъ вопрошать его о путяхъ Промысла. Но въ этомъ жалкомъ положеніи, въ этомъ скорбномъ состояніи души, человѣкъ менѣе всего способенъ получить живое убѣжденіе въ бытіи безконечно мудраго и благаго Провидѣнія. Сердце его такъ бываетъ стѣснено чувствомъ настоящаго бѣдствія, что не позволяетъ ему предаться спокойнымъ и глубокимъ размышленіямъ. Несчастный мыслитъ только о томъ, чего страшится; усматриваетъ только то, что отъемлетъ у него благополучіе земной жизни. Въ смущеніи духа,

онъ не можетъ ясно представить себѣ тѣхъ удивительныхъ событій, которыя непререкаемо свидѣтельствуютъ о непостижимо высокой мудрости Божескаго міроправленія; а потому легко впадаетъ въ заблужденіе и сомнѣніе. Не соображая связи и хода всѣхъ обстоятельствъ своей жизни, онъ видитъ въ чудной цѣпи произшествій одно настоящее злоключеніе, которое вноситъ болѣзнь въ его сердце, и такимъ образомъ, принявъ часть за цѣлое, случайное за существенное, рѣшается подчинить себя и весь міръ мечтательной власти слѣпаго рока.

Напротивъ, если бы мы, въ минуты внутренняго покоя, когда душа дѣлается способною посвящать себя высокимъ и важнымъ размышленіямъ, тщательно изслѣдывали всѣ пути жизни, по которымъ ведетъ насъ Промыслъ; то несомнѣнно пріобрѣли бы такую вѣру въ чудное Его водительство, которой не могло бы поколебать ни какое злоключеніе. Углубившись въ самихъ себя, и постигнувъ цѣль необыкновенныхъ превратностей

нашей судьбы, мы сознались бы, что одна и таже невидимая десница всегда благовременно сѣяла радости и скорби на стезяхъ нашей жизни. Тогда мы увидѣли бы, что произшествіе, которое грозило намъ страшною бѣдою, положило основаніе неожиданному благополучію; что незаслуженное нами уничиженіе поставило насъ въ безопасности отъ жестокой бури, которая сокрушила твердыню могущества, и оставила одни слѣды его уничтоженія. Тогда мы узнали бы, что исполненіе нашихъ предпріятій породило бы множество зла, коего гибельныхъ послѣдствій не могли бы мы оплакать слезами цѣлой жизни, и что напротивъ горестное событіе, возмутившее насъ до глубины души, имѣло самое благотворное вліяніе на образъ нашихъ мыслей, коему въ послѣдствіи мы были обязаны счастливѣйшими минутами жизни. Христіанинъ, убѣжденный такими размышленіями, въ дѣйствіяхъ Промысла, странствуетъ въ земной юдоли съ упованіемъ на Бога. Во всѣхъ произшествіяхъ міра, и во всѣхъ измѣнені-

яхъ судьбы своей, онъ видитъ устроеніе высочайшей мудрости, и съ твердою увѣренностію говоритъ самому себѣ: это дѣло Божіе! это сила перста Всемогущаго! Обуреваемый волнами бѣдствій, онъ не теряетъ надежды на благое Провидѣніе, но успокоиваясь въ его объятіяхъ, съ дерзновеніемъ взываетъ къ Богу: *аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22, 4)!—

Другой источникъ сомнѣній, колеблющихъ вѣру въ вѣчное Провидѣніе, заключается въ гордомъ притязаніи нашего разума подвергать суду дѣйствія міроправленія. Мы часто востаемъ противъ мысли о міродержавномъ Промыслѣ Божіемъ, когда видимъ событіе, приводящее насъ въ ужасъ, или узнаемъ о приключеніи, которое, по нашему понятію, не можетъ произвесть ни какихъ благотворныхъ послѣдствій. Но, неразумный смертный! ты забываешь, что тебѣ надобно быть Богомъ, дабы постигнуть весь планъ Его міроправленія, и понять сообразность средствъ съ великими цѣля-

ми, кои безпредѣльная мудрость пред-начертала въ тайнѣ судебъ своихъ. Ты хочешь подвергнуть сомнѣнію бытіе всеуправляющаго Промысла, потому что не видишь, какую пользу можетъ доставить человѣчеству то или другое печальное событіе: но ты знаешь одну только пылинку во вселенной, одно только мгновеніе изъ всей вѣчности! То, что называешь ты несчастіемъ, можетъ быть, вовсе не было несчастіемъ для тѣхъ, кои, по видимому, испили горькую чашу. Потеря благосостоянія, оскудѣніе богатства, лишеніе земныхъ удовольствій, ужели есть страшное бѣдствіе для человѣка? Нѣтъ, кто не поставляетъ во прахѣ высочайшаго счастія своей жизни; тотъ конечно не будетъ почитать бѣдствіемъ утрату того, что непрестанно тлѣетъ въ рукахъ нашихъ. И сколь многіе, подвергшись убожеству, въ тоже время обогатились чувствомъ упованія на Бога, и познали великое благо принадлежать небу! Если бы духъ нашъ, отрясая земный прахъ, чаще устремлялся мыслію за предѣлы временной жи-

зни: то яснѣе видѣлъ бы, какъ перстъ Божій, разнообразными, но всегда дивными путями благости, тайноводитъ человѣка къ послѣдней цѣли бытія его, и какая *глубина богатства, премудрости и разума Божія* (Рим. 11, 33) равно открывается въ великихъ и малыхъ, въ радостныхъ и печальныхъ событіяхъ міра!

Наконецъ, легкомысленное понятіе наше о Богѣ бываетъ причиною, что надежда на благое Провидѣніе колеблется въ душѣ нашей. Человѣкъ, окруженный напастями, и утомленный борьбою со зломъ, не рѣдко, въ малодушіи своемъ, говоритъ: Богъ непостижимо великъ, а я—малъ и ничтоженъ! Ужели жъ Онъ, Всевышній будетъ взирать на меня, и непрестанно заботиться о моей участи, когда въ неизмѣримомъ Царствѣ Его существуютъ милліоны лучшихъ меня твореній? - Такъ, Богъ великъ, и *величію Его нѣсть конца* (Псал. 144, 3); а ты слабое и перстное Его созданіе! Но куда ведетъ тебя твое легкомысліе? Въ величіи Бога ты не видишь безпредѣль-

ности совершенствъ Его, и низводишь Божество на степень существъ ограниченныхъ. Ты,—прахъ и тлѣніе,—дерзаешь сравнивать Его съ собою, и ставить въ ряду твореній! Тотъ, Кто на небѣ возжегъ лучезарныя звѣзды,—сіи неисчетные міры, и ведетъ ихъ чиномъ по безмѣрному пространству тверди, Кто малѣйшую песчинку привязываетъ къ земному шару незримыми узами, Кто наполняетъ вселенную милліонами существъ, и хранитъ однодневную жизнь непримѣтнаго насѣкомаго,—Тотъ можетъ ли когда нибудь забыть человѣка, благороднѣйшее изъ своихъ созданій, коему суждено быть сыномъ вѣчности? Безпредѣльный въ силѣ творенія, столькожъ безпредѣленъ и въ могуществѣ своего промышленія. Безъ воли Его *не падаетъ воробей на землю* (Мат. 10, 29), и *не погибаетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей* (Лук. 21, 18). Если Онъ такъ прекрасно *одѣваетъ полевую траву, которая сего дня растетъ, а завтра брошена будетъ въ печь: то*

кольми паче заботится о *васъ, маловѣры* (Мат. 6, 30)!—

Неизслѣдимый, Вѣчный! Ты, Кого я именую своимъ Отцемъ, благимъ и милосердымъ! Ты располагаешь моею судьбою, и хранишь меня на скользкомъ пути земной жизни! Подъ покровомъ Твоего Промысла я безъ боязни странствую въ мірѣ, и руководимый Твоею десницею, знаю, куда иду! Во дни радости и скорби Ты будь всегда со мною, дабы я былъ Твоимъ вѣчно!

XXIV.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ МИССІОНЕРА

А. М—я.

1830 *года Дек.* 3. Вчера по утру мы выѣхали изъ Бійска, и ночевали въ *Сросткахъ*, гдѣ сего дня одна больная дѣвица, по исповѣданіи, причащена мною Св. Христовыхъ таинъ. Сего же дня въ *Березовкѣ*, въ домѣ Христіанина-Татарина М—а Т—ва, младенецъ Татаринъ, усыновленный жителемъ сего селенія Д—ъ А—мъ, крещенъ мною и нареченъ Николаемъ. Сей младенецъ есть сынъ умершаго Татарина В—я Т—ва. Жена его А—а, по смерти мужа, хотѣла креститься со всѣми дѣтьми, и съ этимъ намѣреніемъ бѣжала съ *Тайны*; но деверь, свѣдавши о семъ, догналъ ее и отнялъ у ней дѣтей, а безъ дѣтей и сама она не рѣ-

шилась принять крещеніе. Гдѣ она находится нынѣ, мы не могли узнать сего, а деверь ея принадлежитъ къ нижне-Кумандинской волости, подчиненной Башлыку Тетешу, и живетъ въ Аулѣ *Тайнинскомъ*, отъ рѣчки Тайны, такъ называемомъ.

Дек. 4. Въ селеніи *Усть-Ишинскомъ*, живущій въ домѣ Христіанина—Татарина И—а Е—ва, Татаринъ К—въ, имѣющій отъ роду 20 лѣтъ, изъявилъ желаніе быть Христіаниномъ. Между тѣмъ, какъ все нужное приготовляли къ крещенію, мать К—ва, старуха ветхая, зимующая близъ сей деревни въ убогой юртѣ, пришла въ домъ Е—ва. Поелику извѣстно было, что она отнюдь не согласна оставить родное суевѣріе, и всячески старалась отклонить сына своего отъ благаго намѣренія; то на вопросъ о сынѣ, сказали ей, что онъ отлучился изъ дому, по нѣкоторой домашней нуждѣ, и посадили ее за дѣло. Когда же мы, нарекши его Николаемъ, и по оглашеніи привели на рѣку Ишу для крещенія; въ то время нѣкто объявилъ старухѣ всю истину. Немедленно бѣжитъ

она на берегъ рѣчки, и плачевными воплями наполняетъ воздухъ: но сынъ ея былъ уже освященъ крещеніемъ, и возвращался съ нами въ домъ Н—я П—ва, дабы здѣсь въ Мvропомазаніи принять печать дара Духа Святаго. Потомъ сей новый сынъ Церкви Христовой вмѣстѣ съ нами обѣдалъ, а послѣ обѣда я отвелъ его въ домъ отца его по Христіанству И—а Е—ва, гдѣ находилась и мать его по плоти. Тутъ онъ поклонился ей до земли; а она горько зарыдала,—и какъ ни старались утѣшить ее, долго не переставала рыдать и плакать. Когда же нѣсколько успокоилась, то изъ казны Миссіи нашей приняла лѣнты на хлѣбъ, и наконецъ, безъ всякаго негодованія, и сама она, и меньшій сынъ ея, брали изъ рукъ моихъ подаваемую имъ со стола пищу. Новокрещенный, при первомъ воззрѣніи на рыдающую мать свою, воздалъ долгъ естеству слезою любви, но потомъ былъ спокоенъ и веселъ, утѣшалъ вмѣстѣ съ другими плачущую, и охотно согласился отправиться съ нами въ *нижній Карагучъ*, дабы

получить необходимое наставленіе въ правилахъ Христіанской Вѣры и жизни.

Вечеромъ мы пріѣхали въ *Карагушъ*, и остановились въ домѣ крестьянина И—и А—ва. Онъ давно былъ извѣстенъ мнѣ по слуху, какъ знатокъ нарѣчія здѣшнихъ Татаръ, и мы рѣшились, нарочно для свиданія съ нимъ, верстъ на 7-мь уклониться отъ прямаго пути въ Улалу. Еще не успѣли мы осмотрѣться въ квартирѣ, какъ вбѣжала въ избу дѣвочка, и съ рыданіемъ звала хозяйку къ матери, сказывая, что она при смерти. Тотчасъ запрягли лошадь, дабы и насъ отвесть къ больной. Она находилась въ такомъ состояніи, что едва могла промолвить: „я грѣшна во всемъ; прости меня, Господи Іисусе Христе, и вы всѣ простите меня грѣшную!" потомъ причастилась тѣла и крови Христовой. Остальную часть вечера мы провели въ разговорахъ съ И—ю А—мъ, и въ обученіи новокрещеннаго Н—я молитвѣ во имя Господа Іисуса.

Дек. 5. Сего дня въ полдень пріѣхали мы въ небольшое селеніе, называемое

верхнимъ Карагушемъ, которое отстоитъ отъ *нижняго* верстахъ въ 10-ти. Два Татарина, о коихъ вчера сказали намъ, что они желаютъ принять крещеніе, показались намъ еще далекими отъ сего желанія, и на всѣ наши увѣщанія отвѣтствовали однимъ словомъ: *іокъ*, т. е. *нѣтъ, не хочу!* Одинъ изъ нихъ, по имени Н—къ, лѣтъ уже 20-ти, круглый сирота; а другой, по имени Б—къ, лѣтъ 16-ти, съ меньшимъ братомъ своимъ Э—мъ, которому не болѣе 12-ти лѣтъ, живетъ при родной своей бабкѣ, которую зовутъ Т—ю. Сія старуха рѣшилась оставаться до смерти въ родномъ суевѣріи, но внукамъ не препятствовала вступить въ Церковь Христову. Мы совѣтовали ей предшествовать имъ на пути ко спасенію, и замѣтивъ, что она любитъ ихъ сердцемъ матери, говорили, что отъ различія вѣръ, и въ сей и въ будущей жизни, они сдѣлаются другъ для друга чужими, что великая будетъ радость на небесахъ, если и одинъ старшій внукъ ея соединится съ блаженнымъ семействомъ

Господа Iисуса; но свѣтлѣйшее для небесныхъ Ангеловъ будетъ торжество, когда и сама она и оба внука ея сдѣлаются чадами Божiими. Хозяинъ нашъ, П—ъ Т—въ служилъ толмачемъ между мною и старицею; а старшiй внукъ ея и самъ хорошо разумѣетъ Рускiй языкъ. Однакожъ, сколько мы и Христiанскiе жители сей деревни ни усиливались склонить ихъ къ принятiю Вѣры Христовой, всѣ усилiя наши остались безъ успѣха. Спустя не много, въ другой разъ пришла къ намъ старуха Т—ка, и я, примѣтивъ необычайную блѣдность, и нѣчто даже страшное въ лицѣ ея, хотя и расположенъ былъ гадать о борьбѣ, происходящей въ душѣ ея; но въ то время не имѣлъ ни желанiя, ни времени повторять ей прежде сказанное, и предавъ сiе дѣло волѣ Божiей, началъ съ братомъ А—мъ служить для здѣшнихъ Христiанъ всенощную.

Дек. 6. Сего дня утромъ мы служили часы въ своей квартирѣ, пѣли Акаѳистъ Святителю Николаю, и потомъ святили воду, по желанiю здѣшнихъ жителей.

Лишь только окончилось это молитвословіе, вдругъ видимъ, что старуха Т—ка и внуки ея входятъ въ покой нашъ, и всѣ объявляютъ рѣшительную волю принять святое крещеніе. Велика милость Божія! въ удивленіи говоримъ мы сами себѣ. Воистину сіе есть дѣло молитвъ Угодника Божія и Чудотворца Николая! и тогда же всѣ они трое крестились во имя Святыя, единосущныя и нераздѣльныя Троицы. Послѣ обѣда, освятивъ воду, мы окропили все имущество, находившееся въ смиренной ихъ хижинѣ, и тутъ же узнали, что старица Т—ка и внуки ея прошедшую ночь провели безъ сна; что хотя у нихъ и было приготовлено конье мясо для ужина, однако никто изъ нихъ не рѣшился вкушать его; и что они пребывали въ глубокой думѣ, пока всѣ трое, маніемъ Божіимъ, не соединились въ единодушномъ и искреннемъ желаніи быть Христіанами. Старица Т—ка наречена въ святомъ крещеніи Анною, старшій внукъ ея—Саввою; а младшій Николаемъ. Послѣ сего, раба Божія Анна всѣ свои, такъ называемыя,

куколки, которымъ, по прежнему суевѣрію, приписывала важную значительность, собрала и безъ всякаго смущенія отдала мнѣ для сожженія.

Дек. 7. Вчера намъ разсудилось ночевать въ хижинѣ старицы Анны. Всѣ спали въ мирѣ, отъ сна востали въ радости, и сотворили утреннюю молитву вкупѣ. Нынѣ же мы приготовляли новокрещенныхъ къ Таинству Евхаристіи, и вмѣстѣ съ ними учился молиться Богу осмилѣтній отрокъ Татаринъ, крещенный нынѣшнимъ лѣтомъ.

Дек. 8. Сего дня мы пробудились весьма рано: служили утреню, потомъ часы, а послѣ всѣ новокрещенные исповѣдывались и пріобщались тѣла и крови Христовой.—Съ ними вмѣстѣ пріобщалась также одна слѣпая, и весьма немощная старица, именемъ Параскева. Всѣхъ причастниковъ было шесть, въ числѣ коихъ находился осмилѣтній отрокъ Василій и Николай, новокрещенный въ *Усть-Ишинскомъ* селеніи. Изъ *Верхняго Карагуша*, въ коемъ съ одной стороны новокрещенные, а съ другой, движимые

усердіемъ къ слышанію Божественнаго слова, старые Христіане доставляли намъ случай къ разнообразнымъ занятіямъ, нынѣ отправились мы въ деревню *Барду*, гдѣ надлежало увидѣться съ однимъ Татариномъ, который со всѣмъ своимъ семействомъ, какъ намъ сказывали, желаетъ вступить въ Христіанскую Церковь.

Дек. 10. Мы возвратились вчера въ *Нижній Карагушъ*, отстоящій въ 20-ти верстахъ отъ *Барды*, гдѣ на сей разъ не имѣли рѣшительнаго успѣха; а сего дня утромъ отправились изъ *Нижняго Карагуша*, и пріѣхали въ *Улалу* предъ наступленіемъ вечера. Здѣсь мы имѣли пріятнѣйшее свиданіе съ новокрещеннымъ Іоанномъ, коего нашли благополучнымъ и по внѣшнему состоянію, и по душевному устроенію.

Дек. 15. Увѣрясь въ томъ, что въ *Улалѣ*, нынѣшнею зимою нельзя намъ имѣть способнаго мѣста для Церкви, и утвердившись въ намѣреніи ѣхать *въ Бійскъ*, а оттуда въ *Сандыпскій Форпостъ*, почелъ я за нужное еще разъ увидѣть

старицу Анну и внуковъ ея, и на сей конецъ пріѣхалъ нынѣ изъ *Уламы* въ *Верхній Карагушъ*. Новокрещеннымъ далъ я свидѣтельство, кѣмъ, когда и при какихъ воспріемникахъ, введены они въ Церковь Христову, а отъ нихъ получилъ письменное обязательство и обѣщаніе, вѣрно пребывать въ нѣдрахъ Восточной Церкви, до конца своей жизни. Я старался утвердить ихъ въ тѣхъ мысляхъ, какія первоначально были имъ внушаемы. Они молились вмѣстѣ со мною, и когда я просилъ старицу Анну молиться по временамъ сими словами Спасителя: *Отче нашъ, да будетъ воля твоя!* то узналъ, что она прежде молилась такъ: „Боже мой! куда Ты скрылся? посмотри на меня.“ Кто бы могъ не одобрить и сего молитвословія?

Дек. 17. Въ *Нижній Карагушъ* послалъ я письмо къ А—ю, грамотному сыну И—и А—ва, которымъ просилъ его посѣщать по временамъ новокрещенныхъ въ *Верхнемъ Карагушѣ*, читать имъ Священную Исторію и Катихизисъ по печатной книжкѣ, которую онъ получилъ

отъ насъ, и утверждать ихъ до времени въ томъ краткомъ образѣ молитвословія, какой имъ нами преподанъ, и на бумагѣ оставленъ. Потомъ, предавъ ихъ покровительству и храненію Божію, я простился съ *Верхнимъ Карагучемъ*, и сего же дня возвратился въ *Улалу*, гдѣ братъ А—й продолжалъ читать по вечерамъ Евангеліе для Іоанна, и совершать вмѣстѣ съ нимъ молитвословіе. Дѣти здѣшнихъ Христіанскихъ жителей также приходили къ намъ молиться Богу, и слушать повѣствованія изъ первыхъ главъ первой книги Моисеевой, и Евангельскую исторію о Спасителѣ.

Дек. 21. Желаніе возвратиться въ *Бійскъ*, прежде наступленія великаго праздника, побудило насъ оставить *Улалу*, и благодареніе Господу! сего дня мы прибыли въ *Бійскъ* благополучно.

Дек. 27. Вчера мы посѣтили Калмыцкаго Зайсанга Бакая въ квартирѣ его, сидѣли у него часа три, и читали ему и другимъ Калмыкамъ написанное, во время послѣдняго пребыванія нашего въ *Улалѣ*, на Татарскомъ нарѣчіи повѣ-

ствованіе о сотвореніи міра и паденіи человѣка, также краткое обозрѣніе Пророчествъ о Спасителѣ міра, и наконецъ приглашеніе въ Церковь Христову. Калмыки спокойно и внимательно слушали, и (если только искренни были ихъ отзывы) понимали читанное. Но этимъ, на сей разъ, и кончилось дѣло. Буди воля Господня!

XXV.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Се благовѣствую вамъ радость велію (Лук. 2, 10), сказалъ Ангелъ Господень, возвѣщавшій Виѳлеемскимъ Пастырямъ рожденіе нашего Спасителя! Дѣйствительно, сіе событіе такъ радостно, что умъ нашъ никогда не постигнетъ величія дарованнаго намъ блага, и сердце наше никогда не обниметъ всей полноты сообщенной намъ радости!—

Родъ человѣческій, до рожденія Эммануила, находился подъ гнѣвомъ Божіимъ, носилъ на себѣ проклятіе неба, и былъ осужденъ на вѣчную погибель: но вотъ, явился Освободитель отъ бѣдствій, пришелъ Путеводитель къ заблудшимъ, Врачъ къ немощнымъ, Искупитель къ плѣнникамъ, Податель прощенія къ осужденнымъ, Жизнодавецъ къ умершимъ!

Радостно было для Израильтянъ прибытіе Моvсея, посланнаго Богомъ къ Фараону, дабы освободить ихъ изъ рабства Египетскаго (Исх. 3, 10); но несравненно радостнѣе пришествіе въ міръ Сына Божія, посланнаго Отцемъ для искупленія человѣковъ изъ плѣна грѣховнаго. Утѣшительно было для Ноя возвращеніе въ ковчегъ голубицы, принесшей ему масличную вѣтвь, какъ знаменіе прекращеннаго потопа (Быт. 8, 11): но несравненно утѣшительнѣе рожденіе Іисуса, принесшаго намъ благовѣстіе о примиреніи Бога съ человѣкомъ. Итакъ мы не тщетно ликуемъ, не напрасно торжествуемъ воплощеніе Сына Божія: Рождество Христово есть непререкаемое свидѣтельство милосердія Божія къ человѣку!

И какого милосердія!—Верховное величіе соединяется съ глубочайшимъ уничиженіемъ, высочайшее могущество съ глубочайшимъ безсиліемъ, безпредѣльное совершенство съ крайнимъ ничтожествомъ! Небесная правда, для примиренія человѣка съ Богомъ, требовала сего

соединенія, и непостижимая любовь Бога къ человѣку дивно совершила сіе соединеніе. Самъ *Богъ является во плоти* (1 Тим. 3, 16)! Vпостасное, Отчее *Слово становится плотію* (Іоа. 1, 14)!

О, какая недомыслимая тайна! Кто постигнетъ глубину ея? Творецъ оскорбленъ своею тварію, и преступная тварь не могла принесть Ему ни какой жертвы, довольной къ Его умилостивленію. Итакъ Самъ оскорбленный воплощается, и дѣлается своимъ умилостивителемъ. Человѣкъ оставилъ Бога, и предался врагу Божію: но Оставленный Самъ взыскуетъ, и милостивно призываетъ къ Себѣ оставившаго. Человѣкъ уклонился отъ верховнаго Блага, и ниспалъ въ бездну погибели: но безпредѣльно Благій собственною жертвою удовлетворяетъ своей правдѣ, и спасаетъ смертнаго отъ вѣчной гибели. Не есть ли это чудо, высочайшее изъ чудесъ?—

Во Христѣ наша природа возвеличена болѣе, нежели сколько уничижена была въ Адамѣ; во Христѣ мы болѣе пріобрѣли, нежели сколько потеряли въ Адамѣ.

Въ Адамѣ мы потеряли невинность; во Христѣ пріобрѣли совершенную праведность. Дивно Божіе могущество въ созданіи, но еще удивительнѣе богатство Его милосердія въ нашемъ возсозданіи; хотя и то и другое, могущество и милосердіе, одинаково безпредѣльны въ Богѣ. Изумительно сотвореніе человѣка, но еще изумительнѣе его искупленіе; хотя и то и другое, созданіе и искупленіе, есть свободное дѣло одной и тойже Божественной силы. Ибо что величественнѣе въ дѣлѣ Божіемъ, дарованіе ли бытія человѣку, ничѣмъ не заслужившему сего дара; или искупленіе преступнаго человѣка, и принятіе на себя всей вины его? Что непостижимѣе въ Богѣ, созданіе ли плоти и кости, или воспріятіе на себя созданной Имъ плоти и кости? Мы *уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его* (Ефес. 5, 30)!

Милосердому Богу, создавшему насъ, безъ всякой нашей заслуги, Искупившему насъ, при всей нашей виновности, и уготовавшему намъ, по своей благости,

вѣчное блаженство въ небѣ, да возсылается хвала и благодареніе въ безконечные вѣки!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ 1834 ГОДА.

I. ПИСАНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ:

Василія Великаго

Правила пространно изложенныя по вопросамъ и отвѣтамъ . . . . . . 3.

Григорія Богослова

Эпитафіи Святому Василію Великому. 23.

Іоанна Златоустаго

Похвальное Слово Іуліану Мученику. 115.

Макарія Великаго

Бесѣда о томъ, что Божественныя обѣтованія и предреченія совершаются послѣ различныхъ испытаній и искушеній . . . . 27.

Бесѣда о томъ, что дары божественной благодати сохраняются и умножаются смиреніемъ и ревностнымъ стараніемъ, а отъ гордости и нерадѣнія теряются. . . . . 244.

Ефрема Сиріанина

Избранныя мысли. . . . . 39.

Андрея Критскаго

Похвальное Слово Святителю и Чудотворцу Николаю. . . . . 229.

Блаженнаго Іеронима
Письмо къ Летѣ о воспитаніи малолѣтной дочери . . . . 250.
Іоанна Дамаскина
Объ осми злыхъ помыслахъ . . . 146.
Исидора Пелусіота
Письма. . . . . 152.
II. ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ.
О чудесахъ . . . . 45.
Праздникъ Кущей . . . . 170.
О разсѣянности во время молитвы. 184.
Невѣріе . . . . 291.
Провидѣніе . . . . 315.
III. ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.
Слово о мудрости и глупости, сказанное въ Кимрской Троицкой Церкви 4 Августа 1834 года, Синодальнымъ Членомъ *Григоріемъ*, Архіепископомъ Тверскимъ . . . . 85.
Слово въ недѣлю цвѣтоносную, говоренное 6 Апрѣля 1791 года *Георгіемъ Конисскимъ*, Архіепископомъ Бѣлорусскимъ . . . . 195.
Слово въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, и предъ торжественнымъ обѣтомъ сердобольныхъ вдовъ, въ Церкви Св. Маріи

Магдалины, что во вдовьемъ домѣ, Декабря 6 дня 1834 года говоренное Синодальнымъ Членомъ *Филаретомъ*, Митрополитомъ Московскимъ . . . . 303.
IV. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.
Апостолъ Петръ въ Лиддѣ и Іоппіи. 77.
Илія на Кармилѣ . . . . 210.
Отрывки изъ путевыхъ записокъ Миссіонера А. М—я . . . . 328.
V. НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.
Важнѣйшій урокъ для юноши. . . 96.
Бдительность надъ мыслями . . . 108.
Христіанство и всенародность . . 283.
Рождество Христово . . . . 240.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ НА 1834 ГОДЪ.

Напечатано:			Читать должно:
Стран.	Строк.		
49 —	8.	коимъ	коими
64 —	20.	Лакшакпій.	Лактанцій
83 —	7.	въ сердцахъ	въ сердца
89 —	14.	не принимаешь	не предпринимаешь
199 —	26.	постѣлеши.	постелеши
224 —	6.	совершенными	совершенными
226 —	6.	неизрѣченная	неизреченная

Preço 1 vol.º 2$400 [illegible]

[illegible]

